ДИМИТРІЙ СВЕРЧКОВЪ

БУРИ МИНУВШІЯ

(БОЖИДАРЪ ЗОРИЧЪ)

РОМАНЪ

въ двухъ частяхъ

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
«Земли родной минувшую судьбу.

«Борисъ Годуновъ»

А. Пушкинъ.

ПАРИЖЪ
1933

ДИМИТРІЙ СВЕРЧКОВЪ

БУРИ МИНУВШІЯ

(БОЖИДАРЪ ЗОРИЧЪ)

РОМАНЪ

въ двухъ частяхъ

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
«Земли родной минувшую судьбу.

«Борисъ Годуновъ»

А. Пушкинъ.

ПАРИЖЪ
1933

Того же автора:

РАЗГОНОВЫ

Историческій романъ-лѣтопись въ 3 частяхъ.

Критика дала объ этой книгѣ лестные отзывы. Между прочимъ, В. Даватцъ такъ говоритъ о ней: «Отъ романа вѣетъ наивной простотой, отъ которой мы давно уже отучились, и это его достоинство. Но, пожалуй, большее достоинство въ томъ, что, доведя свою лѣтопись до кошмарныхъ дней революціи и гражданской войны, авторъ ни на одну минуту не впалъ въ человѣконенавистничество... Романъ написанъ по старинному, безъ углубленія à la Достоевскій въ душевныя переживанія, безъ психологическаго анализа, но и безъ скучныхъ описаній природы или протокольнаго изложенія мелочей.

Романъ Д. Сверчкова можетъ быть названъ *хорошей книгой*, и авторъ можетъ сказать словами поэта: «чувства добрыя я лирой пробуждалъ».

На обложкѣ романа «Разгоновы» ошибочно указано, что всѣ права на него сохранены за издательствомъ, въ то время, когда онѣ сохранены за авторомъ.

Того-же автора:

АЛЕКСАНДРИТЪ

романъ въ двухъ частяхъ

Этотъ романъ былъ встрѣченъ читающей публикой особенно радушно и тепло.

Покойный Айхенвальдъ высказался объ этой книгѣ, какъ о романѣ съ интересной фабулой, и при томъ, изложенной хорошимъ литературнымъ языкомъ, и обѣщалъ ему успѣхъ.

Готовятся къ печати:

«ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ»

того-же автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	стр
Первая Часть	9
Вторая Часть	75

ЭТУ КНИГУ ПОСВЯЩАЮ СЪ ЛЮБОВЬЮ И УВАЖЕНІЕМЪ МОЕЙ ЖЕНѢ.

АВТОРЪ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I

«Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
«И словно слышится мнѣ нашего села
«Далекій благовѣстъ. И ласково и нѣжно
«Съ далекой родины гудятъ колокола.

К. Р.

Въ то время, когда техника еще не выходила изъ предѣловъ пара и примитивнаго электричества, химія не открыла радія и сказочная фантазія Жюль Верна еще не воплотилась въ жизнь, въ то время, когда при Императорѣ Александрѣ III самодержавная власть прочно покоилась на Основныхъ Законахъ Россійской Державы и всѣ ученія о благѣ человѣчества ограничивались въ Россіи Евангеліемъ и, наконецъ, когда вся Литва входила въ одну шестую часть всей земной суши, занятую Россійской Имперіей, — въ это время, въ городѣ Вильнѣ, недалеко отъ костела Св. Св. Петра и Павла, въ предмѣстьи Антоколь, надъ крутымъ обрывомъ рѣки Виліи, стоялъ небольшой домъ, принадлежавшій генералу, князю Минскому.

Генералъ во время минувшей Русско-Турецкой войны 1877-1878 г. г. командовалъ полкомъ въ Рущукскомъ отрядѣ Цесаревича и поэтому былъ лично извѣстенъ Государю.

Вернувшись послѣ оккупаціи русскими войсками турецкихъ областей, онъ собрался выйти въ отставку, чтобы, какъ онъ говорилъ, «пожить для себя», т. е. отдохнуть отъ службы, походовъ и войны и, поселившись въ Вильнѣ со своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Сашей (генералъ былъ вдовъ), заняться своимъ имѣніемъ, хозяйство котораго приходило въ полное разстройство въ недобросовѣстныхъ рукахъ управляющихъ и арендаторовъ.

Онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ...

Въ отвѣтъ на это пришла срочная телеграмма отъ военнаго министра прибыть немедленно въ Петербургъ и явиться Государю.

Въ это время князь Минскій былъ бригаднымъ въ Пензѣ.

Не понимая почему Государь пожелалъ его видѣть, онъ съ первымъ же поѣздомъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Вмѣсто отставки, Государь назначилъ его губернаторомъ въ Поволжье.

Когда при этомъ князь осмѣлился доложить Государю о своихъ личныхъ дѣлахъ и усталости, Государь, сжавши въ кулакъ золотые карандаши

Своего аксельбанта, что было признакомъ Его гнѣва, посмотрѣлъ на Минскаго изъ подъ нахмуренныхъ бровей и раздѣльно и твердо произнесъ: «вы будете служить, — вы еще нужны Мнѣ и Россіи!» и этими словами прекратилъ аудіенцію.

Противорѣчить Императору Александру III было нельзя...

Только черезъ три года, губернія, тлѣвшая съ давнихъ поръ огнемъ смуты, очистилась отъ зла и Государь, щедро наградивъ Минскаго, освободилъ его отъ службы.

Сдавъ губернію, князь побывалъ въ Петербургѣ, представился Государю и, не задерживаясь, уѣхалъ въ Вильну.

II

Въ этомъ году зима въ Литвѣ переломилась рано, — съ побѣднымъ шумомъ шла весна и все уже кругомъ дышало ею.

Первое время князь жилъ дѣйствительно только «для себя»...

Довольный тѣмъ, что нѣтъ ни докладовъ, ни пріемовъ, ни размѣренныхъ служебныхъ часовъ, онъ, сидя въ глубокомъ креслѣ на открытой верандѣ, курилъ сигару за сигарой, просматривалъ газеты и журналы и, какъ зритель, наблюдалъ проходящую мимо жизнь...

Вотъ несутся внизъ по Виліѣ бревенчатые плоты и небольшіе пароходы, пыхтя и отдуваясь, съ трудомъ преодолѣваютъ быстрое теченіе, поднимаясь въ Верки. Мальчишки, стоящіе съ засученными штанишками въ водѣ, поспѣшно хватаютъ ведерки съ наловленной рыбой и отбѣгаютъ на песчаную отмель отъ пароходной волны...

Дальше, у «палаццо» графовъ Тышкевичъ переправляется черезъ рѣку на лодкѣ саперный караулъ, а на другомъ берегу Псковскіе лейбъ-драгуны на казарменномъ плацу «гоняютъ смѣны» и учатся пѣшему строю... Вѣтеръ доноситъ оттуда отвѣты драгунъ: «здравія желаю!».

Облокотившись о перила рѣшетки, генералъ смотритъ, какъ въ саду садовникъ вскапываетъ клумбы и снимаетъ съ розовыхъ кустовъ солому, въ которую они были одѣты зимой...

Съ веранды видѣнъ только край двора...

На крышѣ амбара стоитъ Саша и, не подозрѣвая того, что онъ находится въ отцовскомъ полѣ зрѣнія, съ азартомъ запускаетъ въ небо голубей.

Голуби кувыркаются въ небесной лазури и Саша, размахивая руками, споритъ съ сосѣдними мальчиками о качествѣ своихъ «египетскихъ турмановъ», которыхъ ему удалось переманить съ зарѣчной голубятни.

«Это вмѣсто того, чтобы учиться!» — сердито думаетъ генералъ, вспоминая рядъ плохихъ отмѣтокъ съ Сашиной гимназической четверти.

Приближается вечеръ... Сильнѣе пахнетъ расцвѣтающей черемухой... Солнце бросаетъ прощальный лучъ на вершину Замковой горы и, озолотивъ

въ послѣдній разъ развалины крѣпостныхъ стѣнъ Гедимина, медленно опускается за готическіе купола костела Св. Іакова.

Вниманіе генерала отвлекаетъ влюбленная пара у сосѣдей, за изгородью сада. Барышня съ молодымъ человѣкомъ медленно идутъ подъ руку по садовой дорожкѣ и все время нѣжно цѣлуются.

«Охъ, эта весна!», думаетъ генералъ, — «опасное время!»...

Становится темно...

Все сливается въ сѣрую пелену и въ ивовыхъ кустахъ у рѣки робко и неувѣренно беретъ первыя трели чарующій соловей.

III

Пріѣздъ отца совсѣмъ нарушилъ теченіе Сашиной жизни, — съ одной бабушкой (матерью Сашиной мамы) было гораздо лучше. Начиная съ того, что Саша исполнялъ ея желанія только потому, что она просила его и, когда онъ не слушался, плакала. Бабушка тогда говорила, что его мама смотритъ на него съ неба и это часто удерживало его отъ шалостей и проказъ.

Но чаще всего онъ забывалъ и про маму, и про бабушку, и про ея слезы...

Какъ-то, за вечернимъ чаемъ, отецъ, строго посмотрѣвъ на Сашу, сказалъ бабушкѣ:

«Этотъ мальчишка лѣнивъ и не хочетъ учиться!», и передалъ бабушкѣ Сашино свидѣтельство о его печальныхъ гимназическихъ успѣхахъ.

«Обратите на него свое вниманіе и, если не поможетъ, скажите только мнѣ!», добавилъ отецъ, многозначительно постучавъ по столу.

Послѣ этого Саша присмирѣлъ, — онъ взялся за уроки и оставилъ въ покоѣ еврейскихъ мальчиковъ, съ которыми онъ «прервалъ дипломатическія отношенія и находился съ ними въ состояніи войны», т. е. ловилъ ихъ по дорогѣ изъ гимназіи и купалъ въ снѣгу.

Послѣ Ѳоминой генералъ уѣхалъ въ деревню и Саша вздохнулъ свободнѣе.

Онъ какъ бы старался наверстать все потерянное, снова забросилъ учебники, возобновилъ войну съ «израильтянами» и, уже не обращая никакого вниманія на бабушкины слезы, убѣгалъ на берегъ рѣки, что ему при отцѣ строго запрещалось...

Въ одно изъ воскресеній, жители набережныхъ были свидѣтелями того, какъ какой-то мальчикъ въ гимназической курткѣ, судорожно вцѣпившись въ бревно, безпомощно несся по фарватеру Виліи...

Это Саша, прыгая по плотамъ, упалъ въ воду и, схватившись за бревно, понесся съ нимъ по теченію...

По набережной бѣжали люди, кричали, звали на помощь... Причитали и плакали женщины... Къ Сашѣ отовсюду спѣшили рыбачьи лодки...

Его извлекли изъ воды уже за чертой города и городовой доставилъ его на извощикѣ домой жалкаго, всего въ синякахъ и наглотавшагося воды.

Послѣ этого Саша недѣлю провелъ въ постели.

Въ гимназіи онъ объяснилъ своимъ друзьямъ, что, подобно «отважному мореплавателю Христофору Колумбу, открывшему Америку», онъ намѣревался открыть на Виліѣ необитаемую землю и, водрузивши на ней русскій флагъ, присоединить къ Россіи... Онъ поселился бы на этой землѣ и жилъ, какъ Робинзонъ Крузо!.. и Саша неудержимо унесся въ міръ дѣтскихъ грезъ и фантастическихъ приключеній... Его аудиторія завидовала ему и млѣла отъ восторга, пока одинъ изъ старыхъ второклассниковъ не замѣтилъ, что все таки у Саши Пятницей былъ не чернокожій, а обыкновенный городовой, и что рыбаки, которые гонялись за Сашинымъ бревномъ, были не людоѣды...

Это скептическое замѣчаніе вернуло Сашу къ дѣйствительности и напомнило ему о скоромъ возвращеніи отца и онъ со страхомъ ощутилъ, какъ у него, у такого «отважнаго мореплавателя», сами собой разстегнулись пуговицы и начали спускаться штанишки.

IV

Генералъ вернулся изъ деревни въ началѣ мая и въ тотъ же день потребовалъ Сашу къ себѣ въ кабинетъ.

Хотя Сашина бабушка и ожидала этого, но, когда пришелъ старый камердинеръ Никифоръ и передалъ генеральское требованіе, она заохала и заметалась.

Спрятавъ Сашу на своей половинѣ, она перекрестилась на образа и, смочивъ нашатырнымъ спиртомъ уголъ носового платка, сама, жертвуя собой, пошла къ зятю.

Любовь къ Сашѣ была больше страха генеральскаго гнѣва и сила этой любви, сильнѣе ея воли, заставила ее, дрожащую, идти къ нему.

«Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость Его», прошептала она, переступая порогъ генеральскаго кабинета.

Генералъ сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ и курилъ сигару.

Приподнявшись, онъ предложилъ Сашиной бабушкѣ сѣсть.

Старуха нерѣшительно опустилась на диванъ.

«Мнѣ бы, собственно, надо было видѣть этого негоднаго мальчишку!», сказалъ генералъ, выпуская клубъ синеватаго дыма.

«Какого?», спросила, заикаясь, старушка.

«Какъ какого? Слава Богу, у меня только одинъ такой негодяй... Сашу!», пояснилъ сердито генералъ.

«Онъ... я, право, не знаю гдѣ!».

«Гм!». Генералъ посмотрѣлъ на часы. Было 4.

«Странно! А не являетесь ли вы Сашинымъ адвокатомъ?», поднялъ онъ на старушку изъ подъ нахмуренныхъ бровей свои глаза.

«Да!.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ»...

Генералъ пригладилъ усы.

«Я получилъ отъ директора гимназіи извѣщеніе, что Саша въ послѣднее время никогда не готовитъ уроковъ и такъ шалитъ въ классѣ, что мѣшаетъ учиться другимъ, — это вамъ, между прочимъ, извѣстно?», спросилъ, помолчавъ, генералъ.

«Да, всѣ къ бѣдному мальчику придираются!».

«Конечно, — бѣдный мальчикъ! И всѣ его обижаютъ!», покачалъ головой генералъ. «Вотъ и сегодня пришелъ ко мнѣ какой-то Янкель Дудельманъ и жаловался, что этотъ «бѣдный мальчикъ» всю зиму купалъ его маленькаго Мойшу въ снѣгу, въ сугробахъ, а сегодня его такъ избилъ, что онъ оказался весь въ синякахъ... Вы это знаете?».

«Саша такой хорошій, послушный...».

«Послушный?», перебилъ съ сердцемъ генералъ, «да это настоящій разбойникъ... хулиганъ...».

Старушка испуганно смотрѣла по сторонамъ.

«Вы, кажется, скоро будете утверждать, что это не онъ, а вы сами плыли на бревнѣ по рѣкѣ? Не такъ-ли?».

«Ахъ, что вы? Онъ, какъ ангелъ...»

«Ангелъ! Хорошъ ангелъ!..». Генералъ всталъ и съ шумомъ отодвинулъ кресло.

«Распущенность! Безобразіе!..». Генералъ прошелся по комнатѣ. «Нѣтъ! Довольно!», сказалъ онъ раздѣльно. «Этого мальчишку въ гимназію больше не посылать, — онъ свое классическое образованіе закончилъ! Голубятню заколотить! Знакомство съ дворовыми мальчишками прекратить! Цѣлое лѣто онъ будетъ учиться, — осенью я его отвезу въ корпусъ...».

«А я какъ-же... безъ Саши?», испуганно произнесла старушка, не сразу понявъ все значеніе обрушившагося на нее несчастья.

«Вы?.. Васъ въ корпусъ не примутъ!», разсердился генералъ.

Старушка поднесла къ лицу носовой платокъ.

«А его тамъ отшлифуютъ!», заключилъ генералъ свои слова, «будетъ шелковый»...

«Отшлифуютъ... будетъ шелковый...», безотчетно повторила бѣдная старушка и заплакала.

V

«Въ лѣто 862 Рюрикъ раздая мужемъ своимъ грады и Полотскъ».

Лѣтопись Нестора.

«Какъ у Бога въ раю, въ Бѣлорусскомъ краю,
«Гдѣ Двина съ Полотою сливается,
«Возникъ городъ Славянъ, — кривичей и древлянъ,
«Полоцкомъ онъ называется.

Изъ кадетской пѣсни.

Много видѣлъ древній Полоцкъ на своемъ вѣку...

Но народное самосознаніе не все удержало въ памяти изъ его многовѣковой исторіи и только, какъ обрывки неясныхъ воспоминаній, не смытыхъ волнами времени, говоритъ въ формѣ легендарныхъ сказаній о кровавыхъ спорахъ изъ за него кіевскихъ, литовскихъ и новгородскихъ князей, о славѣ княгини Рогнѣды и о «рыскающемъ волкѣ сѣромъ», ея внукѣ Всеславѣ...

Свѣтитъ Полочанамъ изъ сѣдой старины нѣжный образъ Св. Евфросиніи, княжны Полоцкой, какъ поборницы и носительницы обще-русской идеи въ массѣ полоцкихъ кривичей.

Помнитъ народъ и Грознаго Царя Ивана IV и какъ по его повелѣнію, «топили не желавшихъ креститься жидовъ» въ Полотѣ...

Подъ ударами польскаго короля Стефана Баторія палъ Полоцкъ!.. Не помогли Полочанамъ «ни тыны стоячіе, ни тарасы рубленые, ни рвы глубокіе, ни надолбы высокія»...

Около двухсотъ лѣтъ несетъ на себѣ Полоцкъ польское иго, пока Великая Царица Екатерина не беретъ его «подъ Свою Державную руку, отторгнутое возвратихъ»...

Ликуетъ Полоцкъ!

Совсѣмъ ярки полочанамъ батальныя картины Отечественной войны!

Подъ Полоцкомъ происходятъ упорные бои, которые заканчиваются пораженіемъ французскихъ корпусовъ Удино и Сенъ-Сира графомъ Витгенштейномъ...

Одно французское пушечное ядро изъ за Полоты впилось при бомбардировкѣ русскихъ позицій въ стѣну іезуитской коллегіи, основанной Стефаномъ Баторіемъ для монашескаго ордена базиліянцевъ, въ огромномъ зданіи которой при Императорѣ Николаѣ I помѣстился кадетскій корпусъ.

И это чугунное ядро, въ стѣнѣ длиннаго и мрачнаго корридора, съ врѣзанной вокругъ него мѣдной лентой, съ вязью: «6 октября 1812 года», рисуетъ юному кадетскому воображенію блестящую страницу далекаго прошлаго и создаетъ ей мистическое поклоненіе и рядъ легендъ.

Въ августѣ князь Минскій отвезъ Сашу въ Полоцкій корпусъ.

VI

Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
Жуковскій.

Въ первое время пребыванія въ корпусѣ новыя впечатлѣнія всецѣло захватили Сашу.

Эти безконечные корридоры, по которымъ можно было такъ весело бѣгать, большія залы съ рядами Царскихъ портретовъ въ большихъ золоченыхъ рамахъ; дортуары съ рядами кадетскихъ кроватей; огромный плацъ передъ корпусомъ съ пирамидальнымъ памятникомъ Отечественной войны и тѣнистый внутренній садъ, на которомъ, говорили, зимой будетъ катокъ и ледяныя горы, — все это было такъ ново и въ то же время такъ необычайно!

Странно было Сашѣ видѣть свое изображеніе въ большихъ зеркалахъ въ короткой кадетской курткѣ и онъ въ первое время все путалъ своихъ одноклассниковъ, которые тоже всѣ были одѣты въ такія-же куртки и, остриженные подъ гребенку, съ торчащими ушами, всѣ казались на одно лицо.

Весело было Сашѣ вставать утромъ подъ трескотню барабана, плескаться въ «умывалкѣ», хоромъ пѣть молитву и потомъ маршировать въ строю, какъ заправскому солдату, въ столовую, къ чаю.

Интересно было за уроками наблюдать новыхъ учителей...

Но вскорѣ все это, какъ однообразное, надоѣло Сашѣ и онъ заскучалъ.

Все чаще и чаще онъ сталъ вспоминать свою бабушку и ему стало казаться, что онъ ее никогда такъ не любилъ, какъ теперь.

Ему мучительно хотѣлось видѣть ее. Онъ не разъ плакалъ по ночамъ, но такъ, чтобы этого не видѣли кадеты и не дразнили его «бабой», хотя онъ самъ часто замѣчалъ, что многіе изъ нихъ тоже были «бабы» и горько плакали, уткнувъ свои лица въ подушки, чтобы заглушить душившія ихъ слезы.

Какъ-то, ночью, Саша проснулся.

Ему нужно было сбѣгать «туда», за умывалку. «Туда» велъ длинный и узкій корридоръ, въ которомъ тускло и рѣдко мерцало нѣсколько керосиновыхъ лампъ.

Черезъ большія черныя окна смотрѣла въ корридоръ фосфорическимъ свѣтомъ луна и гулко раздавались въ ночной тишинѣ поспѣшные шаги маленькихъ кадетъ. Было таинственно и жутко!

А старшіе кадеты еще разсказывали, что въ этомъ корридорѣ по ночамъ витаютъ безпокойныя тѣни умершихъ іезуитовъ и иногда даже появляется страшный духъ самаго Стефана Баторія.

А Саша, как и всѣ малыши, боялся Баторія...

Онъ сталъ ждать, когда кому нибудь изъ его одноклассниковъ будетъ съ нимъ по пути.

Ждать пришлось недолго, — недалеко отъ него поднялась съ подушки темная голова серба Божи Зорича.

«Тебѣ нужно идти «туда?», тихо спросилъ его Саша.

«Дабоме!», также тихо отвѣтилъ ему Божа, со сна, по сербски.

«Пойдемъ вмѣстѣ, — вдвоемъ не страшно».

«О, Баторій не страшнѣй турецкихъ баши-бузуковъ», отвѣтилъ Божа, поспѣшно натягивая сапоги, довольный тѣмъ, что у него есть попутчикъ.

Оба мальчика, крѣпко держась за руки, пробѣжали страшный корридоръ и, вернувшись обратно въ дортуаръ, быстро юркнули подъ еще теплыя одѣяла.

Саша заснуть не могъ...

Ему вспомнилось, что дома, у бабушки, ему никогда не приходилось бѣгать по ночамъ по страшнымъ корридорамъ съ загробными іезуитскими тѣнями и ему живо представилась бабушка въ чепцѣ, спавшая съ нимъ всегда въ одной комнатѣ. Онъ уткнулся головой въ подушку...

Неожиданно ему почудилось, что бабушка его гладитъ по остриженнымъ волосамъ... Онъ взялъ эту руку и нѣжно щекой прижался къ ней. Ему на душѣ стало легче! Бабушка хотѣла отнять свою руку, но Саша, прижавшись къ ладони, ее не пустилъ.

«Ты меня, Сашенька, пусти, — вѣдь ты у меня не одинъ!», услышалъ онъ голосъ своего воспитателя поручика Дроздовскаго.

Саша съ удивленіемъ поднялъ голову, — на его кровати сидѣлъ «Дроздъ».

«Ты не плачь... не надо плакать», утѣшалъ Сашу поручикъ. «Вотъ наступитъ Рождество, ты поѣдешь домой, къ бабушкѣ, въ деревню... Тебѣ будетъ весело».

«А Божа поѣдетъ?», спросилъ Саша, сквозь слезы.

«И Божа поѣдетъ», отвѣтилъ поручикъ, «мнѣ бабушка уже написала»...

«Ахъ, какая у меня бабушка! Чудная! Если бы вы только знали?», восторженно произнесъ Саша и сѣлъ на кровати.

«Нѣтъ, нѣтъ... Ложись и постарайся уснуть», уложилъ Сашу поручикъ, видя, что онъ собирается вступить въ разговоръ.

«Я не могу...».

«Прочти про себя нѣсколько разъ «Отче Нашъ» и заснешь!», убѣдительно произнесъ поручикъ и, погладивъ Сашу по головѣ, всталъ и пошелъ по дортуару, зорко всматриваясь въ спящихъ кадетъ при сумрачномъ освѣщеніи приспущенныхъ лампъ.

Онъ подошелъ къ Божѣ, который, разметавшись, уже крѣпко спалъ.

Поручикъ поправилъ ему подушку и подоткнулъ одѣяло.

Когда поручикъ вышелъ изъ дортуара, Саша быстро соскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ Божѣ.

«Божа! Божа! Знаешь, — мы съ тобой вмѣстѣ къ бабушкѣ на Рождество поѣдемъ, въ деревню»... говорилъ онъ, тормоша своего друга.

Но Божа не проснулся, — онъ только что то въ полуснѣ промычалъ въ отвѣтъ и повернулся на другой бокъ.

«Божа! Божа!».

«Зачѣмъ ты его будишь? Что тебѣ нужно? И мнѣ спать не даешь», недовольно проворчалъ спавшій рядомъ съ Божей рыженькій Даровскій.

«Ахъ, ты ничего не понимаешь», и Саша побѣжалъ къ своей кровати.

Онъ удобно укрылся одѣяломъ, прочелъ два раза «Отче нашъ» и, прошептавъ уже въ полуснѣ «да будетъ воля Твоя», спокойно уснулъ и проснулся только утромъ отъ барабанной дроби утренней зари, которую, высоко подбрасывая палки, билъ съ виртуозностью артиста старый барабанщикъ Павлушка, севастопольскій отставной солдатъ.

VII

«Буря мглою небо кроетъ,
«Вихри снѣжные крутя...

А. Пушкинъ.

«Эй, крупа! Вытряхивайся!», сухо выкрикнулъ кадетъ унтеръ-офицеръ, соскочивъ со ступеньки вагона на станціи «Витебскъ», когда поѣздъ, скрипя тормозами, остановился у перрона.

Его повелительный голосъ рѣзко прозвучалъ въ морозномъ воздухѣ и произвелъ на маленькихъ кадетъ, находившихся въ вагонѣ, дѣйствіе электрическаго тока, — «крупа» стала быстро хватать чемоданы и, согнувшись подъ ихъ тяжестью, «вытряхиваться» по ступенькамъ вагона.

На перронѣ они облѣпили своего унтеръ-офицера, какъ пчелы, и жались къ нему, какъ цыплята къ насѣдкѣ, ожидая, что онъ имъ скажетъ.

Это были полоцкіе кадеты-малыши, ѣхавшіе домой на рождественскіе каникулы на почтовыхъ лошадяхъ, на Оршу.

Желѣзной дороги въ то время на Оршу не было.

Станціонный реомюръ показывалъ десять ниже нуля.

Поднимался вѣтеръ...

Начинало мести...

Въ то время, когда унтеръ-офицеръ закуталъ своихъ малышей въ большіе мѣховые тулупы и съ помощью станціоннаго смотрителя уложилъ ихъ, какъ спеленутыхъ младенцевъ, на дно широкихъ саней, запряженныхъ тройкой поджарыхъ почтовыхъ лошадей, и, когда тройка, звеня надтреснутыми колокольчиками, выѣхала съ почтовой станціи дальше по Оршанскому шоссе, священникъ женскаго монастыря за Днѣпромъ, о. Павелъ Виѳанскій, возвращался домой въ самомъ подавленномъ настроеніи духа.

Въ-первыхъ, — онъ зналъ, что его матушка, которой онъ обѣщалъ вернуться днемъ, встрѣтитъ его теперь въ высшей степени недружелюбно, т. е. не будетъ съ нимъ разговаривать и не предложитъ ему къ ужину его любимой полынной настойки, и потомъ запрется въ спальню и заставитъ его ночевать одного въ гостинной на старомъ, потертомъ, клеенча-

томъ диванѣ, а во-вторыхъ, — онъ, играя въ Оршѣ у акцизнаго надзирателя въ преферансъ, проигрался, несмотря на то, что ему «везло» и онъ «подсидѣлъ» самаго надзирателя на вѣрной игрѣ.

Вѣтеръ, который дулъ съ утра, усилился. Снѣжные вихри носились въ воздухѣ и заметали сугробами широкое шоссе. Сытая монастырская лошаденка, зная дорогу, увѣренно бѣжала рысцой и потому мужикъ сидѣвшій въ розвальнахъ впереди о. Павла, глубоко нахлобучивъ на уши войлочную шапку и запахнувшись въ теплый зипунъ, только для виду держалъ возжи.

На «юру», передъ Днѣпромъ, гдѣ лѣтомъ ходилъ паромъ, снѣжная буря особенно бушевала. О. Павелъ плотнѣе закутался въ свою енотовую шубу и крикнулъ мужику, сидѣвшему передъ нимъ: «Гараська, а, Гараська! Когда будемъ къ Днѣпру съѣзжать, — не промахнись!... По елкамъ держи!»

«Какія тамъ елки!» пробурчалъ Гараська, безнадежно оглянувшись кругомъ.

«Смотри!...»

«Чего смотри? Не въ первый разъ, поди... Потрафимъ!.... Не мырнемъ!...» и дальнѣйшія слова мужика унесъ вѣтеръ.

«Не мырнемъ!» недовольно фыркнулъ о. Павелъ, «дубина!... Вотъ какъ заѣдемъ въ прорубь, тогда и будетъ «не мырнемъ», — «христіанскія кончины живота нашего»... но, вмѣсто того, чтобы продолжать размышленіе о такомъ печальномъ концѣ своей жизни, о. Павелъ сталъ думать о томъ, что въ данный моментъ интересовало его больше всего.

«Да!... Оно конечно!... Мнѣ бы съ туза ходить, а я съ валета выпудрился.... Воистину, если Господь Богъ захочетъ наказать человѣка»... Въ это время розвальни, ударившись крыломъ о глыбу льда, въѣхали на Днѣпръ и внезапно остановились. Отца Павла тряхнуло. Онъ ткнулся грудью въ Гараськину шапку и съ испугомъ освободилъ голову изъ воротника.

Кругомъ былъ безконечный снѣгъ!...

Розвальни стояли въ мягкомъ сугробѣ...

Луна съ трудомъ пробивала снѣжныя тучи, которыя въ дикомъ хороводѣ неслись и гнались одна за другой.

Гараська напряженно всматривался впередъ.

«Никакъ пьяный!» произнесъ онъ, наконецъ, нерѣшительно и сталъ вылѣзать изъ саней.

«Ты чего?» удивился о. Павелъ.

«На пьянаго наѣхали», отвѣтилъ Герасимъ, становясь на ледъ и отряхиваясь отъ снѣга.

«А кобыла животина хитрая, — на человѣка никогда не наступитъ», подумалъ Герасимъ, подходя къ какому то темному свертку, лежащему передъ лошадью.

Мужикъ удивленно потрогалъ свертокъ ногой, потомъ, нагнувшись

надъ нимъ, осторожно перевернулъ, потомъ, рѣшительно взявъ его на руки, принесъ и бросилъ въ развальни.

«Пріѣхали?... Уже?... Ухъ, какъ надоѣло сидѣть въ этой вонючей шубѣ!...» неожиданно раздался голосъ изъ глубины принесеннаго свертка.

Герасимъ опѣшилъ.

«Съ нами крестная сила!»

О. Павелъ ничего не понималъ...

VIII.

Матушка Піама была не въ духѣ!...

И въ самомъ дѣлѣ, — о. Павелъ обѣщалъ ей вернуться изъ Орши до темноты съ покупками къ Рождеству и привезти ситцу для дочки (матушка сегодня же хотѣла шить ей праздничный сарафанчикъ), а вотъ часы съ кукушкой въ гостиной звонко пробили девять, а его все нѣтъ...

И не случилось ли чего-нибудь съ нимъ, избави Богъ!

Она заперлась въ спальной и уложили дѣвочку спать.

Накинувъ на полныя плечи душегрѣйку, матушка присѣла къ зеркалу. Двѣ стеариновыя свѣчи стояли рядомъ, и при ихъ мерцающемъ свѣтѣ зеркало отразило правильный овалъ ея румянаго лица съ большими сѣрыми глазами и слегка вздернутымъ носомъ, придававшимъ ея лицу какое то капризно-задорное и въ то же время добродушное выраженіе.

Лѣнивымъ движеніемъ рукъ она освободила отъ заколокъ свои тяжелыя темныя косы и стала ихъ переплетать на ночь, прислушиваясь, — не прошуршатъ ли у крыльца монастырскія сани съ о. Павломъ или не заскрипятъ ли ступени подъ его тяжелыми шагами, но, кромѣ завыванія вѣтра въ трубѣ и назойливаго сверчка гдѣ то въ углу, за образами, ничего не было слышно.

Во снѣ зашевилилась Машенька.

Матушка Піама поспѣшно подошла къ дѣтской кроваткѣ, стоявшей у супружеской постели. Проснувшаяся дѣвочка пріоткрыла свои сѣрые глазки, попросила «молочка испить», хотѣла еще что то сказать, но, зѣвнувъ, заморгала своими длинными темными рѣсницами и, склонивъ свою бѣлокурую головку на подушку, сразу заснула.

До слуха матушки неожиданно донесся шумъ голосовъ изъ прихожей...

Гостинная, или какъ ее еще называли «крестильная» (потому что въ этой комнатѣ о. Павелъ зимой крестилъ дѣтей), какъ бы сразу наполнилась людьми... Сочно выдѣлялся басъ о. Павла... Что то такое несли, клали, развертывали... О чемъ то говорили, спорили...

Матушка прислушалась...

«Божа»...

«Что это за Божа?... Какой то дѣтскій голосъ... Откуда?» — удивилась матушка.

Но она твердо рѣшила не открывать дверей и выдерживать свою роль обиженной до конца... Она боролась сама съ собой... Но перешедшее границы любопытство взяло верхъ и ключъ въ замкѣ какъ то самъ собой повернулся, — такъ хотѣлось взглянуть на то, что дѣлается тамъ въ гостинной!

И матушка взглянула...

Посреди комнаты стоялъ маленькій кадетъ и большими черными глазами озирался по сторонамъ. Его недоумѣвающій взглядъ одинаково скользилъ по стѣнамъ, по мебели, по людямъ... Казалось, что онъ весь насторожился, какъ пойманный орленокъ!

Увидя матушку, онъ исподлобья блеснулъ на нее глазами и, встрѣтившись съ ея удивленно-ласковой улыбкой, неожиданно довѣрчиво и добродушно, улыбнулся ей. Это какъ бы опредѣлило ихъ отношенія!

Матушка подбѣжала къ кадету и стала цѣловать его порывисто, просто и небольно, какъ только женщины цѣлуютъ дѣтей.

Эта неожиданная ласка отозвалась въ Божиномъ сердцѣ такими ощущеніями свѣта и тепла, что онъ забылъ все, — и то, что онъ ѣхалъ на почтовыхъ въ княжеское имѣніе «Глубокое» и, сонный вывалился изъ саней, и то, что его, къ счастью, нашли, потому что иначе онъ могъ бы замерзнуть или его могли разорвать волки, и то, что онъ, наконецъ, оказался безъ Саши въ монастырскомъ домѣ незнакомаго священника.

Матушка распрашивала о немъ о. Павла, который подробно ей разсказалъ все, какъ было, умолчавъ, однако, о преферансѣ у надзирателя, и сообщилъ, что уже послалъ на почтовую станцію Гараську (станція была въ полуверстѣ), чтобы онъ привезъ оттуда Сашу, котораго, какъ то было извѣстно о. Павлу, уже нѣсколько дней ожидалъ княжескій возокъ изъ имѣнія.

«А проѣхать нонче въ «Глубокое» и думать нечего! Всѣ проселки замело, въ лѣсу ни зги не видно, метель гудетъ... Да и волки уже пошаливаютъ»... дополнилъ о. Павелъ свой разсказъ, виновато посмотрѣвъ на жену.

Матушка расхлопоталась...

Грѣлся ужинъ... Ставился самоваръ...

Эту ночь не о. Павелъ, а оба мальчика спали въ гостинной на старомъ, клеенчатомъ диванѣ.

Матушка любовно имъ постелила постель и, перекрестивъ ихъ «ко сну грядущему отходящихъ въ мирѣ», уютно укрыла ихъ своимъ теплымъ лисьимъ салопомъ и не ушла отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они съ усталыми глазами, полными влагой сна, спокойно не уснули.

IX.

Въ «Глубокомъ» все ново и необычайно для Божи. И большой барскій домъ съ огромнымъ дворомъ, флигелями и службами, и деревня за зеркальнымъ прудомъ, занесенная снѣгомъ, и бѣлая равнина за ней до темно-зеленаго лѣса, изъ за котораго ярко блестятъ на солнцѣ, сіяя золотомъ, монастырскіе купола. И всѣ люди, такіе неуклюжіе въ армякахъ, тулупахъ и въ валенкахъ! Бороды и усы у нихъ совсѣмъ бѣлые отъ инея и всѣ кажутся сѣдыми, старыми, а глаза молодые, смѣются!... Женщины румяныя, а дѣти такія смѣшныя въ отцовскихъ тулупахъ...

Въ деревнѣ всѣ избы тонутъ въ снѣгу...

Только виднѣются верхніе вѣнцы срубовъ и трубы, изъ которыхъ прямо вверхъ поднимается дымъ и нехотя расходится высоко въ воздухѣ...

Надъ снѣжной равниной холодная тишина!

Дышится свободно и легко! Чистъ и празраченъ морозный воздухъ!

Саша и Божа часто катаются съ горъ съ деревенскими мальчиками.

Горы начинаются тутъ же за усадьбой. Санки несутся съ нихъ, какъ вихрь, и летятъ дальше съ крутого берега Днѣпра на его голубую поверхность. Морозъ щиплетъ лицо. Замерзшая слеза дрожитъ на рѣсницѣ. Такъ весело, когда кто нибудь, несясь съ горы на кругляшкѣ изъ льда, не разсчитавъ у поворота, летитъ головой въ пушистый снѣгъ...

Сколько веселаго задорнаго смѣха!..

Саша съ Божей пробуютъ запрягать въ санки собакъ, чтобы ѣздить на нихъ «по-сибирски», но изъ этого ничего не выходитъ. Видно, собаки не тѣ, что въ Сибири, — ороченскія...

Но самое большое удовольствіе для нихъ, — это ѣздить съ крестьянами въ лѣсъ.

Крестьяне свозятъ изъ казеннаго бора къ Днѣпру гигантскія бревна для сплава ихъ весной плотами на югъ, и Саша съ Божей имъ помогаютъ.

Они возятъ бревна къ берегу и возвращаются обратно на порожнихъ салазкахъ «съ важнымъ сознаніемъ хорошо исполненнаго долга».

Старый бабушкинъ камердинеръ Никифоръ часто ждетъ ихъ на дорогѣ и съ мольбой въ голосѣ упрашиваетъ ихъ идти домой «хоть чаю откушать»!

«Вотъ-съ, пріѣхали къ намъ погостить, а вмѣсто этого цѣлые дни съ мужиками бревна возите! И бабушка безъ васъ, соскучившись, совсѣмъ огорчаются. Да, развѣ, подумайте, это барское дѣло, — бревна возить!», заключаетъ онъ свои слова, укоризненно качая сѣдой головой.

На Новый Годъ бабушка ѣздила съ внуками въ монастырь къ обѣднѣ.

Приложившись съ ними къ кресту, она, по обыкновенію, зашла къ матушкѣ Виѳанской полюбоваться на свою крестницу Машу и выпить чашку чаю съ неосвященными просфорами, по-московски.

Матушка встрѣтила ее съ поклонами у подъѣзда, но, увидя Божу, за-

разилась такой неподдѣльной радостью, что забыла и про бабушку, и про этикетъ.

Напрасно о. Павелъ кряхтѣлъ и выказывалъ свое неудовольствіе, — матушка Піама усадила Божу за столомъ рядомъ съ собой и удѣляла ему исключительное вниманіе.

«Какъ его не жалѣть, да не любить, если у него нѣтъ ни отца, ни матери?», оправдывалась она передъ бабушкой, нѣжно цѣлуя Божу со слезами на глазахъ. Бабушка ее понимала...

Она сидѣла въ подушкахъ стариннаго кресла, благодушествовала въ уютѣ «поповскаго» дома, не спускала съ Саши любовнаго взора и, подаривъ о. Павлу двухъ давно ему приглянувшихся іоркширскихъ поросятъ, пробыла у Ваѳанскихъ на этотъ разъ до самаго вечера.

Ея возокъ былъ поданъ уже въ темнотѣ...

X

«Всезнайка» Стась Даровскій, какъ бомба влетѣлъ въ классъ. Видъ у него былъ возбужденный, глаза вытаращены, рыжіе волосы торчали во всѣ стороны.

«Господа!», выкрикнулъ онъ своимъ пискливымъ голосомъ, стараясь перекричать шумъ перемѣны, «ей Богу, очень важная новость! Самая свѣжая!»...

Онъ повторилъ это еще разъ, убѣдительно ударяя себя въ грудь кулакомъ, но никто не обратилъ на него никакого вниманія. Его «новости» въ классѣ котировались низко. Ему мало кто вѣрилъ...

Стась побѣдоносно осмотрѣлся.

«Вы всѣ ахнете, когда я скажу!», выкрикнулъ онъ съ такимъ угрожающимъ отчаяніемъ, что на этотъ разъ многіе кадеты насторожились. «Ей Богу, ахнете!»...

Видимо, случилось что-то необычайное!

Стась влѣзъ на учительскую кафедру и, обведя классъ «уничтожающимъ» взоромъ раздѣльно произнесъ: «нашъ поручикъ женится!».

Эффектъ его словъ превзошелъ всѣ его ожиданія!

«Не можетъ этого быть! Стась вретъ! Стась выдумываетъ!», раздалось нѣсколько неувѣренныхъ отдѣльныхъ голосовъ.

«На комъ?», догадался крикнуть Божа, оторвавшись отъ учебника.

«На комъ? — Не скажу!», отвѣтилъ весело Стась, рѣшивъ интригой наказать своихъ одноклассниковъ за оказанное ему невниманіе.

«Салазки ему загнуть! Салазки!..», раздались возмущенные возгласы, и нѣсколько кадетъ подбѣжало къ кафедрѣ.

«Стойте, братцы! Подождите! Дайте съ духомъ собраться! Успѣете!», продолжалъ упорствовать Стась даже въ минуту опасности.

Къ нему потянулось нѣсколько рукъ...

«Стойте, братцы!.. Дайте сказать!.. Никогда сами не догадаетесь!»...

«На комъ-же!».

«На Катѣ Виноградовой!».

«Неправда!».

«Iезусъ Марія, правда, — самъ слышалъ», упавшимъ голосомъ подтвердилъ Стась и безпомощно разведя руками, разсказалъ, какъ было дѣло. «Я въ это время былъ въ учительской», — началъ онъ, — «пробрался, чтобы подсмотрѣть, какія классныя задачи намъ будутъ заданы на завтра, и слышу, рядомъ, въ дежурной, тихій разговоръ... Говорятъ воспитатели. О чемъ? — думаю... Я въ это время уже залѣзъ въ журналъ... Вотъ одинъ голосъ и спрашиваетъ: «а правда-ли, что Дроздовскій женится?». А другой ему отвѣчаетъ: «конечно, правда!». «А когда?». «Говорятъ, черезъ мѣсяцъ»...

Я такъ и сѣлъ, — вотъ такъ разъ!.. А въ это время второй голосъ говоритъ: «что-жъ, Катя съ нимъ будетъ счастлива!..» Катя! Какъ только я это услышалъ, — бросилъ я, братцы мои, и журналъ, и задачи, и пулей сюда!.. Вотъ вамъ и все!..».

Классъ загудѣлъ негодованіемъ...

«Это несправедливо!.. Она одна, а насъ много!».

«Это, наконецъ, безобразіе, свинство, подлость!..».

«Это чортъ знаетъ что такое!».

«C'est un brigandage!», кричалъ громче всѣхъ худенькій и блѣдный мальчикъ Коля Перковскій, всегда при волненіи переходившій на французскій языкъ. «Une extorsion! Она насъ грабитъ!»

Его никто не слушалъ.

XI

Катя Виноградова была дочерью начальника Полоцкой почтовой конторы.

Это была 17-ти лѣтняя дѣвушка, только что окончившая Витебскую гимназію, веселая, жизнерадостная, того здороваго уклада понятій, какими отличались дѣти крѣпкихъ русскихъ патріархальныхъ семей.

Поручикъ Дроздовскій зналъ ее съ дѣтства, — ей было 10 лѣтъ, когда онъ окончилъ Полоцкій корпусъ.

Потомъ онъ встрѣтился съ ней въ Витебскѣ, куда онъ, послѣ училища, былъ назначенъ офицеромъ въ артиллерію. Она уже была подросткомъ.

Ко времени окончанія ею гимназіи и пріѣзда къ родителямъ въ Полоцкъ, онъ, чтобы не разставаться съ ней, рѣшилъ перевестись воспитателемъ въ корпусъ, къ чему, несомнѣнно самъ чувствовалъ и любовь, и призваніе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ воспитателей, какихъ вообще въ корпусахъ было немного. Дѣти боготворили его.

Онъ умѣлъ быть съ ними и ласковымъ, и строгимъ, и былъ ихъ воспитателемъ, не только по буквѣ закона, а въ самомъ хорошемъ значеніи этого слова.

Расшалившихся кадетъ онъ, обыкновенно, ставилъ, «для успокоенія нервовъ подъ лампу», наказывая ихъ также, какъ во многихъ семьяхъ наказывали дѣтей, ставя ихъ въ уголъ или заставляя смирно сидѣть на какомъ-нибудь дѣдовскомъ креслѣ, на которомъ обычно дремалъ старый котъ.

«Подъ лампой» шалуны стояли часто цѣлой шеренгой. Они хорошо

изучили наружный видъ этой ненавистной, керосиновой, пузатой посудины, ея блестящій резервуаръ, большое стекло съ раструбомъ и зеленый абажуръ, но такія тихони, какъ Коля Перковскій, ея совсѣмъ не знали и поручикъ часто говорилъ имъ: «ну, какіе-же вы кадеты? Вы даже «подъ лампой» никогда не стоите! Право, институтки какіе-то!..», и заставлялъ ихъ принимать участіе во всѣхъ кадетскихъ играхъ...

Они, также, какъ и другіе, играли «въ казаковъ и разбойниковъ» или какъ научилъ Божа, «въ шумадійцевъ и турокъ», при чемъ шумадійцы должны были ходить на «юришъ», на ледяную гору, бросая снѣжки, что часто заставляло поручика, послѣ такого «юриша» мирить враговъ и охлаждать разбушевавшіяся страсти «подъ лампой», до новаго боевого столкновенія.

Въ первое воскресеніе послѣ того, какъ Стась принесъ въ классъ свою новость, всѣ первоклассники высыпали на плацъ.

Они «караулили» Катю.

Увидя ее на боковой аллеѣ, они бросились къ ней, окружили ее плотнымъ кольцомъ и, по кадетской терминологіи, «взяли ее въ оборотъ».

Чего, чего только тутъ не наслушалась Катя про своего жениха!..

И что онъ просто уродъ съ длиннымъ носомъ и для такой красавицы, какъ она, совсѣмъ не пара, и то, что онъ только дѣлаетъ видъ, что любитъ ее, а на самомъ дѣлѣ «только очки втираетъ», и то, что онъ, все равно, никогда своихъ кадетъ не оставитъ, и еще многое другое, что Катю одновременно и смѣшило, и радовало, и дѣлало счастливой, отъ сознанія того, что дѣти цѣнятъ ея милаго поручика и любятъ его.

Когда весь запасъ дѣтскаго краснорѣчія иссякъ и нечего было говорить, только одинъ Стась продолжалъ борьбу.

Онъ посовѣтовалъ Катѣ выйти замужъ за какого нибудь другого воспитателя и напомнилъ ей, что поручикъ «до ужасти» строгій, всегда всѣхъ ставитъ «подъ лампу — такъ, просто, ни за что!..».

«Но я разсчитываю, что онъ меня не будетъ ставить подъ лампу!», сказала ему Катя съ улыбкой.

«Кто знаетъ?», загадочно слукавилъ Стась, «лучше не рисковать! Богъ съ нимъ!..».

Катя откровенно расхохоталась.

Неизвѣстно, какъ бы отбилась она отъ дальнѣйшихъ «дипломатическихъ» атакъ, если бы не корпусной горнистъ, проигравшій у памятника «сборъ».

Кадетамъ надо было уходить... Плацъ опустѣлъ...

Черезъ годъ Дроздовскіе уѣхали въ Москву. Отдѣленіе поручика перешло къ другому воспитателю, находившему, что мальчиковъ надо пріучать къ суровой воинской «субординаціи» и закалять ихъ характеръ, по-спартански, съ дѣтства. Тяжело тогда малышамъ-кадетамъ пришлось!...

Они своего новаго воспитателя называли «солдатъ».

XII.

Болши сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за други своя.

Ев. отъ Іоанна, 15, 13.

Прошло семь учебныхъ лѣтъ, — семь классовъ корпуса...

Какъ сонъ!..

Бывшія дѣти стали юношами.

Торжественно прошелъ послѣдній выпускной экзаменъ Закона Божьяго въ Николаевскомъ залѣ.

Изъ Витебска пріѣзжалъ архіерей.

Онъ самъ задавалъ кадетамъ вопросы и, если они чего нибудь не знали и путали, за нихъ отвѣчали законоучители, — священникъ и діаконъ.

Экзаменъ прошелъ гладко. «Отмѣнно! Очень хорошо!», съ владимірскимъ удареніемъ на «о» говорилъ преосвященный и щедро ставилъ кадетамъ отмѣтки.

Послѣ экзамена всѣ кадеты, по традиціи, ходили въ Евфросиньевскій монастырь...

Былъ нѣжный бѣлорусскій май...

Весенняя листва еще не утеряла своей свѣжести и не успѣла буйно разростись, какъ лѣтомъ. Весело зеленѣли на солнцѣ заливные луга.

Саша съ Божей шли, тихо разговаривая, по берегу Полоты.

Изъ всего выпуска они были между собой ближе всѣхъ. Своимъ отношеніемъ одинъ къ другому они какъ бы старались заполнить печальный пробѣлъ ихъ параллельной жизни, — отсутствіе родителей (Сашинъ отецъ умеръ, когда Сашѣ было 14 лѣтъ) и были между собой ближе, чѣмъ часто бываютъ братья. Ихъ связывала также и общая любовь къ Сашиной бабушкѣ, къ которой они, вступивъ въ сознательный возрастъ, стали относиться съ нѣжнымъ вниманіемъ и благодарностью.

Божа собирался ѣхать въ Бѣлградъ и, счастливый тѣмъ, что онъ скоро увидитъ родныя мѣста, съ юношескимъ нетерпѣніемъ ожидалъ времени отъѣзда.

Незамѣтно они подошли къ Двинѣ.

Съ мыса, мягко спускавшагося къ рѣкѣ, на фонѣ голубого неба, на горѣ, четко рисовался своими византійскими контурами Софійскій соборъ, по берегу виднѣлись бѣлые корпусные дома и выше ихъ массивный корпусный фасадъ. Вдали большой чугунный орелъ памятника Отечественной войны парилъ надъ каштановой рощей.

Дальше не хотѣлось идти...

Кадеты сбросили на траву шинели и прилегли.

Тысячи насѣкомыхъ наполняли воздухъ непрерывными звуками, безчисленное количество серебряныхъ колокольчиковъ звенѣло въ ушахъ.

Лежа на травѣ, Божа разсѣянно слушалъ Сашинъ разсказъ о томъ, какъ его «просвѣтила» въ Петербургѣ знакомая дама.

Самъ онъ еще былъ дѣвственень и поэтому этотъ разсказъ былъ ему мало понятенъ.

Онъ закинулъ за голову руки, зажмурилъ глаза и сдѣлалъ видъ, что дремлетъ.

Сашинъ голосъ становился все тише и тише и, превратясь въ какую-то несвязную мелодію, оборвался... Послышался откуда то издали и снова оборвался... Ажурная стрекоза, шевеля изумрудными крылышками, опустилась на высокій стебель аира... Вѣтеръ качнулъ этотъ стебель и овѣялъ Божу душистой прохладой... Божа незамѣтно уснулъ. Неожиданно, онъ увидѣлъ, что стрекоза, граціозно качавшаяся на аирѣ, быстро метнулась въ сторону и, какъ бы повиснувъ въ воздухѣ, пронзительно затрещала: «спасите! спасите!»...

Божа удивился.

«Отъ чего ее спасать?», подумалъ онъ.

«Спасите! Спасите!», затрещала она еще громче.

Божа проснулся.

Онъ открылъ глаза, осмотрѣлся и не сразу понялъ, гдѣ онъ. Саши не было...

«Какіе глупые сны бываютъ!», подумалъ онъ, потягиваясь.

«Спасите!», донесся до его слуха отчаянный крикъ, полный смертельнаго ужаса. Божа вскочилъ.

По Полотѣ плыла опрокинутая лодка, за которую цѣплялись какіе-то люди... Быстрымъ теченіемъ ее выносило въ Двину, на песчаную отмель.

Саша плылъ къ противоположному берегу. При сильныхъ взмахахъ его рукъ въ брызгахъ воды, была видна его бѣлокурая голова и красные погоны на кадетской рубашкѣ.

Ближе къ Божѣ, недалеко отъ берега, билась на водѣ какая-то женщина. Она, то погружалась въ воду, то снова появлялась на ея поверхности.

«Спасите!», уже слабѣющимъ голосомъ, безнадежно, вскрикнула женщина и скрылась подъ водой, оставивъ на поверхности большой расходящійся кругъ. Божа, какъ былъ, одѣтый, бросился къ ней.

Онъ успѣлъ схватить ее за руку, когда она на мгновеніе показалась изъ воды.

Съ нею онъ поплылъ къ берегу.

Усталъ, — попробовалъ достать дно...

Дна не было...

Изъ послѣднихъ силъ онъ поплылъ дальше и сталъ на ноги въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега.

Онъ вынесъ женщину на песокъ. Она была безъ сознанія.

Въ ней онъ узналъ Розу, молодую жену полоцкаго фабриканта Эпштейна. Съ жаднымъ любопытствомъ молодости онъ смотрѣлъ на полунагую женщину, раскинувшуюся передъ нимъ.

Ея сильное молодое тѣло сквозило сквозь прозрачный порванный батистъ и намокшее платье не скрывало ея соблазнительныхъ формъ.

Она съ легкимъ стономъ вздохнула и медленно осмотрѣлась...

Ея прекрасные черные глаза съ удивленіемъ и страхомъ устремились на Божу.

Облокотившись на одну руку, она другой рукой прикрыла обнаженную грудь и тихо сказала: «накройте меня!»...

Божа отбѣжалъ къ травѣ, взялъ свою шинель и осторожно набросилъ ее на Розу.

Къ нимъ съ того берега спѣшили рыбачьи челноки и лодки.

XIII.

Когда Саша замѣтилъ, что Божа уснулъ, онъ не сталъ его будить.

«Пусть спитъ своимъ невиннымъ сномъ!», подумалъ онъ, недовольный на Божу за то, что онъ такъ невнимательно отнесся къ его разсказу о петербургской дамѣ.

Онъ всталъ и направился къ берегу.

Жаръ спадалъ...

Тѣни прибрежныхъ ивъ косо ложились на потемнѣвшую воду. Гонтъ на крышахъ городскихъ купаленъ отчетливѣе выдѣлился своими правильными ромбами. Рыбаки снимали съ приколышей просохшія сѣти.

«Здравствуйте, князь! Наше вамъ, съ полупочтеніемъ!», услышалъ онъ насмѣшливый голосъ съ лодки, плывшей по серединѣ рѣки.

Въ лодкѣ сидѣли какіе-то незнакомые молодые евреи и съ ними «красавица Роза», при видѣ которой большинство кадетъ испытывали юношескій трепетъ и какое-то непонятное замираніе сердца.

Роза сидѣла царицей на рулѣ.

«Скотина!», подумалъ Саша и ничего не отвѣтилъ.

«Я васъ хорошо знаю, какъ хулигана!», продолжалъ, между тѣмъ, съ лодки тотъ-же насмѣшливый голосъ.

«Это еще что?».

«Я — Дудельманъ! Помните, какъ вы меня въ Вильнѣ купали въ снѣгу?».

Сашу взорвало...

«Ты, видно, хочешь, чтобы я тебя теперь искупалъ въ водѣ?», перебилъ его Саша со злобной угрозой.

«Что, — теперь? Руки коротки, — теперь! Сажень сорокъ»...

«Нахалъ!».

«Самъ нахалъ!».

Это уже было слишкомъ...

Молодые люди въ лодкѣ громко засмѣялись. Сашѣ показалось, что по лицу Розы скользнула тѣнь усмѣшки. Кровь бросилась ему въ голову. Онъ быстро сбросилъ кадетскіе полусапоги и съ разбѣга вбѣжалъ въ воду.

Въ лодкѣ опѣшили...

Саша быстро по теченію подплылъ къ ней и повисъ на ея борту.

Крикъ ужаса пронесся по рѣкѣ!

Плоскодонка черпнула воду съ одного борта, потомъ съ другого, и... опрокинулась.

Евреи, взывая о помощи, уцѣпились за нее и поплыли вмѣстѣ съ ней по теченію.

Тонущей Розы Саша не видѣлъ.

Стараясь сохранить свои силы, онъ, не спѣша, поплылъ черезъ рѣку къ городскому берегу.

Тамъ онъ вышелъ на Нижнюю улицу, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ корпусъ.

Полоцкіе евреи подали на Сашу жалобу на имя Государя. Черезъ недѣлю пріѣхалъ изъ Петербурга важный генералъ. Онъ долго всѣхъ опрашивалъ и записывалъ и, уѣзжая, сказалъ Сашѣ: «благодари Бога, что еще никто не утонулъ!»... И, строго посмотрѣвъ на Сашу, сощурилъ близорукіе глаза и многозначительно покачалъ головой.

По всему было видно, что Сашѣ будетъ плохо!..

И, дѣйствительно, — черезъ мѣсяцъ пришло въ корпусъ распоряженіе, зачислить Сашу, вмѣсто училища, рядовымъ въ пѣхотный полкъ, «незамедлительно и впредь до исправленія».

Божа былъ уже въ Бѣлградѣ, когда на его имя изъ Петербурга пришелъ казенный пакетъ. Въ немъ оказалась медаль «за спасеніе погибавшихъ». Вспоминая тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ ее получилъ, онъ не былъ ей радъ.

XIV.

Божа ѣхалъ въ Сербію черезъ Вѣну и Будапештъ. При выѣздѣ изъ Землина (Земуна) Бѣлградъ развернулся передъ Божинымъ взоромъ, какъ декорація, живописнымъ амфитеатромъ.

На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе восточнаго города, который въ лѣнивой нѣгѣ раскинулся на берегахъ спокойныхъ водъ.

Старая крѣпость, возвышавшаяся при впаденіи Савы въ Дунай, говорила о томъ, что этотъ городъ былъ когда-то военнымъ пунктомъ и, судя по силѣ его сооруженій, грознымъ на пути къ Востоку, въ Константинополь.

Турки называли Бѣлградъ «Dar el Djihad» — «Ворота священной войны».

Отсюда они ринулись на Западъ...

Въ 1440 году Мурадъ II, при неудачномъ штурмѣ, потерялъ подъ стѣнами Бѣлграда всю свою армію. Въ 1456 году Магометъ II, занявшій Константинополь, также потерпѣлъ пораженіе подъ Бѣлградомъ, и вся его артиллерія осталась въ рукахъ Яна Гуніади и Іоанна Капистрана, поспѣшившихъ со своими крестоносцами на помощь христіанскому городу.

Но въ 1521 году Сулейманъ Великій овладѣлъ Бѣлградомъ и три сто-

лѣтія казалось невозможнымъ вытѣснить оттуда побѣдителей. Кара-Георгій прогналъ ихъ въ 1814 году, но въ слѣдующемъ — они снова вернулись.

Только въ 1867 году, при князѣ Михаилѣ, удалось ихъ постепенно вытѣснить изъ города и изъ крѣпости, но еще долго надъ цитаделью, рядомъ съ сербскимъ флагомъ, развѣвалось турецкое знамя.

Оно исчезло только въ 1876 году, когда Сербія объявила Турціи войну, и сербы, наконецъ, увидѣли себя освобожденными, послѣ побѣдоносной войны, при помощи Россіи.

Съ тѣхъ поръ Бѣлградъ сталъ неузнаваемымъ. И, хотя все еще оставалось много деревянныхъ домовъ, много кривыхъ и плохо освѣщенныхъ улицъ, много немощенныхъ площадей, не исключая базаровъ, и пустырей подъ огородами, но весь колоритъ жизни уже былъ другой.

Вмѣсто минаретовъ, христіанскія церкви возвышались своими колокольнями и ихъ перезвоны заставили умолкнуть пронзительные голоса муэдзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Бѣлградъ сталъ столицей Сербскихъ Князей.

Божа поселился у одного своего дальняго родственника и большого почитателя его отца, смѣлаго сподвижника самого легендарнаго героя Петра Мрконича*). Этотъ родственникъ, одинокій, старый почтовый чиновникъ, имѣлъ у Свято-Савской церкви небольшой глинобитный флигель, сиротливо стоявшій среди картофельныхъ полей, на опушкѣ небольшой рощицы.

Въ одной комнатѣ онъ жилъ самъ, а другую отдалъ Божѣ, заставляя его днемъ, во время жары, отъ которой онъ спасался, опуская оконныя ставни, разсказывать ему обо всемъ, что онъ видѣлъ въ Россіи.

Въ первый же день пріѣзда, Божа вечеромъ поѣхалъ въ Калемегданъ*), — въ то время скромный бульваръ на холмѣ, при сліяніи Дуная и Савы, гдѣ онъ въ дѣтствѣ, передъ отъѣздомъ въ русскій корпусъ, часто игралъ со своими сверстниками.

Теперь эти сверстники были студенты.

Всю ночь молодежь провела въ горячей бесѣдѣ.

Идея освобожденія южныхъ славянъ изъ подъ австрійскаго ига, какъ нѣкогда изъ подъ турецкаго, искрой тлѣла въ молодыхъ сердцахъ... Молодежь разошлась только на разсвѣтѣ, когда съ венгерскихъ равнинъ уже потянуло утренней свѣжестью и на фонѣ розоваго неба сталъ медленно вырисовываться сказочный силуэтъ Земуна.

По хрустальной глади Дуная заборыздили первые австрійскіе пароходы.

---

*) Король Петръ I Великій Освободитель (1903-1921), подъ именемъ Петра Мрконича еще въ 1875 году, въ Боснѣ, поднялъ возстаніе противъ турокъ, вылившееся впослѣдствіи въ Освободительную войну.

*) Въ настоящее время, Бѣлградскій Калемегданъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ садовъ въ Европѣ, какъ по своему мѣсторасположенію, при впаденіи Савы въ Дунай, такъ и по своему благоустройству.

XV.

«Намъ ученье не мученье»...
Изъ солдатской пѣсни.

172 пѣхотный Лидскій полкъ на осеннихъ маневрахъ шелъ форсированнымъ маршемъ изъ Вильны въ Ораны, чтобы выйти во флангъ Гродненскому отряду, занимавшему тамъ укрѣпленную позицію у деревни Солтанишки.

Августовскій день былъ совершенно ясный, тихій, прохладный...

Въ сосновомъ лѣсу, въ которомъ и лѣтомъ не просыхала свѣжесть, было еще прохладнѣе.

Дорога шла по глубокимъ пескамъ.

Надъ двигающимся полкомъ стояла густая пыль, отъ которой все было сѣро, — и офицеры, и солдаты, и лошади, и походныя кухни, изъ подъ крышекъ которыхъ клубился паръ, привлекавшій къ себѣ ротныхъ собакъ, трусившихъ рядомъ, и тоже сѣрыхъ отъ пыли.

На правомъ флангѣ 5 роты шелъ стройный молодой солдатъ.

Густой загаръ его лица не скрывалъ нѣжнаго румянца его юношескихъ лѣтъ. На верхней губѣ еле замѣтно намѣчалась темная полоска усовъ. Усталые глаза смотрѣли бодро, но было видно, что солдатское снаряженіе ему тяжело, — онъ все время на ходу поправлялъ вещевой мѣшокъ, поддерживая его рукой, чтобы онъ не давилъ на поясницу. Винтовку онъ несъ на правомъ плечѣ. Сбитая на затылокъ армейская фуражка, изъ подъ которой выбивались непокорные бѣлокурые волосы, придавала ему задорный и беззаботный видъ.

Этотъ солдатъ былъ Саша.

«Скорѣй бы привалъ», сказалъ онъ дѣланно-безразличнымъ тономъ идущему рядомъ съ нимъ рябому солдату, вытирая обшлагомъ походной рубахи потъ съ загорѣлаго лица.

«Што, — чижало? — Вы бы мнѣ, баринъ, свою винтовочку дали на время, — размялись бы маненько», предложилъ ему участливо рябой солдатъ.

«Мнѣ совсѣмъ не тяжело!», поторопился отвѣтить Саша, бодрясь и стараясь показать видъ, что онъ не усталъ, и что у него не ноетъ поясица, не болятъ ноги и не ломитъ все тѣло.

Въ это время голова полка остановилась. Солдаты стали сходить съ дороги и садиться на край канавы или на срубленные пни. Нѣкоторые снимали сапоги и, развернувъ подвертки, какъ бы съ удивленіемъ разсматривали образовавшіеся на ногахъ кровоподтеки.

Саша снялъ съ себя скатанную шинель и прилегъ на поблекшую осеннюю траву. Рябой солдатъ побѣжалъ съ Сашиной флягой, наполнить ее свѣжей водой изъ ручья.

Послѣ короткаго привала, полкъ, длинной сѣрой лентой, извиваясь гигантской змѣей, вытянулся изъ лѣса.

Саша уже безъ силъ дошелъ до мѣста ночлега, но не отсталъ и не сѣлъ по уговору солдатъ въ лазаретный фургонъ.

Онъ легъ у края походной палатки прямо на землю и тутъ-же заснулъ тяжелымъ сномъ, безъ сновидѣнiй, подъ звуки гармоники. Еще долго на бивакѣ раздавались неожиданные взрывы оглушительнаго солдатскаго смѣха...

Въ то время, когда Саша былъ со своимъ полкомъ на маневрахъ, — его одноклассники, выпускные кадеты, ѣхали изъ Полоцка въ Петербургъ и въ Москву въ военныя училища, навстрѣчу туманному будущему, счастливые и полные надеждъ.

Такъ, птенцы, расправивъ крылья, вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ въ неизвѣстную даль.

XVI.

Роза (Рахиль) Ратнеръ была дочерью мелкаго виленскаго ремесленника, который, убѣдившись, что въ чертѣ еврейской осѣдлости счастья найти нельзя, уѣхалъ его искать за океанъ, въ Америку.

Сначала отъ него приходили письма, потомъ — все рѣже и рѣже и, наконецъ, прекратились совсѣмъ. И даже не было извѣстно, — живъ ли онъ или нѣтъ?

Роза не знала отца. Она жила съ матерью въ Вильнѣ, за Желѣзной брамой, гдѣ преимущественно ютилась еврейская бѣднота, на тѣ крохи, которыя удавалось ея матери заработать шитьемъ.

Когда Розѣ исполнилось три года, ея мать умерла. Еврейская община не знала, что дѣлать съ хорошенькой бойкой одинокой дѣвочкой, — никто ее не хотѣлъ брать и никому она не была нужна.

Но неожиданно судьба Розы рѣзко измѣнилась, — изъ Америки пришло извѣстiе, что ея отецъ погибъ при одной желѣзнодорожной катастрофѣ и оставилъ послѣ себя небольшое наслѣдство и страховую премiю.

Тогда у Розы нашлись и родственники, и друзья...

Десяти лѣтъ она поступила въ гимназiю.

Послѣ окончанiя гимназiи, мечты о дальнѣйшемъ образованiи оказались невыполнимыми, — доллары изсякли...

Она расцвѣла въ красивую, не по годамъ сформировавшуюся, дѣвушку и уже много разъ замѣчала на себѣ опредѣленные взгляды мужчинъ, готовыхъ воспользоваться ея затруднительнымъ положенiемъ.

Надо было устраиваться...

Въ это время она случайно познакомилась съ однимъ полоцкимъ купцомъ, Эпштейномъ, прiѣхавшимъ въ Вильну по дѣламъ.

Эпштейнъ слылъ богатымъ человѣкомъ.

Въ Полоцкѣ у него было нѣсколько «фабрикъ». Это были легкiя деревянныя постройки, у самой Полоты, въ которыхъ стояло нѣсколько несложныхъ машинъ для переработки осиновой древесины въ массу для писчебу-

мажныхъ фабрикъ, изготовлявшихъ дешевые сорта простой оберточной бумаги.

Машины приводились въ движеніе безконечными ремнями отъ вала водяного колеса, а осиновыя бревна сплавлялись къ «фабрикамъ» по рѣкѣ.

Эпштейнъ былъ сорокалѣтній мужчина съ брюшкомъ, на которомъ выдѣлялась золотая цѣпочка отъ часовъ съ брелоками. На рукахъ блестѣли брилліантовые перстни. Видъ у него былъ самонадѣянный и важный, но когда было нужно, онъ умѣлъ быть и другимъ. Только выйдя за него замужъ, Роза поняла ту ошибку, которую она сдѣлала.

Эпштейнъ смотрѣлъ на нее, какъ на любовницу, которая, обращая на себя вниманіе, рекламируетъ того, у кого она находится на содержаніи.

Онъ ее хорошо одѣвалъ, заставлялъ бывать на вечерахъ, балахъ и благотворительныхъ базарахъ и, занимая съ нею въ театрѣ литерную ложу на виду, бывалъ доволенъ, когда восторженные взгляды мужчинъ и завистливые женщинъ обращались на его жену, на жену «самого Григорія Эпштейна, фабриканта изъ Полоцка и будущаго банкира».

Ни въ какія свои дѣла Эпштейнъ свою жену не посвящалъ, но Роза догадывалась, что онъ, бывая часто въ Эйдкуненѣ и Вержболовѣ, занимался дѣлами по контрабандѣ и давалъ денежныя ссуды, не гнушаясь ростовщичествомъ. Его мечтой было переѣхать въ Вильну и открыть тамъ банкирскую контору.

Какъ разъ по этому дѣлу пріѣзжали къ нему въ Полоцкъ тѣ комиссіонеры-евреи, которые весело катались съ Розой на лодкѣ по Полотѣ, въ тотъ роковой день, когда Саша ихъ всѣхъ опрокинулъ въ воду.

XVII.

Въ то время, когда большинство полоцкихъ кадетъ поступило въ Павловское училище, Божа Зоричъ поступилъ въ Инженерное.

Оно помѣщалось въ центрѣ Петербурга, въ огромномъ мрачномъ гранитномъ массивѣ — Инженерномъ Замкѣ.

Это былъ бывшій дворецъ Императора Павла I.

Многое еще въ немъ сохранилось съ того далекаго времени!

Роскошныя лѣпныя фрески, плафоны извѣстныхъ мастеровъ, золото, мраморъ...

И, какъ наслѣдіе темной страницы русской исторіи, въ притворѣ училищной церкви, когда-то кабинетѣ Императора Павла I, въ глубокой нишѣ, помѣщался образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, со словами Св. Евангелія: «Отче, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ», съ неугасимой лампадой.

Петербургъ, какъ городъ, поразилъ Божу больше, чѣмъ онъ предполагалъ.

Это былъ городъ сказочной фантазіи и не столько своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ, сколько своей ширью и просторомъ!

Все въ немъ было грандіозно и величественно! И широкія улицы и проспекты, и огромныя десятинныя площади... и нигдѣ въ мірѣ не было такой царственной рѣки, какъ Нева, въ гранитныхъ берегахъ, съ перекинутыми черезъ нее громадными мостами...

Знакомыхъ у Божи въ Петербургѣ не было, а заводить ихъ онъ не хотѣлъ. Сашино отсутствіе онъ переживалъ тяжело и жилъ своей жизнью, ни съ кѣмъ изъ своихъ юнкеровъ не сходясь, отъ воскресенья до воскресенья, когда онъ ходилъ на Петербургскую сторону въ Павловское училище, гдѣ въ юнкерской чайной, за особымъ большимъ столомъ, собирались юнкера-полочане со всѣхъ училищъ. Тамъ они дѣлились впечатлѣніями о новой жизни и вспоминали минувшіе кадетскіе дни...

XVIII.

«Мы знаемъ, — каждый вѣкъ по новому богатъ,
«И каждый мигъ по новому чудесенъ.»

Илья Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ одно изъ октябрьскихъ воскресеній Божа шелъ на Петербургскую Сторону.

Былъ небольшой морозъ. Хлопьями падалъ снѣгъ, обѣщая санный путь, который никакъ не могъ установиться.

Черезъ Лѣтній садъ Божа прошелъ на Неву. Густая снѣжная пелена совершенно скрывала обычное на ней оживленіе, — не было видно ни быстрыхъ, вертлявыхъ финляндскихъ пароходовъ, ни двухъярусныхъ шлиссельбургскихъ и ладожскихъ громадъ, ни погруженныхъ барокъ, ни крошечныхъ яликовъ, обычно пересѣкающихъ Неву по всѣмъ направленіямъ. Гранитные бастіоны Петропавловской крѣпости обрисовались только тогда, когда Божа прошелъ Троицкій мостъ.

Онъ повернулъ на Каменноостровскій и черезъ полчаса входилъ въ вестибюль Павловскаго училища.

Когда онъ вошелъ въ «чайную», онъ остолбенѣлъ отъ неожиданности, — на краю стола, окруженный плотнымъ кольцомъ «своихъ», сидѣлъ Саша оживленный, счастливый, радостный...

Саша бросился къ нему...

Въ это воскресенье полочане сидѣли въ чайной дольше обыкновеннаго, — Саша разсказывалъ свои приключенія...

Послѣ маневровъ, полкъ, въ которомъ онъ служилъ, вернулся въ Вильну на зимнія квартиры.

Въ ротахъ занятія еще не начинались, — «запасные» были уволены и разъѣхались по домамъ, а новобранцы еще не прибывали.

Саша часто бывалъ у бабушки, въ домѣ надъ Виліей, въ которомъ, казалось, ничего не измѣнилось съ дней Сашинаго дѣтства и даже по прежне-

му пахло сухой зубровкой, пряный запахъ которой такъ любятъ въ Бѣлоруссіи и на Литвѣ. Также была разставлена старая мебель, также въ своихъ комнатахъ жила постарѣвшая бабушка, также суетился уже не измѣнявшійся, какъ консервъ, старикъ Никифоръ и только Саша изъ бабушкиныхъ «аппартаментовъ» перебрался въ бывшій отцовскій кабинетъ.

И видъ съ веранды былъ все тотъ-же... По прежнему пароходы, пыхтя и отдуваясь, поднимались въ Верки и саперы переправлялись черезъ рѣку. По прежнему, съ другого берега слышались командныя слова, но уже не драгунъ, а артиллеристовъ... По прежнему мальчишки на дворѣ запускали въ небо «египетскихъ турмановъ»... И только въ сосѣднемъ саду, гдѣ когда-то подъ трели чарующаго соловья цѣловалась влюбленная парочка, теперь молодая дама гуляла съ маленькимъ мальчикомъ и держала другого, грудного, на рукахъ...

Къ Сашиному крушенію бабушка отнеслась эгоистически, — она была счастлива тѣмъ, что онъ оказался при ней, и очень гордилась, когда его сдѣлали ефрейторомъ.

Въ сентябрѣ Сашу по службѣ командировали въ Двинскъ.

Возвращаясь обратно, онъ стоялъ на двинской платформѣ въ ожиданіи своего поѣзда, когда изъ Петербурга къ станціи подлетѣлъ нордъ-экспрессъ.

Изъ него вышли двѣ барышни.

«Какъ хороши эти яблоки», сказала одна барышня другой по французски, проходя мимо яблочной торговки, стоявшей за рѣшеткой, на улицѣ.

«Vous les aurez, mesdemoiselles!», и, прежде, чѣмъ барышни, успѣли опомниться, Саша перепрыгнулъ черезъ рѣшетку.

Поѣздъ далъ свистокъ...

Барышни изъ своего вагона испуганно замахали платками.

Саша съ яблоками вскочилъ въ послѣдній вагонъ. Онъ прошелъ по поѣзду и нашелъ ихъ сидящими въ купэ. Онѣ засмѣялись, затараторили, взяли яблоки...

Вмѣстѣ съ ними въ купэ ѣхалъ какой-то генералъ съ Царскими вензелями на погонахъ офицерской тужурки.

«Должно быть, изъ Государственнаго Совѣта», подумалъ Саша и вытянулся передъ нимъ.

Генералъ посмотрѣлъ на него и ласково кивнулъ головой.

Саша предложилъ ему яблоко.

Генералъ улыбнулся, взялъ яблоко и положилъ его къ себѣ на столикъ.

Сашинъ разсказъ о томъ, какъ онъ на Полотѣ «бралъ на абордажъ еврейскую лодку», привелъ барышень въ неподдѣльный восторгъ.

«Какой вы смѣлый!.. Какой герой!», воскликнула одна изъ нихъ, съ восхищеніемъ смотря на Сашу.

«Но за что васъ такъ наказали? Вы же не хотѣли, чтобы они утонули... совсѣмъ, а только такъ, немного... Это несправедливо!». горячо говорила другая.

Генералъ, во время разсказа, смотрѣлъ въ окно и только изрѣдка поглядывалъ на Сашу.

«Какъ твоя фамилія?», спросилъ онъ его въ концѣ разсказа.

«Князь Минскій».

«Князь Минскій?». Генералъ задумался. «Не твой ли отецъ былъ приволжскимъ губернаторомъ?», спросилъ онъ Сашу.

«Такъ точно».

Генералъ покачалъ головой.

«Мнѣ очень жаль, что у такого достойнаго отца сынъ такой разбойникъ», сказалъ онъ добродушно.

Саша принялъ обиженный видъ.

«Въ русской арміи ефрейторъ не можетъ быть разбойникомъ!».

Генералъ засмѣялся.

«Да, конечно! А какого ты полка?».

«172 пѣхотнаго Лидскаго полка», отвѣтилъ Саша.

Поѣздъ въ это время подходилъ къ виленскому дебаркадеру.

На платформѣ стояло много генераловъ и штатскихъ въ орденахъ и лентахъ, встрѣчавшихъ поѣздъ.

Генералъ, съ которымъ Саша ѣхалъ въ вагонѣ нордъ-экспресса, былъ генералъ-адъютантъ Императора Александра III и военный министръ — Ванновскій.

Черезъ недѣлю, въ Лидскій полкъ, изъ Главнаго Штаба пришла лаконическая телеграмма: «отправить ефрейтора князя Минскаго въ Павловское военное училище, для прохожденія курса».

XIX.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій ѣхалъ въ Крымъ, въ Ливадію, къ Императору Александру III, дни Котораго злымъ Рокомъ, нависшимъ надъ Россіей, были сочтены.

Государь былъ боленъ нефритомъ въ тяжелой формѣ.

Онъ умеръ 20 октября 1894 года и Его смерть сама собою подтвердила, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прочнаго, не исключая славы и могущества, «ибо всякая плоть, какъ трава, и всякая слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ; засохла трава и цвѣтъ ея опалъ» (Посл. Св. Ап. Петра I, 24).

Въ тотъ же день былъ объявленъ манифестъ Императора Николая II о Своемъ восшествіи на престолъ, послѣ смерти Отца. Россія вступила въ новую эру своей политической жизни...

Прошла траурная зима...

Музыка нигдѣ не играла, барабаны не били.

Хотя Божа уже привыкъ къ тому, что сѣверъ рѣзко отдѣляетъ всѣ че-

тыре времени года одинъ отъ другого, но въ Петербургѣ онъ весны не замѣтилъ, — она проявилась въ столицѣ не въ счастьи и радости оживавшей природы, а въ томъ, что морозы незамѣтно смѣнились тепломъ, вмѣсто снѣжныхъ метелей пошли дожди, сани замѣнились дрожками и въ воздухѣ запахло густыми испареніями торцовыхъ мостовыхъ.

Въ началѣ мая Инженерное училище погрузилось у Лѣтняго сада на шлиссельбургскій пароходъ, чтобы ѣхать въ свой лагерь на торфяныя болота Усть-Ижоры.

Проѣзжая Смольный институтъ, юнкерскій оркестръ, по традиціи, сыгралъ «саперную встрѣчу» и юнкера, напрягая всю остроту своего зрѣнія, старались различить на фонѣ зеленѣющаго сада своихъ сестеръ, кузинъ или, просто предметы своей нѣжной страсти, результатъ институтскихъ баловъ.

Прошло лѣто и наступила осень.

Подъ Ямбургомъ были назначены большіе маневры.

Петербургскіе саперы спѣшно строили мосты черезъ Лугу, для армейскихъ корпусовъ, наступавшихъ на гвардію, защищавшую Нарву.

На маневры пріѣхалъ Государь, — Императорскій поѣздъ стоялъ на ямбургскихъ запасныхъ путяхъ.

Божа ночью дежурилъ на мосту и, смѣнившись утромъ, задумчиво шелъ на юнкерскій бивакъ, расположенный тутъ-же, недалеко отъ рѣки, въ березовомъ перелѣскѣ.

Выйдя на небольшую лѣсную поляну Божа прямо передъ собой увидѣлъ Государя. Отъ неожиданности онъ опѣшилъ и не сразу повѣрилъ своимъ глазамъ.

Но нѣтъ, — это былъ Онъ!

Государь стоялъ въ нерѣшительности у развѣтвленія лѣсныхъ тропинокъ и разговаривалъ съ какимъ-то морякомъ.

Въ этомъ морякѣ Божа узналъ Королевича Георгія Греческаго.

«А вотъ мы сейчасъ спросимъ», сказалъ Королевичу Государь, замѣтивъ Божу и, знакомъ руки, подозвалъ его къ Себѣ. Божа въ волненіи подбѣжалъ и замеръ.

Государь взглянулъ на Божу своими прекрасными лучистыми глазами, какъ бы освѣтивъ его душу, и поздоровался съ нимъ.

«Здравія желаю, Ваше Императорское Величество!», звонко отвѣтилъ Божа по уставу.

«Гдѣ тутъ у рѣки стоитъ большой бѣлый крестъ?», мягко спросилъ его Государь. «Онъ на небольшомъ холмѣ»... дополнилъ Онъ, задумчиво.

Божа съ рѣки, среди зелени кустовъ, видѣлъ этотъ бѣлый крестъ и указалъ Государю тропу къ нему.

«Вотъ видишь», обернулся Государь къ Королевичу, «я былъ правъ!.. Но тутъ было поле, а теперь роща. Я командовалъ тогда гусарскимъ эскадрономъ и тогда тоже были маневры... Мы переправлялись вплавь черезъ Лугу и одинъ Мой гусаръ утонулъ, — его въ водѣ ударила лошадь... Мнѣ его было такъ жаль!», и въ голосѣ Государя послышалась нѣжная сердечная

нота. «Это былъ такой славный солдатъ... Кіевскій крестьянинъ. Его тутъ-же на горкѣ и похоронили!»...

Что дальше говорилъ Государь, Божа не слышалъ, — лѣсная чаща скрыла Государя отъ его восторженныхъ взоровъ и онъ еще долго стоялъ на полянѣ, какъ зачарованный, и смотрѣлъ по направленію скрывшагося видѣнія...

XX.

Послѣ маневровъ юнкеровъ отпустили домой на двѣ недѣли.

Божа собирался ѣхать въ Сербію, но короткій отпускъ ему этого сдѣлать не позволилъ, и онъ, вмѣстѣ съ Сашей, поѣхалъ въ «Глубокое», гдѣ ихъ ожидали бабушка съ Никифоромъ, матушка Піама съ ея изумительными грибными пирогами и охота на тетеревовъ по кустарникамъ и срубленному лѣсу.

Божа вышелъ изъ усадьбы, когда только занималась заря.

Легко ступая въ лаптяхъ по дорогѣ, онъ миновалъ деревню и прошелъ знакомыми узкими межами въ лѣсъ...

Чувствовалось, что солнце уже взошло...

Туманъ медленно расходился, закрывая вершины сосенъ, и лѣсъ казался какимъ-то особенно высокимъ, гигантскимъ.

Роса увлажала траву.

Собака покорно бѣжала рядомъ, все время умильно поглядывая на Божу, ожидая, когда онъ, наконецъ, спуститъ ее съ цѣпочки на свободу. Пахло лѣсной сыростью и отцвѣтающимъ папоротникомъ.

Начинался день!..

Божа прошелъ краемъ лѣса на тѣ дальнія «дѣлянки», съ которыхъ онъ съ Сашей, когда-то, возилъ съ крестьянами бревна на берегъ Днѣпра. Онѣ теперь поросли мелкимъ березнякомъ, осиной и вязомъ, а также нѣжными липовыми побѣгами, которые крестьяне браконьерски обдирали себѣ на лыки, для лаптей.

По опушкѣ этихъ дѣлянокъ, въ густыхъ кустахъ ежевики и въ высокомъ камышѣ съ сѣрыми метелками, подъ которымъ розовѣла еще несозрѣвшая брусника, держались тетеревиные выводки.

Выйдя на опушку, Божа спустилъ собаку.

Она весело затрещала по сухой травѣ и скрылась въ зарosляхъ, откуда сейчасъ-же съ шумомъ поднялся тяжелый осенній тетеревъ.

Божа торопливо навелъ ружье и выстрѣлилъ, но промахнулся.

Онъ далъ дублетъ.

Тетеревъ тяжело запрокинулся и, теряя перья, какъ камень, упалъ въ траву. Собака его нашла и, повизгивая отъ удовольствія, принесла, и снова убѣжала въ кустарникъ.

Божа вышелъ на просѣку.

Онъ сѣлъ за можжевеловый кустъ, у котораго нѣсколько дней тому на-

задъ «взялъ» старуху-тетерку, и сталъ «вабить» молодыхъ, т. е. посвистывать въ деревянную дудочку, искусно подражая тетеревиному посвистыванію, на которое, сначала нерѣшительно, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй, стали отвѣчать, а потомъ прилетать молодые тетерева.

Божа изъ этого выводка убилъ двухъ и, какъ дальше ни вабилъ, остальные, какъ будто понимая обманъ, не прилетали.

Его настойчивость не привела ни къ чему и онъ съ досадой выбрался изъ за своего можжевеловаго куста, осмотрѣлся и, размявъ ноги, затекшія отъ долгаго и неудобнаго положенія, рѣшилъ выйти на большую дорогу и боромъ вернуться домой.

Солнце уже поднялось высоко и косыми лучами освѣщало красные стволы прямыхъ, какъ стрѣла, мачтовыхъ сосенъ, когда Божа вошелъ въ боръ.

Собака отбѣжала отъ него, увязавшись за зайцемъ, недовольная тѣмъ, что приходится идти чистымъ боромъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ сосновыхъ шишекъ, мха и грибовъ и даже не пахнетъ дичью, и ея отрывистый лай слышался гдѣ-то далеко у днѣпровскаго берега, то замирая, то снова возобновляясь, когда она видѣла зайца и шла «по зрячему слѣду».

Божа вышелъ къ ручью, служившему границей княжескаго и крестьянскаго лѣса.

На лужайкѣ, по долинѣ, стоялъ цыганскій таборъ. Стояло нѣсколько крытыхъ высокихъ повозокъ, оглоблями вверхъ, тутъ-же паслись стреноженныя лошади, горѣли костры, распространявшіе вокругъ себя, вмѣстѣ съ дымомъ, острый запахъ смолы, копошились полуголыя дѣти и всюду шныряли собаки.

Прямо передъ собой Божа увидѣлъ старуху-цыганку съ вязанкой валежника за спиной. Черезъ ея плечо былъ повязанъ пестрый платокъ, — цыганская «персидская шаль», и ея морщинистую шею и грудь прикрывали ряды разноцвѣтныхъ и яркихъ бусъ. Ея поблекшее темное лицо было озабочено. Она искала по берегу ручья удобнаго перехода и не находила его, — съ дровами перейти было трудно.

«Что? Не можешь перебраться?», спросилъ ее Божа, подходя къ ручью.

«Не могу, милый баринъ... Никакъ не могу... Сюда перешла, а назадъ не могу. Вишь, какъ кипитъ! И глубоко, — воды много! И съ дровами боязно»... быстро затараторила цыганка.

Божа легко перепрыгивая съ камня на камень, перенесъ ей дрова на другой берегъ. Цыганка перешла за нимъ, разсыпаясь въ пожеланіяхъ.

Прибѣжала, тяжело дыша, Божина собака и бросилась лакать холодную воду.

«Ау!.. Ау!..», услышалъ Божа невдалекѣ веселое ауканье и затѣмъ заразительный смѣхъ.

«Машенька!», догадался Божа, ощутивъ въ душѣ радостное волненіе. «Но гдѣ?». Онъ осмотрѣлся кругомъ, но ея нигдѣ не было видно.

«Что за чудо!».

«Ау!.. Божа!», донесся до него новый взрывъ ея звонкаго смѣха.

Собака ничего не понимала, — она кидалась по сторонамъ, безпокойно нюхала воздухъ, и была въ недоумѣніи, пока не остановилась подъ дикой яблоней.

Поднявъ кверху морду, она залилась неистовымъ лаемъ, — тамъ, на деревѣ, она увидѣла Машеньку.

Машенька была въ томъ переходномъ возрастѣ, когда въ дѣвочкѣ просыпается женщина, и въ этой женщинѣ осталось много дѣтства. Она одновременно могла играть въ куклы и увлекаться и плакать надъ романами Тургенева и Толстого.

«Какъ ты сюда попала?», засмѣялся Божа, подходя къ ней.

«Куда? На яблоню?», весело спросила Машенька.

«Нѣтъ, — въ лѣсъ».

«Я съ мамой грибы собирала».

«И осталась въ лѣсу?».

«Да... А теперь берегись!», и Машенька съ хохотомъ засыпала Божу градомъ яблочныхъ дичковъ. Божа съ трудомъ успѣвалъ увертываться отъ нихъ.

Машенька, ловко перебираясь съ вѣтки на вѣтку, соскочила на землю.

«А я, Божа, видѣла, какъ ты старой цыганкѣ помогъ дрова перенести», неожиданно призналась она. «Ты такой чудный, такой хорошій, — тебя всѣ любятъ!»...

«А ты? Любишь?», полушутя, полусерьезно спросилъ ее Божа.

Машенька зардѣлась... Сердце ея учащенно забилось... Она взглянула на Божу своими большими сѣрыми глазами...

Божа съ волненіемъ наклонился къ ней.

«Скажи, — а ты?», повторилъ онъ рѣшительно.

«И я!»... прошептала Машенька.

Подъ дикой яблоней прозвучалъ поцѣлуй, первый поцѣлуй любви, — стыдливый, нѣжный, неизвѣданный...

XXI.

Саша «караулилъ» медвѣдя...

Онъ еще съ вечера облюбовалъ себѣ удобное мѣсто на краю сжатаго овсяного поля, у самой просѣки, на старой корявой ивѣ, съ которой было хорошо видно и поле, и часть прилегающаго лѣса, откуда лѣтомъ приходили медвѣди, чтобы сосать молодые овсяные колосья.

Старый лѣсникъ, съ темнотой, проводилъ Сашу черезъ буреломъ на его мѣсто и, сказавъ, что пойдетъ на другой край поля, пошелъ спать домой, въ сторожку.

Ночь была темная, прохладная...

Мѣсяцъ былъ на исходѣ и его изогнутый рогъ покрывали черныя облака. Только изъ за лѣса, рѣзко отдѣляясь отъ тучъ, свѣтилось звѣздное, глубокое небо.

Впередъ Сашѣ было хорошо видно, — жнивье уходило далеко въ даль и только у лѣса сливалось въ непроницаемый мракъ.

Съ боковъ его окружали стѣны боярышника и кустовъ.

Ничто не нарушало тишины ночи... Только рѣдко, рѣдко зашуршитъ какъ-будто безъ причины, кустарникъ, зашумитъ вершинами лѣсъ, ночница пролетитъ съ пронзительнымъ крикомъ или гдѣ-то заплачетъ сова...

При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ у Саши сильнѣе напрягался слухъ, обострялось зрѣніе и руки невольно сильнѣе сжимали винчестерскій карабинъ.

Прошла полночь...

Небо очистилось отъ тучъ и открылись звѣзды. Золотистый мѣсяцъ мягко освѣтилъ все овсяное поле и рельефнѣе отдѣлилъ отъ него темную полосу лѣса. Саша усталъ отъ напряженнаго ожиданія. Онъ все чаще и чаще высовывался изъ старой ивы и съ напряженіемъ всматривался въ сѣрую пелену.

Стало прохватывать сыростью.

Саша плотнѣе закутался въ зипунъ.

Клонило ко сну...

На горизонтѣ, розовой полоской обозначался разсвѣтъ...

«Вотъ, только даромъ прождалъ медвѣдя всю ночь!», досадовалъ на себя Саша, неторопливо слѣзая съ дерева, «спалъ-бы дома, а потомъ пошелъ бы съ Божей на тетеревей»...

Онъ поежился въ зипунѣ, прилегъ подъ деревомъ и съ наслажденіемъ вытянулся на увядшемъ папоротникѣ, стараясь не думать о неудачѣ. Въ зипунѣ было уютно и тепло. Надъ парной землей поднимался серебристый туманъ. Въ сторожкѣ лѣсника закричалъ пѣтухъ и ему дружно отозвались другіе изъ деревни...

Стало свѣтло...

Неожиданно, Саша почувствовалъ у себя на щекѣ какую-то странную теплоту, какъ отъ дыханья...

Онъ нехотя пріоткрылъ одинъ глазъ...

Сонъ сразу соскочилъ съ него... Что-то оборвалось у него въ сердцѣ, — большая, косматая, бурая морда, тяжело отдуваясь, тыкалась внутрь зипуна.

Первою мыслью Саши было — бѣжать, но онъ сразу овладѣлъ собой: бѣжать было безуміемъ и онъ рѣшилъ не подавать никакихъ признаковъ жизни...

Медвѣдь, между тѣмъ, забавляясь, перекатилъ его по землѣ, обнюхалъ лежавшій рядомъ карабинъ, еще разъ ткнулъ Сашу мордой въ голову и, безцеремонно наступивъ на него лапой, отъ чего у Саши потомъ два дня болѣла спина, ушелъ въ лѣсъ.

Только слышался трескъ ломаемыхъ сучьевъ.

Саша вскочилъ и со злобой сжалъ кулаки...

«Проморгалъ! Проворонилъ! Проспалъ!», твердилъ онъ съ отчаяніемъ въ то время, когда медвѣдь уходилъ все дальше и дальше въ непроходимыя дебри приднѣпровскихъ лѣсовъ. О томъ, что медвѣдь могъ его разорвать, онъ уже не думалъ...

Сашѣ пришлось купить медвѣжій мѣхъ въ Петербургѣ.

Онъ отвезъ его одной знакомой дамѣ того гвардейскаго полка, въ который онъ собирался выйти послѣ училища, но умолчалъ о томъ, какъ онъ этого медвѣдя «убилъ».

XXII

«Тамъ долго веселый нашъ крикъ раздавался,
«И не было играмъ конца,
«Тамъ матери нѣжный упрекъ забывался,
«И выговоръ строгій отца.

А. Н. Плещеевъ.

Конецъ августа...

Ярче и зеленѣе выдѣлилась на фонѣ потемнѣвшихъ лѣсовъ сочная осенняя хвоя, пожелтѣла осина; береза, трепеща, обнажалась, теряя листву. Покраснѣли рябины, привлекая къ себѣ стаи трескучихъ дроздовъ.

По ночамъ бывали заморозки, а днемъ, даже на солнцѣ, термометръ показывалъ мало выше нуля.

Это не помѣшало въ одно изъ воскресеній, послѣ церковной службы, собраться молодежи на крокетной площадкѣ передъ домомъ Виѳанскихъ.

Кромѣ Машеньки, какъ хозяйки, тутъ были двѣ пріѣзжія барышни изъ Орши и одинъ бывшій студентъ Макарій Турганскій, исключенный изъ университета за участіе въ нелегальномъ кружкѣ, получавшемъ субсидіи изъ заграницы на политическую пропаганду.

Но Турганскій все это энергично отрицалъ, утверждая, что онъ пострадалъ невинно.

Онъ былъ конторщикомъ въ одной изъ помѣщичьихъ «экономій» по сплаву лѣса.

Виѳанскіе его не долюбливали, не смотря на то, что его покойный отецъ былъ когда то съ о. Павломъ вмѣстѣ въ семинаріи, а Машенька — откровенно ненавидѣла, особенно, когда стали говорить, что онъ ждетъ ея шестнадцати лѣтъ, чтобы жениться на ней.

Саша съ Божей, послѣ молебна, который бабушка всегда заказывала отдѣльно передъ иконой Св. Параскевы Пятницы, были также здѣсь.

Саша смѣшилъ оршанскихъ барышень, незамѣтно подталкивая ихъ шары поудобнѣе къ тѣмъ воротамъ, которыя онѣ должны были проходить, а Божа старательно преслѣдовалъ шаръ Турганскаго и угонялъ этотъ шаръ съ площадки въ поблекшій репейникъ, къ большому удовольствію Машень-

ки. Когда-же-же Турганскій дѣлалъ то же самое съ Божинымъ шаромъ, Машенька выходила изъ себя.

Она даже сердилась на Божу за то, что онъ игралъ безъ разсчета, и, какъ ей казалось, слишкомъ неосторожно.

«Браво, браво!.. Наконецъ, — понесся туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ!», воскликнула она съ восторгомъ, когда шаръ Турганскаго, описавъ пологую траэкторію, полетѣлъ изъ подъ Божиной ноги далеко за предѣлы крокета.

Оршанскія барышни засмѣялись.

«Машенька, поди-ка сюда!», послышался вслѣдъ за этимъ строгій голосъ матушки Піамы съ веранды.

Машенька вспыхнула...

Она сердито, исподлобья взглянула на Турганскаго, какъ будто онъ былъ виноватъ въ непріятности предстоящей нотаціи, потомъ прислонила молотокъ къ скамьѣ и, обдергивая на себѣ душегрѣйку, побѣжала въ домъ.

Тонкія злыя губы Турганскаго сложились въ непріятную гримасу. Глаза его забѣгали. Онъ, повидимому, хотѣлъ что то сказать, но промолчалъ.

Въ церковной калиткѣ появился о. Павелъ.

«А, юнаки! Лѣты и разумомъ и добродѣтельми, аки лѣствицей отъ силы въ силу грядущи! — уже шарики гоняете! Такъ, такъ!», весело загудѣлъ его іерихонскій басъ.

«Въ крапиву гоняемъ», засмѣялся Саша, наблюдая за Турганскимъ, который, боясь обжечься, осторожно, молоткомъ, раздвигалъ у забора крапивные кусты, ища свой шаръ.

Машенька на крокетъ вернулась пунцовая...

Турганскій чувствовалъ себя смущеннымъ и всѣмъ было неловко, и, хотя игра возобновилась, но уже безъ прежняго оживленія и интереса.

XXIII

Старый княжескій дормезъ мягко катился по витебскому шоссе.

Четверка сытыхъ деревенскихъ лошадей, пара въ дышлѣ и пара уносныхъ съ форейторомъ, нелегко везли этотъ удивительный размѣрами и вмѣстимостью экипажъ, въ нѣдрахъ котораго путешествовали Сашины дѣды, въ то время, когда еще нигдѣ, ни въ Россіи, ни за границей не существовало желѣзныхъ дорогъ.

Внутри дормеза ѣхала бабушка съ Машенькой и двѣ старыхъ горничныхъ.

Никифоръ съ вещами еще наканунѣ уѣхалъ съ подводами.

Саша съ Божей устроились на крытомъ сидѣніи, за кучеромъ и, считая версты, съ нетерпѣніемъ ожидали станціи съ перемѣной лошадей, на которой можно будетъ слѣзть со своей высоты и посмѣяться съ Машенькой, которой тоже до тошноты надоѣло покачиваться въ дормезномъ кузовѣ, какъ въ душной каютѣ корабля на морской волнѣ.

Бабушка всю дорогу мирно спала.

Дормезъ подъѣхалъ къ станціи.

Это было небольшое кирпичное зданіе, на фронтонѣ котораго, надъ вывѣской: «Ольшаны» красочно выдѣлялся большой государственный гербъ.

Дормезъ съѣхалъ съ широкого шоссе, гулко прогромыхалъ по настилу моста придорожной канавы и подкатилъ къ крыльцу. Старичокъ-смотритель сбѣжалъ съ лѣстницы и, низко кланяясь, помогъ бабушкѣ выйти изъ экипажа.

Въ «пассажирской» на большомъ сосновомъ столѣ съ самотканной бѣлой скатертью уже кипѣлъ самоваръ.

Горничныя засуетились съ провизіей.

Пока готовился чай, Божа съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ на шоссе «подковывали»*) гусей, массой двигавшихся изъ бѣлорусскихъ глубинъ къ желѣзной дорогѣ и дальше въ Германію для нѣмецкихъ рождественскихъ «heiligeabendmahl». Послѣ чая дормезъ двинулся дальше.

Уже стемнѣло, когда онъ переѣхалъ въ Витебскѣ мостъ черезъ Двину и задребезжалъ по отвратительной мостовой, направляясь къ женской гимназіи.

Тамъ бабушка передала Машеньку въ пансіонъ, а сама поѣхала отдыхать послѣ дороги въ «Грандъ Отель». Саша съ Божей поѣхали на вокзалъ.

Петербургскій поѣздъ отходилъ ночью.

Въ полуосвѣщенномъ буфетѣ еще никого не было. Лакеи-татары ставили приборы къ приходу вечернихъ поѣздовъ.

Божа, отъ нечего дѣлать, вышелъ на перронъ, а Саша, накупивъ ворохъ журналовъ и помѣстившись въ буфетѣ за столомъ, погрузился въ чтеніе.

Залъ сталъ постепенно наполняться публикой.

Засуетились лакеи, забѣгали носильщики, выстроились у входныхъ дверей комиссіонеры гостинницъ и отелей, въ буфетѣ зазвенѣла посуда...

«Это мѣсто свободно?», неожиданно услышалъ Саша около себя чей-то вкрадчивый голосъ.

Саша поднялъ голову, — рядомъ съ нимъ, у свободнаго стула, стоялъ какой-то господинъ.

«Я никого не жду!» отвѣтилъ коротко Саша.

Господинъ усѣлся.

---

*) «Подковываніе» гусей заключалось въ томъ, что поперекъ шоссе лили теплую смолу и рядомъ съ ней сыпали песокъ. Проходя смолу, а потомъ песокъ, у гусей на лапкахъ образовывались песочныя подошвы. Безъ этого гуси стирали себѣ лапки до крови и не могли долго идти.

Отложивъ въ сторону журналы, Саша взглянулъ на усѣвшагося рядомъ съ нимъ пассажира. Приплюснутый носъ, ротъ до ушей, рядъ гнилыхъ зубовъ и какіе-то безцвѣтные проворно-хитрые глаза при маленькой сгорбленной фигурѣ, дѣлали его наружность отталкивающей. Даже трудно было опредѣлить его возрастъ.

«Жаба какая-то!», подумалъ про него Саша.

«Я вижу передъ собой князя Минскаго?», приподнялся «жаба», замѣтивъ на себѣ пристальный Сашинъ взглядъ.

«Да, — вы не ошиблись»...

«Въ такомъ случаѣ, позвольте отрекомендоваться, — Ноздринскій, изъ Вильны!.. Васъ, я вижу, удивляетъ, что я васъ знаю», продолжалъ безъ остановки, склонивъ голову на бокъ, новый знакомый, «напрасно!.. Коммерсанты должны все видѣть, все знать... Я, напримѣръ, знаю, что у васъ имѣется недвижимая собственность, иначе говоря, — домъ на Антоколѣ и имѣнье подъ Оршей... О, это имѣнье, — это золотое дно, — его только, конечно, нужно съумѣть достать это дно!.. Я всегда къ вашимъ услугамъ, князь!», и Ноздринскій передалъ Сашѣ свою визитную карточку.

Саша при этомъ замѣтилъ на указательномъ пальцѣ Ноздринскаго большой фальшивый брилліантъ.

На платформѣ послышались звонки, забѣгали люди и, покрывая своимъ громыханьемъ всѣ шумы, къ станціи грузно подошелъ поѣздъ.

Ноздринскій сорвался съ мѣста.

Саша остался наблюдать.

Въ залъ входили пріѣхавшіе пассажиры. Противъ ихъ теченія озабоченно пробирался жандармъ и его бѣлый торчащій султанъ колебался то тутъ, то тамъ надъ толпой. Изъ буфета, лавируя, торопились къ поѣзду лакеи, жонглируя надъ головой подносами съ кофе и чаемъ.

Нѣсколько евреевъ галдѣло у входа. Ихъ казалось больше, чѣмъ было въ дѣйствительности, потому что они одновременно мелькали въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу.

«Знаешь, — кто пріѣхалъ съ этимъ поѣздомъ?», неожиданно выросла передъ Сашей Божина фигура.

Саша обернулся. «Кто?».

«Одна изъ твоихъ хорошихъ знакомыхъ», загадочно улыбнулся Божа.

«У меня много хорошихъ знакомыхъ», засмѣялся Саша.

«Но эта — единственная въ своемъ родѣ!».

«Не могу догадаться!», сказалъ Саша, подумавъ.

«Роза Эпштейнъ!», раздѣльно, по слогамъ, произнесъ Божа.

«Не можетъ быть!»...

«Увѣряю тебя! Я ее только что видѣлъ, — ее встрѣтилъ на платформѣ какой-то богопротивный типъ... А, вотъ, — и она сама, — видишь?», указалъ Божа глазами на высокую элегантную даму, нерѣшительно остановившуюся у дверей, около которой подобострастно суетился Ноздринскій.

Занявъ отдѣльный столикъ у окна, Роза передала Ноздринскому какія-то бумаги и онъ долго и настойчиво ее о чемъ то разспрашивалъ...

Швейцаръ въ ливреѣ позвонилъ въ ручной колоколъ и какимъ-то глухимъ, замогильнымъ голосомъ прогудѣлъ: «Смоленскъ, Москва, Орелъ»...

Роза съ Ноздринскимъ вышли на платформу. Саша, не теряя ихъ изъ вида, поспѣшно направился за ними.

Онъ прислонился къ колоннѣ и сталъ наблюдать... Онъ видѣлъ, какъ Роза поднялась по ступенькамъ въ вагонъ и потомъ изъ открытаго окна разговаривала съ Ноздринскимъ.

Какъ онъ сейчасъ ненавидѣлъ Ноздринскаго!

Такъ хотѣлось поговорить съ Розой, а Ноздринскій, какъ на зло, прыгалъ около вагона, хихикалъ, потирая руки, и не уходилъ!.. И теперь, смотря на Розу, Сашѣ вспомнилось, какъ онъ, уѣзжая изъ Полоцка въ полкъ, заставилъ себя силой воли пойти и просить у нее прощенія, и какъ при этомъ Роза была смущена и не знала, что говорить... И онъ цѣловалъ ея руки...

И часто потомъ, Сашѣ представлялась Роза именно такой, какой она была тогда, — прекрасной въ своемъ смущеніи...

Паровозъ далъ протяжный, точно простуженный, свистокъ. Его огромныя колеса забуксовали на мѣстѣ, онъ выбросилъ въ осеннюю мглу клубъ густого чернаго дыма и, глубоко вздохнувъ, тронулся съ мѣста... Мимо Саши замелькали освѣщенныя окна вагоновъ... Роза!..

Саша на ходу вскочилъ въ поѣздъ...

XXIV

Гиршъ Эпштейнъ по прежнему смотрѣлъ на свою жену, какъ на парадную вывѣску своей фирмы и не интересовался ея личной жизнью.

Время отъ времени онъ ей давалъ порученія, скрѣпляя ихъ всякій разъ коммерческими условіями, которыя, однако, не всегда точно выполнялъ. На этотъ разъ Роза должна была ѣхать въ Москву, чтобы узнать въ биржевыхъ кругахъ ближайшій курсъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ бумагъ, что обычно держалось въ секретѣ.

Какіе способы Роза могла примѣнять для достиженія успѣха, — Эпштейну было безразлично.

Банкирскій домъ «Эпштейнъ и Ко», не получивъ на этотъ разъ никакихъ агентурныхъ свѣдѣній о курсѣ московскихъ акцій и бумагъ, понесъ значительные убытки въ спекуляціи биржевой игры.

Въ Витебскѣ Роза передала Ноздринскому, агенту банкирскаго дома объемистый конвертъ изъ рукъ въ руки.

Это были векселя тѣхъ витебскихъ помѣщиковъ, къ которымъ Ноздринскій въ свое время пришелъ на помощь для отысканія ими въ своихъ имѣніяхъ «золотого дна».

XXV

Spiritus promptus est, caro infirma.

Поѣздъ глухо и мѣрно стучалъ по рельсамъ. Платформа осталась позади...

Роза нервно задернула оконную занавѣску, какъ бы изолируя себя отъ внѣшняго міра, отъ дѣйствительности.

Въ купэ никого не было. Роза присѣла къ окну. Въ дверь осторожно постучали...

Роза повернула дверную ручку.

Передъ ней былъ Саша!

«Вы?», произнесла она въ изумленіи, отступая передъ нимъ.

«Я такъ хотѣлъ васъ видѣть»... началъ Саша, «я все время думаю о васъ!»...

Сладкое волненіе охватило Розу. Ея сердце учащенно забилось. Она съ большимъ усиліемъ воли взяла себя въ руки.

«Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! Уйдите, ради Бога!», повторяла она и, боясь самой себя, открыла дверь купэ и вышла въ корридоръ. Поѣздъ замедлялъ ходъ. «Уйдите, — прошу васъ!..». Въ окнахъ замелькали огни.

«Станція «Крынки»!», раздался на платформѣ громкій голосъ оберъ-кондуктора.

«Я никуда не уйду!», сказалъ рѣшительно Саша, нагибаясь къ Розѣ.

«Оставьте... не надо...».

Саша взялъ ее на руки и, трепещущую, внесъ въ купэ.

XXVI

Дни шли за днями цѣпью времени...

Ничтожная песчинка мірозданія, оброненная Творцомъ въ безконечности Вселенной, Земля, совершая свой астрономическій путь вокругъ Солнца, находилась въ томъ разстояніи отъ него и въ томъ полуопрокинутомъ положеніи, когда на ней была весна и живительные солнечные лучи ласкали городъ Вильну и все живущее въ немъ.

Солнце освѣщало большую каѳедральную площадь Св. Казиміра, на которой еще скрывался подъ сѣрыми сукнами отъ преждевременныхъ взоровъ, художественный памятникъ Императрицы Екатерины Великой, ожидавшій своего торжественнаго открытія.

Въ парадномъ богослуженіи долженъ былъ принять участіе, въ числѣ

многочисленнаго духовенства, и о. Павелъ Виѳанскій отъ могилевской епархіи, и матушка Піама рѣшила воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы побывать въ Вильнѣ вмѣстѣ съ Машенькой, подъ предлогомъ «посмотрѣть торжества».

Но не торжества побуждали матушку оставить свой монастырскій домъ и ѣхать съ дочерью въ Вильну, — для этого у нея были свои особыя соображенія... Машенька осенью окончила гимназію. Ея романъ съ Божей она замѣтила уже давно, въ деревнѣ, еще тогда, когда ни Божа, ни Машенька не отдавали себѣ въ немъ яснаго отчета. Теперь Божа, послѣ производства служилъ въ Вильнѣ, въ саперахъ, и жилъ вмѣстѣ съ бабушкой въ антокольскомъ домѣ.

Бабушка уже давно приглашала матушку Піаму со своей крестницей къ себѣ погостить. Теперь, какъ разъ, для этого представился удобный случай.

Изъ Петербурга въ Вильну долженъ былъ пріѣхать Саша съ полковой делегаціей того гвардейскаго полка, въ которомъ онъ служилъ.

Княжескій домъ на Антоколѣ, всегда такой тихій, мирный, наполнился шумомъ молодыхъ голосовъ и оживился.

XXVII

По пріѣздѣ въ саперный баталіонъ, Божа былъ назначенъ въ роту молодого штабсъ-капитана Мельникова. Это былъ тотъ самый кадетскій унтеръ-офицеръ, который когда-то везъ своихъ маленькихъ полоцкихъ кадетъ на Рождество въ почтовой тройкѣ и потерялъ Божу на льду замерзшаго Днѣпра.

Божа его сразу узналъ, — высокій, надменный, неестественный, и вспомнилъ, что въ корпусѣ маленькіе кадеты его не любили за то, что онъ съ ними всегда «держалъ фасонъ», т. е. смотрѣлъ на нихъ свысока, какъ на ничтожества, не стоящія вниманія.

Сверстники считали его скрытнымъ и находили, что у него «гордый умъ». Въ жизни онъ «игралъ Печорина».

И, хотя Божа, по полоцкой традиціи, былъ съ нимъ на «ты», — но держался отъ него въ отдаленіи.

За то въ одномъ изъ виленскихъ полковъ служилъ Стась Даровскій, съ которымъ Божа сохранилъ прежнюю тѣсную дружбу.

Трудно было узнать въ вихрастомъ кадетѣ мужественнаго офицера, съ большими пушистыми усами, придававшими его лицу какое то особенное ласковое выраженіе.

Саша пріѣзжалъ изъ Петербурга часто, но не всегда останавливался дома, несмотря на то, что ему каждый вечеръ въ его кабинетѣ, на случай пріѣзда, стлалась на ночь постель.

Онъ нанялъ въ Закретѣ, на берегу Виліи, небольшую загородную виллу, гдѣ встрѣчался съ Розой.

Въ прочность Сашинаго чувства Божа не вѣрилъ.

Общество шумно перешло послѣ обѣда въ гостинную. Мущины закурили.

Никифоръ разнесъ кофе и ликеры и поставилъ передъ Мельниковымъ коробку Уппманскихъ сигаръ. Онъ за нимъ предупредительно ухаживалъ.

Бабушка помѣстилась въ своемъ креслѣ у камина и, усадивъ рядомъ съ собой на низкомъ пуфѣ Машеньку, любовалась ея отраженіемъ въ большомъ стѣнномъ зеркалѣ, напротивъ.

Стась помѣстился въ сторонѣ, у окна, и, прищуривъ одинъ глазъ и шевеля усами, все время поглядывалъ на Машеньку, откровенно любуясь «хорошенькой поповной».

Матушка Піама плотно усѣлась на диванъ и со вкусомъ разсказывала какимъ то чопорнымъ старушкамъ о томъ, какъ надо солить огурцы.

Все это происходило въ то время, когда Божа, подсѣвъ къ пюпитру, настраивалъ віолончель, а Саша, сидя у рояля, полуобернувшись, разговаривалъ съ Мельниковымъ и ударялъ по одной и той-же клавишѣ, давая Божѣ нужную ноту.

«Что-же мы будемъ играть?», спросилъ Божа, взявъ гамму двойныхъ нотъ.

«Для начала, Шопеновскій нюктюрнъ, для бабушки», вполголоса отвѣтилъ Саша.

Божа, перелиставъ ноты, нашелъ ноктюрнъ.

«Начнемъ», сказалъ онъ, удобно усаживаясь и наклоняясь надъ инструментомъ.

Голоса смолкли.

Божа повелъ смычкомъ и сочно началъ мелодію... И легкіе, чарующіе звуки мягко полились по гостинной, то разсыпаясь, то снова собираясь... Они, то тихо плыли, то метались... И плакали, и звали... То играли нѣжной дрожью, то переливались въ тихомъ журчаніи и, закружившись, замирали...

Послѣ ноктюрна, Божа съигралъ еще нѣсколько пьесъ и «Chanson triste» Чайковскаго, для Машеньки, и рѣшительно всталъ.

Машенька ему благодарно улыбнулась глазами. Божа прислонилъ віолончель къ роялю и, стряхнувъ съ себя канифольную пыль, подошелъ къ ней. Мельниковъ, усмѣхаясь углами тонкихъ губъ, разсказывалъ о томъ, какъ онъ потерялъ когда то Божу въ дорогѣ...

«Ахъ, какъ это было страшно!», вспомнила бабушка давно минувшее Рождество.

«Вѣдь это наше первое знакомство», наклонился къ Машенькѣ Божа.

«Что такое?», спросила бабушка.

«Нѣтъ... Это я спрашиваю, какъ я игралъ сегодня?».

«О, какъ всегда, — чудесно... съ такой душой!», похвалила бабушка Божу и любовно погладила его по рукѣ.

Матушка Піама на диванѣ продолжала объяснять старушкамъ, какъ надо на зиму сохранять огурцы.

Гости разошлись поздно...

XXVIII

Екатерининскій памятникъ въ Вильнѣ былъ открытъ парадно, торжественно...

Въ соборной церкви была архіерейская служба и у памятника служили продолжительный молебенъ съ водосвятіемъ, съ берега Виліи былъ произведенъ пушечный салютъ, звонили церковные колокола, днемъ въ городѣ играла музыка, а вечеромъ на Замковой горѣ былъ сожженъ красивый фейерверкъ.

Божа участвовалъ въ парадѣ, а Саша въ составѣ полковой депутаціи возлагалъ вѣнокъ къ подножію памятника.

Новый памятникъ изображалъ Великую Императрицу возсѣдающей на Тронѣ и держащей въ одной рукѣ Скипетръ, а въ другой — Державу.

На другой день Виѳанскіе уѣхали къ себѣ, въ Оршу.

Божа провожалъ ихъ до Минска.

XXIX

«Мнѣ больше нѣкого любить
«Мнѣ больше нѣкому молиться.

Надсонъ.

«Такъ, храмъ оставленный — все храмъ,
«Кумиръ поверженный — все Богъ!

Лермонтовъ.

Роза нерѣшительно вышла изъ дома и, пройдясь нѣсколько разъ по улицѣ, видимо волнуясь, повернула за уголъ и, наконецъ, рѣшившись, быстро направилась къ пароходной пристани, гдѣ взяла билетъ въ «Верки».

Пароходъ медленно поднимался вверхъ по теченію.

За поворотомъ рѣки, въ нѣжной зелени садовыхъ кустовъ, на крутомъ

берегу, обрисовался домъ Минскихъ и цѣлыя рядъ воспоминаній, связанныхъ съ Сашей, живо воскресъ въ ея памяти, блеснулъ далекой зарницей и тяжело легъ на душу...

И поѣздки къ нему въ Петербургъ, и встрѣчи съ нимъ въ Вильнѣ, въ Закретѣ, — какое это было мучительное блаженство и какой сладкій, дурманящій ядъ!..

Розѣ тогда казалось, что не могло быть и не было на свѣтѣ ни одной женщины, счастливѣе ея... Онъ сталъ ея кумиромъ!..

И тѣмъ тяжелѣе было ея разочарованіе, когда Роза узнала, что она у Саши не одна! Въ Вильнѣ говорили о его интимномъ романѣ съ одной польской графиней, а изъ Петербурга стали доходить слухи о какой то модной танцовщицѣ, на которую Саша тратилъ бѣшенныя деньги и дѣлалъ долги. И не ревность, а какое то чувство полнаго одиночества охватило Розу въ этотъ періодъ ея жизни.

Ея чувство къ Сашѣ притупилось и ея прежнія отношенія къ нему оборвались. Вѣра въ него была нарушена и казалось, что уже ничто не можетъ вернуть ее.

Ей мучительно было жаль этой утерянной вѣры, даже больше мятежнаго счастья, и въ ея душѣ образовалась пустота.

Заполнить ее было нечѣмъ!..

Роза рѣшительно порвала съ Сашей всѣ отношенія...

Саша пытался ихъ возобновить, но, встрѣтивъ рѣзкій отпоръ, убѣжденный въ томъ, что Роза просто ревнуетъ его, положился на время, полагая, по опыту, что время для ревности лучшій докторъ.

Роза жила въ домѣ мужа, отдѣльно, въ мезонинѣ, мечтая о томъ, какъ бы ей уйти отъ него, но мужъ, упорно не давалъ развода, даже не объясняя причинъ.

Какъ то ночью Розѣ не спалось. Она отдернула оконную портьеру и стала жадно пить прохладный воздухъ. Мысли бѣжали... Неожиданно она услышала съ балкона голоса.

Говорилъ Ноздринскій.

«Теперь князь Минскій у меня совсѣмъ въ рукахъ! Я его не выпущу!».

«И вы увѣрены?», подразнилъ его Эпштейнъ.

«Проценты на проценты и его имѣніе, а можетъ быть, и домъ, у насъ въ активѣ! Вы понимаете это? Что? Ловко я провелъ это дѣло?».

«Да. Работа чистая!» одобрилъ Эпштейнъ.

«Правда?».

«А вы бы все таки ему еще предложили денегъ въ долгъ, на всякій случай, чтобы не ускользнулъ», дѣловито посовѣтовалъ Эпштейнъ.

«Не ускользнетъ?».

«Кто знаетъ?».

«Я знаю!», съ злорадствомъ захихикалъ Ноздринскій.

Наступило короткое молчаніе. Тишину ночи нарушилъ промчавшійся мимо дома автомобиль.

А какъ идетъ его романъ съ Розой?», послышался голосъ Эпштейна, послѣ того, какъ шумъ автомобиля затихъ.

«Уснула страсть, прошла любовь...», фальшиво напѣлъ Ноздринскій.

«Что такъ?».

«Не знаю, — но больше въ Закретѣ не встрѣчаются...».

«А вы слѣдите?».

«Для дѣла...».

«Хорошее дѣло!».

«Работа всегда работа!», засмѣялся Ноздринскій.

«А вѣдь надо правду сказать, Роза глупа, — она сама могла бы на немъ деньги сдѣлать!».

Роза стояла у окна блѣдная, растерянная...

«И это, — люди!»... и, охвативъ голову руками, она упала на постель.

Роза колебалась, — написать ли Сашѣ письмо или лично видѣть его, чтобы предупредить о грозившей ему опасности?

Горечь прежняго, какъ бы исчезла. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ размышленій, она рѣшилась назначить ему встрѣчу въ Веркахъ, въ одной изъ аллей, когда то роскошнаго, а теперь заброшенаго парка князей Гогенлоэ.

Въ то время, когда Роза ѣхала въ Верки, Саша тамъ ее ждалъ.

Черезъ вершины столѣтнихъ дубовъ онъ напряженно смотрѣлъ на пароходъ, стараясь между немногочисленными пассажирами найти Розу.

Лѣниво пронесся по рѣкѣ пароходный гудокъ и утонулъ въ густой листвѣ дубовой рощи. Пароходъ присталъ къ берегу...

Вотъ и Роза! Она вышла по сходнямъ на берегъ, оглянулась, посмотрѣла вдаль и стала медленно подниматься по шоссе.

Саша по тропинкѣ бросился ей на встрѣчу.

Когда онъ выбѣжалъ на шоссе и сталъ цѣловать Розѣ руки, — она замерла...

Она только чувствовала, какъ ея раскрывшееся сердце быстро наполнялось знакомыми ощущеніями свѣта и тепла и какъ счастье и радость озарили душу.

«Наконецъ-то! Смѣнила гнѣвъ на милость!.. Милая...», говорилъ Саша, любовно глядя на нее, и Розѣ стоило большихъ усилій воли, чтобы тутъ-же не броситься ему на грудь и не умолять его любить, — любить только ее одну!

И какъ бы читая ея мысли, Саша сталъ увѣрять ее, что онъ никогда не любилъ ни одной женщины, кромѣ нея, и клялся ей въ этомъ, и въ эту минуту самъ этому вѣрилъ.

Роза не понимала, что съ нею...

Она сама не знала, — вѣрить ему или нѣтъ?..

И повѣривъ, — у нея исчезли всѣ прежнія сомнѣнія и острая боль обиды отъ его измѣнъ.

Она только чувствовала на себѣ Сашинъ взглядъ, полный нѣжной преданности, и минувшее счастье, казалось, никогда не покидало ее...

Въ этотъ вечеръ они вмѣстѣ, счастливые, какъ никогда, уѣхали въ Петербургъ.

XXX

«Пороховые заряды для уничтоженія ледяныхъ заторовъ вычисляются по формулѣ Лебрена».

Изъ стараго саперного наставленія.

Зима въ 1902-1903 году въ Бѣлоруссіи была особенно многоснѣжная.

Старики съ давнихъ поръ не помнили такихъ большихъ снѣговъ.

Все тонуло въ бѣлоснѣжной рыхлой пеленѣ. Сообщаться можно было только на лыжахъ или по накатаннымъ розвальнями дорогамъ, на которыхъ разъѣхаться часто было невозможно, — лошади съ санями проваливались у обочины въ глубокій снѣгъ, и ихъ потомъ съ трудомъ вытаскивали возжами.

Снѣгъ ломалъ крыши и старыя сосны и ели, видѣвшія всякія зимы, гнулись подъ его тяжестью...

Поѣзда занесенные снѣгомъ, стояли въ пути цѣлыми сутками.

Спокойно подъ такими снѣгами, безъ страха заверзнуть, грѣлось на озимыхъ поляхъ осеннее зерно...

При дружной веснѣ такіе снѣга грозили бѣдствіемъ...

Рѣки, къ тому же, стали рано.

Крѣпость Двинскъ на Западной Двинѣ, представлявшая когда - то первоклассную крѣпость, уже давно потеряла всякое боевое значеніе, и ея, когда то грозные бастіоны и предмостный тетъ-де-понъ, были превращены въ обширные склады, въ которыхъ хранилось огромное военное имущество на случай войны.

Крѣпость отдѣлялась отъ рѣки высокой дамбой отъ наводненій, и каждую весну крѣпость переживала тревожные дни, въ зависимости отъ того, какъ высоко поднималась по дамбѣ двинская вода. Въ этомъ году и крѣпость, и городъ испытывали большое безпокойство, когда все кругомъ бы-

ло завалено снѣгомъ и метеорологическія станціи предсказывали раннюю весну съ внезапнымъ тепломъ.

Въ началѣ марта пріѣхали изъ Вильны саперныя команды съ офицерами.

Съ одной изъ нихъ пріѣхалъ Божа.

Саперы конопатили и смолили бочки въ отдѣльномъ равелинѣ за глассисомъ, наполняли ихъ порохомъ и отвозили за версту внизъ по теченію, на берегъ рѣки, гдѣ она дѣлала крутую излучину въ высокихъ берегахъ и гдѣ почти ежегодно образовывались ледяные заторы.

Съ верховьевъ Двины уже были получены телеграммы о томъ, что тамъ ледъ двинулся, а въ Двинскѣ онъ все еще стоялъ. Это не предвѣщало ничего хорошаго!

Божа съ частью своихъ саперъ помѣстился въ небольшой дачѣ съ заколоченными на зиму окнами, у рѣки, и, волнуясь, ожидалъ начала ледохода. Онъ надѣялся, что при большой водѣ ледъ можетъ протолнуться стремительнымъ теченіемъ, не задержавшись въ узкомъ мѣстѣ, — такіе года бывали!..

Но въ этомъ году этого не случилось...

Ночью съ рѣки стали раздаватьсяоглушительные выстрѣлы, какъ изъ тяжелыхъ орудій, — это лопался ледъ! Рѣчное корыто стало быстро переполняться водой и къ утру ледъ медленно двинулся съ шумомъ, подобнымъ подземному гулу.

Плыли по теченію усаженныя елками рѣчныя дороги, извиваясь поперечными полосами, плыли досчатые рыбачьи шалаши, остовы лодокъ и снасти и на небольшой льдинѣ, жалобно выла небольшая рыжая собаченка, какимъ-то образомъ захваченная на рѣкѣ ледоходомъ.

Къ полудню ледъ пошелъ густо, стѣной...

Громадныя льдины, какъ бы стараясь обогнать одна другую въ своемъ движеніи, неуклюже громоздились, ломались, тонули и снова всплывали, сбиваясь на излучинѣ въ мощную преграду, у которой какъ передъ громадной плотиной, началъ подниматься весь колоссальный рѣчной напоръ вешней воды.

Вода кипѣла и клокотала у затора, но, въ безсиліи, поднималась все выше и выше, разливаясь по лугамъ и угрожая наводненіемъ прибрежнымъ селамъ и деревнямъ.

Крѣпостная дамба была уже залита на половину.

Къ вечеру, на косѣ, саперы разбили пироксилиновыми шашками скопившійся ледъ. Въ образовавшійся протокъ хлынула вода, увлекая съ собой часть затора. Но ночью ледъ снова со скрежетомъ сталъ.

Ночь была парная, теплая... Еле свѣтила луна, неясно обрисовывая контуры береговъ и колеблющееся ледяное поле съ опаловыми тѣнями. Ледъ громоздился все выше и выше. Къ утру уже были цѣлыя горы.

Саперы накидали по затору доски и заложили въ «окна», т. е. въ глу-

бокія щели между льдинами, иногда до самаго дна, пороховыя бочки съ проводами...

Божа рѣзко повернулъ ручку индуктора... Охнулъ воздухъ, — и оглушительный гулъ пронесся по рѣкѣ...

Глыбы льда и мелкіе ледяные осколки въ брызгахъ воды высоко поднялись надъ рѣкой, играя на солнцѣ радугой и алмазами.

Заторъ заколебался и какъ бы задумался, — идти ему или нѣтъ?

Онъ медленно тронулся, пріостановился, заколебался, снова тронулся и сталъ...

Божа съ сердцемъ выбранился.

«Что прикажете?», не разслышалъ его унтеръ-офицеръ.

«Что? Еще разъ!», и Божа побѣжалъ по доскамъ на заторъ, выбирать новыя «окна».

Послѣ второго взрыва заторъ пошелъ... Только часть его, у берега, еще продолжала сопротивляться быстрому теченію воды... Божа взбѣжалъ на ледъ...

Неожиданно, ледяной массивъ заколебался... Божа бросился назадъ, но уже было поздно, — льдину, на которой, кромѣ Божи, оказалось еще два сапера, оторвало отъ берега и, закруживъ ее, понесло на фарватеръ. Перебираясь съ льдины на льдину, только у Ликсны, въ двадцати верстахъ отъ Двинска, имъ, уже совершенно обезсиленнымъ, удалось выбраться на берегъ.

Двинскій репортеръ не пожалѣлъ красокъ, чтобы описать, какъ «поручикъ Зоричъ, спасая Двинскую крѣпость отъ наводненія, едва не погибъ, унесенный на льдинѣ теченіемъ, со своими саперами».

Описаніе этого случая было помѣщено въ хроникѣ столичныхъ газетъ.

Читая вслухъ вечеромъ газету отцу, Машенька прочла это описаніе и не сразу поняла его содержаніе.

Когда же она поняла, что этотъ поручикъ Зоричъ — это Божа и что онъ могъ погибнуть, на нее нахлынуло такое большое и сложное чувство и душу охватило такое волненіе, что у нея уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что она любитъ Божу...

Она написала ему горячее письмо...

Божа пріѣхалъ въ Оршу на Пасху.

Машенькино письмо опредѣлило ихъ отношенія, — она стала Божиной невѣстой.

XXXI

Орша долгое время помнила ту свадьбу, которая являлась для нея не только темой для воспоминаній, но какъ-бы эрой лѣтосчисленія.

Всѣ событія этого уѣзднаго города группировались «до» и «послѣ», — такъ велико было оставленное ею впечатлѣніе!

Свадьба происходила въ городскомъ соборѣ... У собора стояли самые разнообразные экипажи, начиная отъ обыкновенныхъ помѣщичьихъ «найтычанокъ» до парадныхъ каретъ.

Бабушка пріѣхала въ своемъ дормезѣ и вмѣстѣ съ ней пріѣхалъ Саша, чтобы не запылился его гвардейскій мундиръ. Божа съ Даровскимъ уже были въ церкви. Дормезъ поѣхалъ за невѣстой.

На свадьбѣ была вся Орша...

Любопытные наводнили церковный дворъ и три городовыхъ съ квартальнымъ, составлявшіе весь штатъ оршанской полиціи, усердно наводили порядокъ.

Машеньку ввелъ въ церковь старикъ-помѣщикъ въ полинялой, какъ онъ самъ, егерской формѣ, и мальчикъ съ образомъ, какой-то маленькій реалистъ, который долженъ былъ идти впереди, все время конфузливо жался къ нему.

О. Павелъ и матушка остались дома по тому старинному обычаю, вылившемуся изъ повелѣнія Петра Великаго, по которому родителямъ вѣнчавшихся дочерей запрещалось быть въ церкви, чтобы не было «на кротости дщерей родительскаго настоянія при бракѣ».

Обрядъ совершался торжественно, парадно, чинно...

Въ открытыя окна вливался прянный запахъ цвѣтущей медуницы приднѣпровскихъ луговъ и легкій вѣтеръ колебалъ лампадные огни у темныхъ старинныхъ иконъ. Солнце ласково бросало свои лучи на молодыхъ, стоявшихъ передъ алтаремъ съ полнымъ сознаніемъ большой взаимной любви, способной на подвигъ...

Вечеромъ Божа съ Машенькой уѣхали на пароходѣ въ Кіевъ, чтобы дальше ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Сербію. Машенька хотѣла видѣть тѣ мѣста, гдѣ Божа провелъ свое дѣтство, и помолиться на могилѣ его матери.

На третьи сутки австрійскій поѣздъ подвозилъ ихъ къ Бѣлграду.

XXXII

«Изъ подъ таинственной, холодной полумаски
«Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
«Свѣтились мнѣ твои плѣнительные глазки
«И улыбалися лукавыя уста.

М. Лермонтовъ.

Въ Маріинскомъ театрѣ только что закончился «Евгеній Онѣгинъ». Медленно опускался тяжелый занавѣсъ. Нѣжные и чарующіе звуки оперы еще дрожали подъ куполомъ огромнаго зрительнаго зала.

Публика, бѣснуясь, вызывала Собинова.

Саша, подождавъ у бокового входа, пока не отхлынула изъ партера первая волна, прошелъ черезъ фойе, мимо парныхъ часовыхъ у Императорской ложи, когда капельдинеры въ золоченыхъ кафтанахъ тушили люстры боковыхъ ложъ.

Онъ вышелъ на подъѣздъ и, пройдя площадь, между рядами стоявшихъ экипажей, направился въ сторону Мойки.

Пройдя мостъ, онъ повернулъ направо, и, миновавъ Флотскій экипажъ и Конную гвардію, вспомнилъ, что онъ собирался сегодня на большой благотворительный балъ-маскарадъ, дававшійся ежегодно въ началѣ сезона въ залахъ Благороднаго собранія.

Наканунѣ, онъ получилъ короткую записку, въ которой ему на этомъ маскарадѣ назначалось свиданье и, увѣренный въ томъ, что это его интригуетъ одна дама, державшаяся съ нимъ въ обществѣ чопорно и строго, но при случаѣ дарившая его многообѣщающими улыбками, рѣшилъ открыть ея инкогнито.

Саша свернулъ на Морскую.

Былъ небольшой морозъ... Слегка порошило... Сквозь падающія снѣжинки, казавшіяся серебряной пылью, подъ ослѣпительными потоками электрическаго свѣта, неясно обрисовалась среди площади на высокомъ пьедесталѣ, воздушная конная фигура Императора Николая I.

Проходя мимо Кюба, Сашѣ вспомнилась Роза, съ которой онъ такъ часто посѣщалъ этотъ ресторанъ.

Она уже мѣсяцъ, какъ порвала съ нимъ всѣ отношенія (по прежнимъ основаніямъ!) и теперь служила корреспонденткой въ какой то иностранной торговой фирмѣ.

Мысли о Розѣ въ послѣднее время все чаще приходили ему на умъ. Онѣ мучили его. Онъ старался не думать о ней, но кончалъ тѣмъ, что, какъ кокаинистъ, самъ себѣ уступалъ.

Такъ было и на этотъ разъ...

Лихорадочное волненіе охватило его...

«Ужъ не Роза ли написала мнѣ эту записку?», подумалъ онъ, вызывая въ себѣ острое желаніе видѣть ее.

«Нѣтъ, — не пришло еще время!», рѣшилъ онъ печально.

Задумавшись, онъ подошелъ къ ярко-освѣщенному массивному фасаду и вошелъ въ подъѣздъ. Поднявшись по широкой лѣстницѣ въ бель-этажъ и миновавъ рядъ гостинныхъ, наполненныхъ обычной маскарадной публикой, онъ прошелъ въ танцовальный залъ. Кругомъ сновали костюмированныя маски. Въ непрерывномъ гулѣ голосовъ, какъ морской прибой, раздавались заразительные взрывы женскаго смѣха и повелительные французскіе выкрики дирижеровъ, носившихся, какъ вѣтеръ, по зеркалу паркета съ одного края зала на другой.

Начинался котильонъ...

Съ высокой эстрады полились бравурные звуки польской мазурки...

Саша отошелъ за колонну.

«Здравствуй, князь!» услышалъ онъ за собой веселый и непринужденный женскій голосъ съ обращеніемъ на «ты», по маскарадному обычаю.

Онъ обернулся.

Около него стояла какая-то маска въ рискованномъ костюмѣ наяды. Ея стройную фигуру прикрывалъ блѣдно-голубой газъ. Длинныя зеленыя ленты въ видѣ рѣчной травы спускались внизъ по корсажу, а высокую прическу ея бѣлокурыхъ волосъ украшалъ вѣнокъ водяныхъ лилій.

Другая маска въ черномъ домино съ камеліей въ зубахъ, покачиваясь въ тактъ мазурки, остановилась рядомъ и, казалось, наблюдала за нимъ.

«Я тебя хорошо знаю!» продолжала наяда тономъ маскарадной интриги.

«Не ты одна, — его многія хорошо знаютъ», иронически замѣтила маска въ домино, съ камеліей въ зубахъ.

«Банальное начало!» улыбнулся ей Саша.

«Банальный эпилогъ!» отпарировала маска.

Саша внимательно посмотрѣлъ на нее.

Изъ подъ кружевной атласной полумаски свѣтились черные глаза и что-то знакомое въ ихъ блескѣ показалось Сашѣ.

Смутная тѣнь подозрѣнія шевельнулась у него въ душѣ, но онъ тутъ же отогналъ ее.

«Мнѣ всюду мерещится Роза! Галлюцинація какая-то!» и онъ перевелъ свой взоръ въ залъ.

Тамъ шла какая-то сложная и запутанная фигура котильона.

«Я знаю, что ты теперь свободенъ», продолжала наяда.

«Въ какомъ отношеніи?»

«Въ любви, конечно».

«Не понимаю», пожалъ плечами Саша.

«Не хочешь понимать... Право, можно подумать, что въ Петербургѣ красивыхъ женщинъ нѣтъ, — даже обидно...»

«А ты не обижайся!» засмѣялся Саша.

Наяда непринужденно заглянула Сашѣ въ глаза. «Хочешь, — я тебѣ ее замѣню! Я не такъ ревнива, какъ другія...»

«Другихъ мнѣ не надо!» остановилъ ее Саша и рѣшительно отошелъ отъ нея.

Роза задохнулась... Камелія съ перекушеннымъ стеблемъ упала къ ея ногамъ.

Это она написала Сашѣ записку, чтобы онъ пришелъ въ маскарадъ, въ надеждѣ, что она хоть издали увидитъ его.

«Другихъ мнѣ не надо!» какъ эхо прозвучали для нея Сашины слова и ея тоскующій взоръ ярко загорѣлся радостью жизни и новыми надеждами... Сашины слова возвращали ей счастье!

Саша прошелся по заламъ.

Съ равнодушнымъ эгоизмомъ онъ осмотрѣлъ пеструю публику, съ неудовольствіемъ выпилъ бокалъ вина за столомъ знакомой дамы патронессы и, сказавъ ей нѣсколько банальныхъ любезностей, направился къ выходу.

На площадкѣ онъ встрѣтилъ Эпштейна. Рядомъ съ нимъ стоялъ Ноздринскій и указывалъ ему рукой на какого-то молодого человѣка изъ числа кутящей золотой молодежи.

«Новая жертва», печально рѣшилъ Саша.

«Паукъ!» подумалъ онъ про Эпштейна, «душившаго» его процентами по векселямъ и теперь грозившаго ихъ подать ко взысканію.

Приходилось продавать «Глубокое» и уходить изъ того гвардейскаго полка, въ которомъ онъ служилъ.

Но не это смущало его!..

Бабушка, уже замѣтно терявшая силы, жила въ «Глубокомъ». Что тогда будетъ съ нею? Какъ выйти изъ создавшагося положенія?» задавалъ себѣ Саша рядъ вопросовъ, наивно удивляясь, какъ незамѣтно и просто Эпштейнъ и Ноздринскій запутали его.

Что оставалось теперь дѣлать?

Въ настоящій моментъ онъ ничего не могъ придумать и только обрывки неясныхъ мыслей тѣснились въ его сознаніи...

Саша спустился въ вестибюль.

Услужливый швейцаръ подалъ ему пальто и Саша вышелъ на Невскій.

По прежнему порошило... Поднимался вѣтеръ. За снѣжной занавѣсью неясно рисовались мраморныя колонны Казанскаго собора.

На другой день послѣ бывшаго маскараднаго бала въ Благородномъ собраніи, Петербургъ былъ взволнованъ загадочнымъ убійствомъ на Гагаринской улицѣ.

На своей квартирѣ, которую нанималъ для себя, какъ «pied à terre» банкиръ Эпштейнъ, онъ былъ найденъ убитымъ.

Слѣдствіе выяснило, что онъ вернулся домой поздно ночью изъ какого то маскарада, но не одинъ, а съ замаскированной дамой.

Что между ними происходило, — неизвѣстно, такъ какъ у банкира отъ квартиры былъ свой ключъ и постоянной прислуги онъ не держалъ.

Изъ сосѣднихъ квартиръ никто ничего не слыхалъ. А утромъ выходныя двери оказались не запертыми, а Эпштейнъ — мертвымъ, лежащимъ у себя на коврѣ, въ кабинетѣ.

Тутъ-же валялся небольшой пятизарядный «бульдогъ».

Выстрѣлъ былъ произведенъ чрезвычайно мѣтко, въ самое сердце.

Происшествіе минувшей ночи еще не попало въ печать, а страшная вѣсть уже распространилась по сосѣднимъ улицамъ. По дворницкимъ, по булочнымъ, по мелочнымъ лавкамъ уже объ этомъ дѣлѣ говорили съ разсвѣта. Кухарки, горничныя, какія-то ветхія богомолки, спѣшившія къ ранней обѣднѣ къ Св. Пантелеймону, обступили подъѣздъ и толпились на узкомъ тротуарѣ.

Полиція ихъ отгоняла.

XXXIII

Скорый поѣздъ въ Вильну отходилъ изъ Петербурга утромъ.

Роза подъ темной вуалью пріѣхала на вокзалъ за нѣсколько минутъ до третьяго звонка.

Она была такъ возбуждена, что не чувствовала усталости. Пугливо оглянулась во всѣ стороны. На платформѣ было много народа. У вагоновъ стояли группы провожавшихъ, — смѣявшихся, или плакавшихъ, или, просто равнодушныхъ людей. Нѣкоторые на нее оглядывались.

Услужливый носильщикъ подбѣжалъ къ ней.

«Въ какой вагонъ?» спросилъ онъ, беря у нея изъ рукъ саквояжъ.

«Спальный».

«Номерокъ пожалуйте!»

Она отдала ему билетъ съ номеромъ и онъ быстро побѣжалъ къ серединѣ поѣзда.

Роза вошла въ купэ. У окна сидѣла какая-то полная женщина, по виду купчиха. Роза расплатилась съ носильщикомъ и сѣла противъ нея.

«Я только до Гатчины», нараспѣвъ сказала купчиха, повидимому, только для того, чтобы начать разговоръ.

«До Гатчины...» машинально повторила Роза и отбросила вуаль.

Ея лицо было блѣдно. Большіе темные круги подъ глазами придавали ей болѣзненный видъ. У губъ появились страдальческія складки и вся она осунулась и похудѣла.

По вагону прошелъ кондукторъ и провѣрилъ билеты. На платформѣ три раза ударилъ звонокъ и мимо оконъ вагона медленно двинулись лица провожавшихъ, стѣны вокзала съ рекламными плакатами и росписаньями поѣздовъ, постройки....

Роза закрыла глаза и событія минувшей ночи представились ей съ полной отчетливостью...

«Балъ-маскарадъ... Саша и его чарующій голосъ: «другой мнѣ не надо!».... Какимъ счастьемъ забилось ея сердце!.. И она, полная нѣжной пре-

данности, неузнанная, не отрываясь, ласкала его любящимъ взглядомъ... Потомъ она потеряла его изъ вида въ этомъ пестромъ людскомъ бассейнѣ... Искала, но не нашла... Собиралась ѣхать домой... Неожиданно въ одной изъ гостинныхъ она увидѣла Эпштейна... Это былъ тотъ обломокъ прошлаго, который она не могла устранить изъ своей жизни... Эпштейнъ упорно не давалъ ей развода... Говорили, что онъ, разведясь, хочетъ получить за нее деньги, — продать жену...

Сидя на диванѣ, и заложивъ ногу на ногу, онъ курилъ и разговаривалъ съ Ноздринскимъ...

Первое ея движеніе было — бѣжать, но какое-то непреодолимое желаніе узнать то, о чемъ они говорили взяло верхъ, и она, непринужденно обмахиваясь вѣеромъ, помѣстилась рядомъ съ ними въ кресло.

Они, не стѣсняясь, говорили обо всемъ, — и также спорили о дѣлахъ, какъ о постороннемъ... Но вотъ они упомянули фамилію князя Минскаго... Оцѣнили его домъ на Антоколѣ и имѣнье подъ Оршей... Потомъ въ шутливомъ тонѣ говорили о его векселяхъ и наросшихъ процентахъ и о томъ, что «это дѣло пора ликвидировать...»

Роза знала, что значило на языкѣ Эпштейна — «ликвидировать», и со смѣшаннымъ чувствомъ презрѣнія и злобы смотрѣла на ростовщиковъ...

Ноздринскій, между тѣмъ, поднялся съ дивана. Подобострастно повертѣвшись, онъ вскорѣ ушелъ.

Эпштейнъ оглядѣлъ гостинную... Всюду кругомъ сидѣли и разговаривали маскарадныя пары. Одна Роза сидѣла задумчиво въ сторонѣ отъ всѣхъ.

Эпштейнъ подошелъ къ ней.

Она обратила вниманіе, что онъ еще больше растолстѣлъ. На кругломъ животѣ, затянутомъ въ пестрый жилетъ, блестѣла, колыхаясь, массивная золотая цѣпочка.

Онъ заговорилъ съ ней.

Она не сразу поняла смыслъ его словъ.

Эпштейнъ приглашалъ ее ужинать.

«Не могу», коротко отвѣтила Роза.

«Почему? Не хочешь открыть свое инкогнито?»

«Да».

«Тогда поѣдемъ ко мнѣ», безцеремонно предложилъ Эпштейнъ.

Роза молчала.

«Я обѣщаю тебѣ, прелестная маска, что тебя никто не увидитъ, — у меня отдѣльная квартира и даже нѣтъ прислуги...»

Роза утвердительно кивнула головой... Фантастическая мысль неожиданно пришла ей на умъ, — уговорить Эпштейна дать князю возможность выйти изъ его затрудненій.

«Я буду просить, умолять... я, наконецъ, буду убѣждать Эпштейна, что это ему самому выгодно!» быстро зрѣли у Розы новыя мысли и онѣ показались ей уже не такими несбыточными...

«Вотъ мы и въ Гатчинѣ!» неожиданно услышала она голосъ той купчихи, которая ѣхала съ ней въ купэ.

Роза открыла глаза.

«Доѣхали, стало быть, безъ крушеніевъ!» продолжала купчиха, широко улыбаясь, протискиваясь въ дверь со свертками петербургскихъ покупокъ.

«Спаси васъ Богъ!» докончила она уже изъ корридора, привѣтливо кивая Розѣ.

«Безъ крушеніевъ...» повторила Роза, «какъ это смѣшно...»

И Розѣ въ самомъ дѣлѣ эти слова купчихи показались смѣшными и она чуть не разсмѣялась.

Но ей тотчасъ-же пришло въ голову, — ужъ не начинается-ли истерика?

Она почувствовала, какъ какой то клубокъ подкатился къ горлу.

Она сдѣлала надъ собой нервное усиліе и съ помощью его вернула свое самообладаніе.

Поѣздъ двинулся дальше...

Въ окнахъ вагона замелькали кочковатыя поля и чахлые перелѣски.

«Что теперь дѣлается тамъ, на Гагаринской?» прорѣзали ея мозгъ новые обрывки кошмарныхъ воспоминаній...

XXXIV

Подробный допросъ квартирныхъ сосѣдей Эпштейна не далъ судебному слѣдователю руководящей нити. Приходящая прислуга бывала у него только по утрамъ и о его образѣ жизни сообщила немного. Никакого хозяйства дома у него не велось. Эпштейнъ, занятый дѣлами, рѣдко бывалъ дома, пріѣзжая въ Петербургъ, обыкновенно, дня на два, на три.

Вчерашней ночной посѣтительницы никто не видѣлъ, кромѣ дворника сосѣдняго дома, но и онъ не «примѣтилъ» ея лица, по тому, что она были «закрывшись». Онъ все же объяснилъ, что она была въ черной ротондѣ, сѣрыхъ полусапожкахъ и въ розовомъ капорѣ.

Роста, какъ ему показалось, она была «обнакновеннаго».

На вопросъ слѣдователя, — не замѣтилъ ли онъ, когда эта маска вышла изъ квартиры убитаго? дворникъ отвѣтилъ отрицательно.

Всѣ эти показанія не могли навести слѣдователя ни на какое опредѣленное предположеніе. Преступленіе казалось загадочнымъ, но было очевидно, что оно не могло быть дѣломъ случайной посѣтительницы изъ разряда маскарадныхъ искательницъ приключеній.

Корыстный мотивъ отсутствовалъ совершенно. Убійство представлялосъ или дѣломъ мести, или ревности.

Могло быть также, что преступница убила Эпштейна, защищаясь отъ насилія. Но это предположеніе представлялось слѣдователю мало вѣроятнымъ, потому что женщина, пріѣхавшая изъ маскарада, среди ночи, въ хо-

лостую квартиру мущины, едва ли стала бы защищать свою честь съ револьверомъ въ рукѣ.

Но, если бы даже это было такъ, то прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ убійству, она могла бы вырываться, кричать, разбить оконное стекло, чтобы ее было слышно на улицѣ...

Но ничего этого не было! Никто ничего не слышалъ! И въ кабинетѣ не было никакихъ признаковъ борьбы...

Просмотрѣнная переписка Эпштейна не имѣла никакого отношенія къ катастрофѣ. Все носило строго дѣловой характеръ и касалось расчетовъ по биржевымъ операціямъ, дѣлежа куртажей, вычисленія процентовъ и сношеній съ разнаго рода банками и конторами.

Массивный несгораемый шкафъ былъ запертъ и ключъ отъ него былъ найденъ у Эпштейна въ жилетномъ карманѣ. На полкахъ шкафа были аккуратно сложены деньги въ бандероляхъ, нѣсколько книгъ «дебетъ-кредитъ» и рядъ квитанцій съ векселями и обязательствами тѣхъ лицъ, которыхъ Эпштейнъ ссужалъ деньгами.

Но на письменномъ столѣ, подъ прессомъ, слѣдователь нашелъ небольшой конвертъ, который привлекъ его вниманіе.

Это было письмо изъ Вильны. Въ немъ оказался голубой листокъ съ запахомъ какихъ-то острыхъ духовъ, на которомъ мелкимъ женскимъ почеркомъ было написано: на дняхъ пріѣду, приготовьте номеръ, мужу ничего не говорите. Ваша....» и вмѣсто подписи стоялъ размашистый росчеркъ.

Слѣдователь вложилъ это письмо въ свой бумажникъ.

Однимъ изъ первыхъ онъ вызвалъ въ свою камеру Ноздринскаго, какъ ближайшаго сотрудника Эпштейна. Поставивъ ему рядъ вопросовъ по дѣлу, онъ спросилъ его: не знаетъ-ли онъ женщины, которая, вслѣдствіе романическихъ отношеній къ Эпштейну могла бы покуситься на убійство?

«Романическихъ отношеній?» хихикнулъ Ноздринскій, «вы, значитъ, совсѣмъ не знали господина Эпштейна...»

Слѣдователь досталъ изъ бумажника письмо.

«Въ такомъ случаѣ, не можете-ли вы назвать одну изъ виленскихъ дамъ, ближе другихъ знакомую съ вашимъ патрономъ?»

Ноздринскій пожалъ плечами.

«Нѣтъ, не могу, — онѣ всѣ одинаково вели съ нимъ только коммерческія дѣла»...

«И больше никакихъ?»

«Никакихъ».

Слѣдователь задумался.

«Но тогда онѣ должны были вести съ нимъ переписку, хотя бы дѣловую? Не такъ ли?» осторожно затронулъ онъ тотъ вопросъ, который въ данное время интересовалъ его больше другихъ.

«Да, конечно!» согласился Ноздринскій, «и я часто ее просматривалъ»....

«Значитъ, вамъ должны быть знакомы ихъ почерки?»

«Да. Многіе...

«А этотъ?» и слѣдователь показалъ Ноздринскому голубой листокъ.

Ноздринскій опѣшилъ. Недоумѣніе выразилось на его лицѣ и глаза забѣгали съ безпокойствомъ по сторонамъ.

«Можете ли вы назвать фамилію этой дамы, написавшей эти строки?» раздѣльно спросилъ его слѣдователь.

«Я... не знаю», волнуясь отвѣтилъ Ноздринскій. Слѣдователь приблизился къ нему вплотную.

«Теперь я требую, чтобы вы назвали ту женщину, о которой идетъ рѣчь, — иначе вы окажетесь укрывателемъ преступленія!»

Ноздринскій поблѣднѣлъ.

«Вы... ее подозрѣваете?.. Нѣтъ, — этого не можетъ быть!» проговорилъ онъ вздрагивающимъ голосомъ.

«Кто она?»

Ноздринскій окончательно растерялся.

«Это моя жена»... произнесъ онъ еле слышно.

Въ тотъ же день слѣдователь послалъ въ виленскую сыскную полицію срочную телеграмму съ запросомъ о женѣ Ноздринскаго и на другой день получилъ шифрованный отвѣтъ: «интересующая васъ особа за послѣднее время никуда изъ Вильны не выѣзжала, за отсутствіемъ мужа, секретно ночуетъ у офицера Даровскаго, подробности выясняются».

«Губернская Мессалина! И къ чему мнѣ эти подробности?..» разсердился судебный слѣдователь.

Дознаніе не давало никакихъ положительныхъ результатовъ...

XXXV

Поѣздъ приближался къ Пскову.

Самообладаніе не покидало Розу. Она въ Лугѣ выходила изъ вагона и, зайдя въ буфетъ, почувствовала такой острый приступъ голода, что сказала лакею-татарину завернуть ей въ бумагу жареннаго цыпленка и сладкихъ пирожковъ.

Вернувшись въ купэ и утоливъ голодъ, она задремала.

Голова тяжело упала на бархатную подушку, всѣ мысли разбѣжались, оставивъ въ душѣ только образы и ощущенія.

Все случившееся ясно стало передъ ея закрытыми глазами, но какъ-то все разомъ, въ одномъ мѣстѣ, въ одно и то же время....

Кабинетъ Эпштейна какъ бы находился въ маскарадномъ залѣ... Тепло топится каминъ... Она умоляетъ Эпштейна не предъявлять въ судъ княжескихъ векселей...

«Ужъ не самъ-ли князь подослалъ васъ ко мнѣ», говоритъ ей Эпштейнъ сладкимъ голосомъ и къ этому добавляетъ что-то неимовѣрно подлое...

Волна негодованія охватываетъ Розу, но она сдерживаетъ себя...

Потомъ, какъ бы самъ собой, открывается несгораемый шкафъ и Эп-

штейнъ беретъ съ полки одинъ изъ многочисленныхъ конвертовъ. Онъ захлопываетъ тяжелую дверцу и, нагло улыбаясь, кладетъ ключъ отъ шкафа въ свой жилетный карманъ.

«Вотъ это то, что васъ такъ интересуетъ», говоритъ онъ, бросая небрежно на письменный столъ конвертъ съ надписью: «князь Минскій», а теперь... вѣдь вы моя жена!»...

«Я не считаю себя вашей женой, — вы это знаете!» испуганно говоритъ Роза.

«Ахъ, не считаете?» съ угрожающимъ видомъ приближается къ ней Эпштейнъ.

«Нѣтъ»...

«Отсрочка платежей цѣной этой ночи!» говоритъ онъ ей задыхаясь, «согласны?»

«Подлецъ!..» бросаетъ ему Роза въ лицо.

«Это мое право!» съ злорадствомъ говоритъ Эпштейнъ, и стремится опрокинуть ее на диванъ.

Роза борется... Она теряетъ силы...

Неожиданно блестящій предметъ на столѣ останавливаетъ на себѣ ея вниманіе. Револьверъ!..

Она съ трудомъ освобождаетъ руку...

Выстрѣлъ!..

Эпштейнъ грузно падаетъ на коверъ... Изумленный взглядъ его мертвыхъ глазъ съ укоромъ смотритъ на нее...

Роза инстинктивно беретъ со стола конвертъ съ Сашиными векселями и быстро бросаетъ ихъ въ пылающій каминъ. Огонь съ жадностью пожираетъ ихъ...

Роза въ прихожей поспѣшно одѣвается и выбѣгаетъ на улицу.

Дальнѣйшія воспоминанія медленно покидаютъ Розу, какъ черныя тучи небесный сводъ послѣ грозы, и только, какъ легкое облако, въ эфирѣ ея мысли появляется образъ Саши...

Потомъ все разомъ исчезаетъ и тяжелый мертвый сонъ, безъ сновидѣній овладѣваетъ ею...

Наступилъ вечеръ... Поѣздъ ритмично стучалъ по рельсамъ. Въ купэ было почти темно. Роза обвела его глазами, удивляясь, что она могла такъ долго забыться сномъ... Но этотъ сонъ, она поняла, не отдѣлилъ ее отъ событій минувшей ночи! Напротивъ, — она чувствовала себя теперь еще болѣе разбитой ужасомъ сознанія. Она какъ будто только что выбѣжала изъ кабинета Эпштейна и еще ощущала въ рукѣ холодную сталь револьвера.

Она словно приглядывалась къ той страшной дѣйствительности, которую она еще не ощущала утромъ, до этого сна...

И она поняла, что только съ этой минуты пробужденія, начинается ея настоящая душевная мука...

Старый сторожъ-литовецъ, обходя утромъ паркъ въ Веркахъ, нашелъ на одной изъ дальнихъ аллей, надъ Виліей, полузамерзшую женщину.

Розѣ больше нѣкуда было идти!..

Тутъ она встрѣчалась съ Сашей, и любила, и ревновала его... Тутъ она пила полной чашей и радости жизни, и горечь разочарованій...

Отсюда она уѣхала съ нимъ въ Петербургъ...

Цѣлый день провела Роза въ сторожкѣ у сторожа. На другое утро она пришла въ мѣстный полицейскій участокъ.

«Я убила въ Петербургѣ банкира Эпштейна, — арестуйте меня!» рѣшительно заявила она изумленному приставу.

XXXVI

Божа вернулся домой вскорѣ, послѣ полудня, когда уже гарнизонные караулы прошли съ музыкой внизъ по Антоколю и только отдѣльныя ноты пѣхотнаго марша уносились въ порывахъ вѣтра, какъ эхо, далеко внизъ по замерзшей Виліѣ.

Въ антокольскомъ домѣ онъ былъ одинъ. Бабушка уже не выѣзжала изъ «Глубокаго» и Машенька поѣхала къ ней на Пасху.

Его задерживала служба.

Божа поднялся къ себѣ. На его письменномъ столѣ лежало письмо. Оно было отъ Саши.

Въ немъ Саша писалъ, что извѣстный столичный адвокатъ взялся вести дѣло Розы за большое вознагражденіе, но заранѣе предупредилъ, что «выиграть дѣло» надежды мало.

«Этотъ адвокатъ», писалъ дальше Саша, «произвелъ на меня впечатлѣніе какого то престидижитатора, жонглирующаго словами, какъ шарикомъ въ бильбокэ, и превращающаго за деньги черное въ бѣлое и наоборотъ»...

«Роза на допросахъ», продолжалъ Божа читать, «ведетъ себя странно и на всѣ вопросы отвѣчаетъ, что ничего не помнитъ... Розу хотятъ обвинить въ предумышленномъ убійствѣ и, если это будетъ такъ, то произойдетъ большая судебная ошибка»...

Его радовало то, что большинство свидѣтелей показывали противъ Эпштейна и въ этомъ отношеніи были особенно цѣнны показанія Эпштейновскаго клеврета Ноздринскаго, который на одномъ изъ допросовъ дошелъ до того, что назвалъ своего благодѣтеля грабителемъ и воромъ.

Въ постскриптумѣ Сашинаго письма была приписка, чтобы Божа поторопилъ дворянскій банкъ перевести задатки за проданный лѣсъ, чтобы уплатить гонораръ адвокату.

XXXVII

«Минула страсть, и пылъ ея тревожный
«Уже не мучитъ сердца моего,
«Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Гр. А. Толстой.

Послѣ ряда весеннихъ солнечныхъ дней, надъ Петербургомъ нависло сѣрое хмурое небо. Для Розы этотъ день не предвѣщалъ ничего хорошаго, — это былъ день, въ который ей предстояло предстать передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ убійствѣ мужа.

Ровно къ десяти часамъ утра арестантская карета подвезла ее и еще двухъ какихъ-то фальшивомонетчиковъ въ арестантскихъ халатахъ къ боковому подъѣзду огромнаго зданія окружного суда, выходившаго своимъ казеннымъ фасадомъ на Литейный проспектъ.

«Сколько разъ я тутъ беззаботно проѣзжала мимо съ Сашей!» подумал Роза, взглянувъ въ окно, медленно поднимаясь подъ конвоемъ по узкой каменной лѣстницѣ въ арестантскую комнату.

Она сѣла на деревянную скамью у окна съ желѣзной рѣшеткой и, забывшись, стала смотрѣть, какъ на противоположной сторонѣ улицы дѣти кормили изъ рукъ голубей.

«Рахиль Эпштейнъ!» неожиданно послышался громкій голосъ въ корридорѣ и Роза поняла, что ее требуютъ въ засѣданіе суда.

Она рѣшительно встала, оправила на себѣ платье (ей было разрѣшено носить свое, домашнее), провела рукой по гладко причесаннымъ волосамъ, какъ бы успокаивая себя, и вышла изъ арестантской въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ съ шашками на-голо.

Войдя въ залъ суда, она, потупившись и даже не взглянувъ на судей и на праздныхъ зрителей, собравшихся сюда, какъ на представленіе, покорно опустилась на скамью подсудимыхъ.

За длиннымъ большимъ столомъ, покрытымъ зеленой скатертью, подъ Императорскимъ портретомъ въ масивной золоченной рамѣ, въ глубокихъ креслахъ сидѣли судьи. Передъ барьеромъ, за которымъ сидѣла Роза, помѣщался ея защитникъ, и противъ нея, на возвышеніи, прокуроръ.

Защитникъ съ довольнымъ видомъ посматривалъ по сторонамъ, въ то время, когда прокуроръ съ желчнымъ лицомъ на конторкѣ перелистывалъ «дѣло».

Всѣ, какъ будто, ожидали ея появленія.

Въ залѣ послышался сдержанный шопотъ.

Судьи плотнѣе усѣлись въ кресла. Присяжные засѣдатели съ любопытствомъ смотрѣли на нее.

Начались судебныя формальности...

Все было торжественно и послѣдовательно, по строго-установленному, законному порядку.

Въ началѣ Роза внимательно наблюдала за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ судѣ, но постепенно впечатлѣнія притуплялись, она устала сосредотачиваться и робкимъ взглядомъ посмотрѣла въ залъ.

Ея большіе черные глаза, казавшіеся неестественно большими на похудѣвшемъ и блѣдномъ лицѣ, казалось, искали кого-то въ немъ...

Неожиданно, они блеснули радостью, — у правой колонны, облокотившись на нее, сидѣлъ Саша и въ его страдающемъ взорѣ Роза прочла утѣшеніе...

Онъ не подозрѣвалъ, что его спокойствіе, честь и достоинство она купила такой дорогой цѣной и не долженъ этого знать!.. И никто этого не долженъ знать и никто никогда не узнаетъ!..

Рѣчи прокурора и защитника, не понимавшихъ истиннаго мотива совершеннаго преступленія, и поэтому построенныя на ошибочныхъ началахъ, обѣ были не убѣдителы и безцвѣтны.

Роза спокойно выслушала тяжелый приговоръ, — восемь лѣтъ каторжныхъ работъ.

Въ залѣ, у правой колонны, ей почудился мучительный стонъ, похожій на рыданье, и, уже не думая о себѣ, она готова была броситься туда со словами ласки и утѣшенія...

XXXVIII

Положеніе князя Минскаго въ полку, въ которомъ онъ служилъ, и въ обществѣ стало ненормальнымъ.

Въ свѣтѣ сначала шопотомъ, «en confidence», а потомъ открыто стали говорить о томъ, что онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ домъ предварительнаго заключенія, чтобы видѣть тамъ свою «belle juive» и даже былъ послѣ суда у нея въ тюрьмѣ.

По этому поводу въ городѣ ползли самые нелѣпые слухи, прекратить которые Саша рѣшилъ своимъ переводомъ въ Сибирь.

Его отъ этого только удерживала бабушка. Но бабушка въ «Глубокомъ» тихо угасала, какъ свѣтильникъ, въ которомъ изсякло масло.

Божа писалъ, что послѣдній консиліумъ врачей пришелъ къ опредѣленному и печальному выводу, что бабушкины дни сочтены, потому что она больна той неизлѣчимой болѣзнью, — глубокой старостью, для излѣченія которой наука еще не нашла достаточныхъ средствъ.

«Бабушка ясно сознаетъ свое положеніе», писалъ Божа, «и не тревога, а тихая радость свѣтилась въ ея усталыхъ глазахъ. Она каждый день причащается на тотъ случай, если «одръ ея станетъ гробомъ». Это можетъ случиться каждый день...»

И это случилось въ одинъ изъ дней Святой Недѣли, — бабушка утромъ не проснулась...

Лѣто Саша провелъ въ «Глубокомъ» и, передавъ всѣ свои дѣла Божѣ, осенью уѣхалъ въ Иркутскъ на службу въ * сибирскій стрѣлковый полкъ.

XXXIX

«Байкальское озеро (Далай Норъ) самое обширное озеро изъ прѣсноводныхъ Стараго Свѣта, дл. 630 вер. и шир. 90 вер., отличается большой глубиной и особой прозрачностью воды.

Изъ учебника географіи.

Этотъ полкъ не весь квартировалъ въ городѣ. Одинъ его баталіонъ былъ расположенъ по южному берегу Байкальскаго озера, — двѣ роты стояли въ Мысовой, одна въ Танхоѣ и одна, та, которую принялъ въ командованіе Саша, въ Слюдянкѣ.

Это былъ небольшой рыбачій поселокъ въ ста верстахъ отъ Иркутска, что по сибирскому масштабу считается близко.

Онъ состоялъ изъ десятка деревянныхъ избъ, крытыхъ тесомъ, и цѣлымъ рядомъ разныхъ пристроекъ и клѣтей, сгрудившихся у нихъ на задахъ.

По всему было видно, что люди тутъ живутъ хозяйственно и богато.

У воды на кольяхъ сушились мережи и сѣти и цѣлый рядъ вытащенныхъ на берегъ лодокъ блестѣли смолой своихъ конопаченныхъ и просмоленныхъ днищъ.

Четыре, по-сибирски, въ лапу сложенныхъ пихтовыхъ сруба, на пригоркѣ, составляли казармы стрѣлковъ и небольшой домъ въ сторонѣ занимали офицеры.

Выше казармъ проходило шоссе, соединявшее Слюдянку съ внѣшнимъ міромъ, т. е. съ западной и восточной Сибирью и непосредственно съ Иркутскомъ и Читой.

Надъ шоссе висѣли обвѣтренные и голые утесы того горнаго массива, который, служа естественной границей, отдѣлялъ Россійскую Сибирь отъ Китайской имперіи. Онъ былъ покрытъ вѣковымъ кедровникомъ, пихтой и елью и сѣдыми мхами отъ постоянныхъ тумановъ и кочующихъ облаковъ у его вершинъ и представлялъ изъ себя вулканическій хаосъ съ огромной, бездонной щелью въ земной корѣ — Байкальскимъ озеромъ.

Онъ былъ непроходимъ, и только звѣриныя тропы вились кое-гдѣ по бурелому и надъ ними, притаившись у скалъ, зорко выслѣживала свою добычу кровожадная рысь.

Байкальское озеро со Слюдянкой — это было какъ разъ то, чего хотѣлъ Саша. Тутъ легче было сосредоточиться и придти въ себя, послѣ всего того, что было такъ недавно пережито!..

Онъ смутно ощущалъ, что съигралъ какую то роль въ Розиномъ преступленіи и не могъ понять какую именно.

Роза молчала...

Даже въ тотъ день, когда въ Петербургѣ арестантовъ партіями выводили изъ тюрьмы на пыльный и широкій дворъ, гдѣ ихъ соединяли наручниками и одѣвали кандалы, чтобы вести на желѣзную дорогу, Роза, уже въ арестантскомъ халатѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, ничего не сказала!

Такъ, неразгаданная, и ушла на каторгу!

XL

«Славное море, —
«Священный Байкалъ!
«Славный корабль, —
«Омулевая бочка!..
Пѣсня сибирскихъ каторжанъ.

Прошелъ дождь...

Тучи вылились, и на влажную землю падали ихъ послѣднія и рѣдкія капли.

Выглянувшее солнце заблестѣло на пѣнистыхъ гребняхъ волнъ и косыми лучами освѣтило горы, скалы, пропасти и высоко, высоко въ небѣ золотистую бахрому снѣговъ.

Младшіе офицеры уѣхали въ Иркутскъ и дома Саша остался одинъ.

Онъ вышелъ на крыльцо и, вдыхая полной грудью осеннюю свѣжесть, смотрѣлъ на волнующійся Байкалъ.

Вѣтеръ стихалъ...

Любуясь причудливыми переливами воды, отъ самыхъ темныхъ до изумрудно-зеленыхъ тоновъ, его взоръ остановился на какой то странной точкѣ, плававшей въ отдаленіи отъ берега. Она, то исчезала въ волнахъ, то снова появлялась.

«Странно, — что бы это могло быть?» подумалъ Саша, «рыбаки въ такую погоду не выѣзжаютъ»... и, заинтересовавшись, взялъ бинокль.

Точка оказалась человѣкомъ, плавающимъ на какомъ то обрубкѣ дерева и судорожно цѣплявшимся за него.

Саша приказалъ спустить на воду шестивесельный баркасъ. Для стрѣлковъ это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Саша сѣлъ за руль.

Дружными взмахами веселъ баркасъ оторвался отъ берега. Онъ не сразу нашелъ погибавшаго среди сѣдыхъ высокихъ волнъ.

Это былъ выбившійся изъ силъ человѣкъ, посинѣвшій отъ холода, впавшій въ какое-то тупое и безразличное состояніе, когда его извлекли изъ воды. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ говорить.

Баркасъ повернулъ къ берегу.

Спасеннаго человѣка внесли на запасную половину офицерскаго фли-

геля, гдѣ ротный фельдшеръ, уже давно не имѣвшій практики, далъ ему какихъ-то порошковъ, долго, старательно растиралъ его и, напоивъ его коньякомъ и малиной, уложилъ въ постель.

На другой день, утромъ, онъ засталъ его уже одѣтымъ, за чаемъ съ имбирными коржиками, которые ему прислалъ ротный командиръ.

«Что ощущаетъ сегодня вашъ утопавшій организамъ?» спросилъ онъ его ,потирая руки, какъ это дѣлалъ полковой врачъ.

«Я совершенно здоровъ», просто отвѣтилъ ему вчерашній паціентъ.

Несмотря на это, фельдшеръ измѣрилъ «больному» температуру, поговорилъ съ нимъ о пользѣ потогонныхъ средствъ и, сказавъ, что еще зайдетъ къ нему «на визитацію», вышелъ.

Этого, какъ будто, только и ждалъ «больной». Онъ подозрительно осмотрѣлся кругомъ и, плотно прикрывъ дверь, сбросилъ съ себя просохшій за ночь пиджакъ. Потомъ онъ быстро распоролъ подкладку и досталъ оттуда какія то бумаги, оказавшіяся еще настолько влажными, что ему пришлось ихъ разложить на поверхности горячей «голландки».

Написанное на нихъ не расплылось.

Ихъ владѣлецъ неопредѣленно улыбнулся, бережно ихъ подобралъ и, уложивъ обратно въ подкладку пиджака, принялся у окна зашивать.

Онъ все время поднималъ голову и оглядывался, какъ бы убѣждаясь въ томъ, что его никто не видитъ.

Въ дверь постучали...

Онъ быстро перекусилъ нитку, набросилъ на себя пиджакъ и открылъ дверь.

На порогѣ стоялъ Саша.

Теперь, при видѣ незнакомца, какое то смутное воспоминаніе мелькнуло у него въ умѣ.

И незнакомецъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«Гдѣ я видѣлъ его?» съ усиліемъ напрягъ Саша свою память. «Та же длинновязая фигура, та-же землистая блѣдность лица, то же подергиваніе тонкихъ губъ и бѣгающіе глаза»...

«Да это же — Макарка, оршанскій гражданинъ!» неожиданно вспомнилось Сашѣ и картина далекаго прошлаго ясно стала передъ его глазами.

Крокетъ у Виѳанскихъ, Божа, Машенька и даже оршанскія барышни припомнились ему съ необыкновенной ясностью.

«А мы съ вами встрѣчались!» съ открытой душой обратился Саша къ незнакомцу, пожимая ему руку, «вѣдь вы — Турганскій? Не правда-ли?»

Тѣнь безпокойства и растерянности скользнула по лицу Турганскаго. Но онъ быстро овладѣлъ собой и съ улыбкой, похожей на гримасу, сказалъ, что также узнаетъ князя Минскаго, чего не могъ сдѣлать вчера, находясь въ полуобморочномъ состояніи.

«Я вамъ весьма благодаренъ за мое спасеніе! Конечно... если бы не вы...» и Турганскій сложилъ нѣсколько неуклюжихъ фразъ. Вслѣдъ за этимъ, не ожидая вопросовъ, онъ торопливо разсказалъ о томъ, что служитъ на постройкѣ желѣзной дороги у Хингана и что, получивъ отпускъ, ѣдетъ въ Россію.

«На «Мысовой» у меня оказался бывшій сослуживецъ, давшій мнѣ лодку для рыбной ловли», продолжалъ, не глядя на князя, Турганскій.

«Въ такую непогоду?» удивился Саша.

«Самые храбрые люди это тѣ, которые не сознаютъ опасности, — я выѣхалъ въ озеро, не сознавая ея, мою лодку опрокинуло волной и вотъ... вы...»

Саша взялъ Турганскаго подъ руку и увелъ къ себѣ...

Турганскій торопился продолжать свой путь. Въ тотъ-же день онъ выѣхалъ изъ Слюдянки въ Иркутскъ на двуколкѣ съ артельщикомъ, ѣхавшимъ по дѣламъ роты въ штабъ полка.

Черезъ недѣлю мимо Слюдянки проѣзжалъ жандармскій ротмистръ.

Онъ разсказалъ Сашѣ о томъ, что недавно изъ далекой ссылки бѣжалъ опасный человѣкъ, принадлежащій къ той группѣ государственныхъ преступниковъ, которая, сѣя зло и ничего не создавая, все стремится разрушить для собственнаго благополучія, — къ группѣ коммунистовъ.

«По всѣмъ даннымъ», продолжалъ ротмистръ, «онъ утонулъ въ Байкалѣ, потому что все это время, на озерѣ были сильныя бури... Туда ему и дорога!.. Къ тому же, въ «Мысовой» оказалась украденной лодка, обломки которой потомъ нашли на берегу»... весело заключилъ свои слова жандармскій ротмистръ и махнулъ рукой.

Саша задумался.

«Посмотрите, что творится тамъ!»... показалъ ротмистръ въ окно.

Байкалъ съ бѣшенымъ ревомъ катилъ свои сѣдыя волны. Черныя тучи низко неслись надъ ними и разбивались о прибрежныя скалы.

Вѣтеръ стоналъ и бросалъ, какъ клочья пѣны, бѣлыхъ чаекъ далеко на берегъ.

«А какъ звали этого революціонера?» спросилъ ротмистра Саша.

«О, у этихъ негодяевъ всегда много всякихъ кличекъ и псевдонимовъ, а этотъ... по своему настоящему паспорту...» ротмистръ посмотрѣлъ въ свой блокнотъ, «оршанскій мѣщанинъ Макарій Турганскій».

XLI

Байкалъ въ 1903 году замерзъ рано и замерзъ, какъ говорятъ въ Сибири, «на-голо», т. е. морозы сковали его поверхность безъ вѣтровъ и снѣжныхъ мятелей. Получилась огромная ровная поверхность зеркальнаго льда, сквозь который, несмотря на его большую толщину (больше сажени), была видна вода. Сообщеніе по Байкалу поддерживали мощные ледоколы, принимавшіе на свои стальныя палубы желѣзнодорожные составы, — паровозы и вагоны, и перевозившіе ихъ съ одного берега на другой*).

По льду шли люди, двигались грузы, быстро неслись по всѣмъ направленіямъ сибирскія пошевни, запряженныя то парой, то тройкой дымившихся отъ мороза лошадей, и то тутъ, то тамъ мелькали бѣлые, какъ крылья, паруса скользящихъ буеровъ**).

Морозы къ Рождеству отпустили. Пошелъ снѣгъ...

Саша ждалъ гостей, — къ нему изъ Вильны должны были пріѣхать Зоричи и ему казалось, что только теперь онъ ясно понялъ, насколько они ему близки и дороги. Онъ ждалъ ихъ пріѣзда съ наростающимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ, была получена телеграмма о ихъ выѣздѣ изъ Орши.

Саша по путеводителю точно высчиталъ день ихъ пріѣзда и на небольшомъ буерѣ, съ однимъ стрѣлкомъ, лавируя парусомъ на дувшій нордвестъ, понесся въ Танхой.

Поѣздъ изъ Иркутска запоздалъ.

Приходилось ждать.

Саша, волнуясь, смотрѣлъ на часы.

Наконецъ поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи.

Саша напряженно всматривался въ прямую линію рельсъ, убѣгавшихъ вдаль и сливавшихся далеко въ морозной мглѣ...

Казалось бы, что уже время!..

Но нѣтъ, — ничего не видно на пути!..

Неожиданно онъ замѣтилъ вдали бѣлое пятно, дымъ и затѣмъ быстро выроставшую темную точку, и огромный паровозъ, замедляя ходъ, пыхтя и отдуваясь, прошелъ мимо него.

На вагонной площадкѣ Саша увидѣлъ сіяющіе глаза Машеньки, еще раньше замѣтившей его въ ожидавшей толпѣ пассажировъ.

За нею стоялъ Божа.

Саша радостно бросился къ нимъ.

---

*) Въ 1904 году, въ виду большихъ военныхъ перевозокъ, зимой желѣзная дорога была проложена прямо по льду Байкальскаго озера.

**) Буеръ — небольшая деревянная платформа, положенная на стальные полозья, съ парусами, какъ на лодкѣ.

XLII

Къ Сочельнику морозы возобновились съ новой силой.

Цельсій показывалъ 40 гр. ниже нуля. Днемъ небо было ясно, какъ голубой кристалъ, а по ночамъ, усыпанное звѣздами, казалось искрившимся въ прозрачномъ воздухѣ и игравшимъ блестками въ глубинѣ потемнѣвшаго льда.

Кругомъ была безконечно-однообразная тишина, — только изрѣдка раздавался трескъ, похожій на выстрѣлъ. Это морозъ рвалъ древесныя волокна кедровъ и пихтъ, и въ ротномъ поселкѣ весело хрустѣла подъ ногами стрѣлковъ снѣжная изморозь и слышался начальствующій баритонъ стараго фельдфебеля.

Машенька проснулась поздно....

Она сладко потянулась и осмотрѣлась.

Божа уже всталъ, — изъ столовой до ея слуха доносился его веселый смѣхъ и оживленный разговоръ съ Сашей.

Яркій солнечный свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь причудливый морозный узоръ небольшихъ оконъ.

Между оконъ помѣщался большой художественный портретъ красивой женщины. Фотографія этой женщины стояла у Саши на письменномъ столѣ.

«Роза!...» и на нее, какъ на воспоминаніе, Машенька обратила свой взоръ.

Она задумалась...

Неожиданно до ея слуха донесся со двора какой-то сердитый голосъ и Машенька, полуодѣтая, съ любопытствомъ заинтересованной женщины, подбѣжала къ окну и прильнула къ его незамерзшему краю. Стрѣлки у цейхгауза разгружали большіе сани. Рядомъ стоялъ подошедшій фельдфебель.

«Носы и щеки отморозили... Чего смотрите?» говорилъ строго фельдфебель.

Дѣйствительно, у нѣкоторыхъ стрѣлковъ носы и щеки казались бѣлыми, какъ мраморъ.

Они со смѣхомъ бросились растирать свои лица снѣгомъ.

«Мы, Иванъ Петровичъ, не примѣтили», сказалъ виновато одинъ молодой ефрейторъ, сбивая мохнатую папаху на затылокъ.

«Не примѣтили. Надо примѣчать!» и, фельдфебель, пригладивъ свою запорошенную инеемъ сѣдѣющую бороду, направился въ стрѣлковую избу.

Изъ открытыхъ дверей клубомъ пара вырвался на морозъ густой воздухъ казармы.

Машенька стала одѣваться.

«Неужели Божа пойдетъ съ Сашей въ роту и не зайдетъ ко мнѣ?» ревниво подумала Машенька въ то время, когда Божа неожиданно поцѣловалъ ее въ нѣжные завитки волосъ, сзади на шеѣ...

Машенька замерла, и цѣлое море поцѣлуевъ затопило ея грудь и открытыя плечи...

Вечеромъ, въ просторныхъ пошевняхъ всѣ поѣхали въ Иркутскъ, чтобы на другой день быть у ранней обѣдни въ монастырѣ Св. Иннокентія.

Ѣхали на Танхой и дальше по лѣвому берегу хрустальной Ангары.

Машеньку радовало все, — и чистый ясный воздухъ, и крѣпкій морозъ, и величественная панорама горъ, и быстрый бѣгъ маленькихъ забайкальскихъ лошадей, и блескъ сіяющаго льда...

Она сидѣла въ мягкомъ душистомъ сѣнѣ и, прижавшись къ Божѣ, очарованная, грезила своимъ счастьемъ...

Зоричи уѣхали изъ Слюдянки вскорѣ послѣ Крещенія.

Передъ отъѣздомъ было рѣшено, что на Пасху въ «Глубокое» пріѣдетъ Саша и Машенька уже ясно представляла себѣ картину, какъ всѣ соберутся въ монастырской церкви въ Святую Ночь...

Этотъ весенній праздникъ особенно радостно переживался въ деревнѣ среди оживавшей природы!

«А разговляться будемъ у нашихъ!.. А какіе мама куличи печетъ!» и Машенька восторженно стала высчитывать сколько недѣль осталось до Пасхи.

Божа откровенно любовался ею...

Но всему этому не суждено было исполниться, — дальнѣйшія событія политической жизни Россіи измѣнили все...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I

«Война зло, но есть несчастья худшія, — это потеря независимости и національной чести».

Поль Думеръ.

Въ основѣ всѣхъ противорѣчій между Америкой, Японіей и Англіей къ концу прошлаго столѣтія на Дальнемъ Востокѣ лежала борьба за господство на Тихомъ океанѣ между этими державами.

Хотя въ узкомъ значеніи слова тихоокеанскими державами можно было считать только Америку и Японію, но Англія также была заинтересована въ рѣшеніи тихоокеанской проблемы не меньше ихъ, въ виду близости своихъ колоній — Австраліи, Ново-Зеландіи и Индіи и опасенія за свое вліяніе въ Китаѣ. Къ началу нынѣшняго вѣка и Россія приблизилась къ Тихому океану желѣзной дорогой, — грандіозный планъ Императора Александра III, преслѣдовавшій чисто экономическія задачи и имѣвшій основную цѣль — прочно связать далекую окраину съ центромъ въ одно неразрывное и прочное цѣлое, былъ законченъ. Тихоокеанскія проблемы, какъ не касавшіяся русскихъ интересовъ, были Ему чужды и Онъ игнорировалъ ихъ.

Послѣ Его смерти Россія повела на Дальнемъ Востокѣ другую политику.

Ея положеніе съ теченіемъ времени начало усложняться...

Нависали грозовыя тучи...

Напрасно маленькая Японія взывала къ русскому великодушію, — это не помогло.

Тогда, съ отчаяніемъ безумія, поддержанная Англіей, Японія начала противъ Россіи войну.

Результаты превзошли всѣ ея ожиданія!

Русская армія оказалась разбитой въ рядѣ сраженій и весь русскій флотъ погибъ въ Цусимскомъ бою.

Когда же, къ осени 1905 года, Россія собрала въ Манчжуріи, на Сыпингайскихъ позиціяхъ, милліонную армію, могущую, безъ маневрированія, — маневрировать русскій генеральный штабъ не умѣлъ, — одной своей массой раздавить противника, — въ Портсмутѣ былъ заключенъ поспѣшный миръ, «безъ побѣдителей и побѣжденнныхъ»...

II

Уже второй годъ тянулась война...

Къ этому времени рота князя Минскаго, вышедшая изъ Слюдянки, вся перемѣнилась. Младшіе офицеры были убиты. Старикъ фельдфебель былъ смертельно раненъ осколкомъ шимозы въ животъ еще въ началѣ войны. Кадровые стрѣлки разновременно погибли въ бояхъ.

Саша былъ раненъ подъ Ляояномъ въ руку изъ пулемета, но остался въ строю, находясь подъ тѣмъ гипнозомъ массы, когда только дисциплина удерживаетъ ее отъ стремительнаго движенія впередъ, что, какъ моментъ въ настроеніи войскъ, всегда учитывалось талантливыми полководцами.

Но, вмѣсто наступленія, русская армія отошла отъ Ляояна и окопалась на новыхъ позиціяхъ.

Сибирскіе корпуса были расположены въ горахъ.

Стрѣлковый полкъ, въ которомъ Саша послѣ Ляояна командовалъ баталіономъ, занималъ позицію у деревни Кандалисанъ.

Баталіонъ висѣлъ надъ крутымъ обрывомъ рѣки, за которой виднѣлись проволочныя загражденія непріятеля и его окопы.

III

«Въ сторонѣ далекой отъ родного края
«Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,
«Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье.
«Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.

Ив. Бунинъ.

«Ваше сіятельство!» звонкимъ голосомъ обратился къ Сашѣ молодой телефонистъ, скосивъ на него глаза и держа трубку у уха, въ то время, когда Саша медленно проходилъ по дну глубокаго окопа, «васъ требуютъ къ телефону»...

Саша взялъ трубку.

Какой-то знакомый голосъ спрашивалъ, — это-ли передовая позиція? и просилъ позвать къ телефону баталіоннаго командира.

«Я — баталіонный командиръ», отвѣтилъ Саша.

«Это князь Минскій?» переспросилъ тотъ-же голосъ.

«Да».

«Это ты, Саша?» и на этотъ разъ Саша узналъ радостный голосъ Божи.

Послѣ ряда взаимныхъ торопливыхъ вопросовъ, Божа сказалъ, что

онъ командированъ изъ Вильны на войну и что онъ просился на Кандалисанскія позиціи, чтобы быть вмѣстѣ съ нимъ, съ Сашей.

«Машеньку я отвезъ въ Оршу», дополнилъ Божа, «въ «Глубокомъ» все по прежнему»...

«Ты откуда говоришь?» перебилъ его Саша.

«Изъ штаба твоего полка».

«Мнѣ бы такъ хотѣлось тебя видѣть».

«Я къ тебѣ вечеромъ пріѣду»...

«Да, да! Именно вечеромъ, послѣ захода солнца, — днемъ японцы не даютъ сообщаться!.. Ночью — другое дѣло, — къ намъ даже подъѣзжаютъ походныя кухни... Сначала японцы стрѣляли на шумъ, но теперь наши кашевары приспособились, — они обматываютъ колеса соломой и не слышно... Вотъ съ ними и пріѣзжай!»

Эту ночь Божа провелъ у Саши въ блиндажѣ

Саша съ грустью говорилъ о Розѣ.

«Не съумѣлъ сохранить!» откровенно признался онъ Божѣ, «а минувшаго не вернешь, — счастье обмануло меня», и на его глаза набѣжали невольныя слезы.

Въ небольшой желѣзной печкѣ тлѣлъ огонь. Было тепло. На походномъ столѣ кипѣлъ небольшой самоваръ.

Въ углу, на гаоляновыхъ циновкахъ, спали стрѣлки-ординарцы. Одинъ изъ нихъ бредилъ.

«Невѣсту вспоминаетъ!» указалъ на него глазами Саша.

«Откуда ты знаешь?» удивился Божа.

«Онъ мнѣ самъ говорилъ... Онъ изъ Барнаула и тамъ сосваталъ себѣ купеческую дочку... Цѣлый романъ!..» и, любовно набросивъ на ординарца съѣхавшій съ него полушубокъ, онъ пріоткрылъ дверь въ окопъ.

Все было тихо кругомъ...

Только рѣдкіе ружейные выстрѣлы прорѣзали таинственный сумракъ ночи и внизу, подъ обрывомъ сопки, ласково журчала Шахэ.

IV

«Качество арміи зависитъ отъ команднаго состава больше, чѣмъ отъ свойства ея остальной массы».

Психологія командованія

Эмиль Майеръ.

Въ серединѣ февраля 1905 года, къ западу отъ желѣзной дороги, въ непосредственной близости къ русскимъ позиціямъ у Мукдена, казаки и конные развѣдчики обнаружили двигавшіяся къ сѣверу японскія колонны.

Противникъ совершалъ смѣлый, до дерзости, фланговый маршъ для обхода мукденскихъ позицій.

Вмѣсто энергичнаго и рѣшительнаго удара, русская армія стала постепенно вытягиваться къ сѣверу, загибая флангъ.

Образовалась тонкая нитка, которая, наконецъ, у Императорскихъ могилъ порвалась.

Русская армія оказалась обойденной...

Сибирскіе корпуса на лѣвомъ флангѣ легко отбивались отъ стремительныхъ японскихъ атакъ.

Послѣ катастрофы у Мукдена имъ было приказано отходить на сѣверъ.

Съ горечью обиды оставляли сибирскіе стрѣлки свои позиціи, на которыхъ ими было проявлено столько мужества и упорства.

Пѣхота проходила Хунхэ по льду.

Для артиллеріи и обозовъ имѣлись мосты.

Сашиному баталіону было приказано занять укрѣпленный тетъ-депонъ у города Фулина и оборонять его, пока не переправится артиллерія.

Съ саперами у Фулина остался Божа.

V

Утромъ 27 февраля у тетъ-де-пона завязался бой.

Японцы сдѣлали попытку взять его съ налета, но это имъ не удалось — они были отбиты съ большими потерями.

Начала стрѣлять артиллерія.

«Все ли у тебя готово?» спросилъ Саша Божу, наблюдая въ бинокль скопленіе непріятельскихъ войскъ въ одной изъ боковыхъ лощинъ.

«Все».

«Тогда взрывай мосты!»

Этотъ короткій разговоръ происходилъ въ люнетѣ предмостной позиціи, въ которомъ Саша устроилъ для себя наблюдательный пунктъ.

Рѣзко прозвучали на рѣкѣ взрывы пироксилиновыхъ шашекъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на это японская артиллерія усилила огонь.

Тяжелый шестидюймовый снарядъ съ грохотомъ упалъ въ люнетъ. Онъ разбилъ телефонный блиндажъ и всѣ, кто въ немъ были, оказались погребенными подъ землей и подъ обломками бревенъ и досокъ. Уцѣлѣвшіе люди съ трудомъ выползали изъ этой неожиданной братской могилы.

Саша былъ задѣтъ осколкомъ...

Лѣвый рукавъ полушубка былъ порванъ и по рукѣ сочилась кровь.

Рядомъ, судорожно охвативъ голову руками, прижавшись къ вывороченной фашинѣ, полулежалъ стрѣлокъ-ординарецъ, счастливый женихъ барнаульской купчихи.

Саша поднялся къ брустверу.

Японцы!

Они уже тутъ, близко...

Уже часть ихъ ворвалась въ люнетъ, а изъ него все еще кто-то стрѣляетъ.

Кругомъ закричали «ура» и «банзай»...

Онъ вынулъ изъ кобуры тяжелый наганъ.

Кто-то пробѣжалъ мимо съ винтовкой наперевѣсъ...

Желтый околышъ... Японскій солдатъ...

Саша выстрѣлилъ... Разъ... Другой...

Слышатся всюду какіе-то гортанные выкрики и странныя командныя слова...

Къ Сашѣ уже бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, окружаютъ его... Но никто не рѣшается броситься первымъ, — въ его угрожающе-поднятой рукѣ еще дымится револьверъ!..

Саша осмотрѣлся кругомъ, и только презрѣніе выразилось въ его прищуренныхъ глазахъ...

Онъ приложилъ дуло револьвера къ виску и выстрѣлилъ...

«Русскій самурай!» сказалъ растерянно молодой японскій пѣхотинецъ.

«Да, самураи живыми никогда не сдаются!» подтвердилъ его мысль гвардейскій унтеръ-офицеръ, поспѣшно приводя въ порядокъ свою порѣдѣвшую полуроту.

Русская армія откатилась далеко на сѣверъ, къ Сыпингаю...

VI

Божа мучительно переживалъ Сашину гибель. Главное, — его томила неизвѣстность... Сколько онъ не узнавалъ про Сашу въ его баталіонѣ, никто ничего опредѣленнаго сказать не могъ, а въ приказѣ по полку было коротко сказано, что «князь Минскій, какъ пропавшій безъ вѣсти въ аріергардномъ бою у Фулипа, исключается изъ списковъ полка».

И только!.. Просто!.. До ужаса просто!..

Но не только это заставляло больно сжиматься Божино сердце, — подходилъ срокъ, когда Машенька, въ Оршѣ, должна была стать матерью, и Божа съ волненіемъ ожидалъ этого событія...

То онъ ощущалъ приливъ нѣжной радости къ будущему ребенку и какіе-то особые порывы къ новому счастью, то онъ, боясь за Машеньку, готовъ былъ отказаться отъ этого счастья...

И тогда имъ овладѣвало возмущеніе противъ всѣхъ, какъ ему казалось, несправедливыхъ законовъ природы!

Въ началѣ апрѣля Божа получилъ изъ Орши телеграмму: «поздравляемъ съ дочкой, назвали Натальей. Виѳанскіе».

И съ этого времени къ прежней мысли о Машенькѣ у Божи всегда появлялась другая, новая, — о маленькой дѣвочкѣ, его дочери...

И обѣ эти мысли были нераздѣльны!

VII

«На островъ слезъ, печали и страданій,
«Гдѣ добродѣтель спитъ и бодрствуетъ порокъ,
«Смѣясь надъ совѣстью и страхомъ наказанія,
«Влечетъ людей неумолимый рокъ.

«Сахалинъ». **В. Пулевичъ.**

«Чтобы имѣть ясное представленіе о мѣстонахожденіи и размѣрахъ этого острова, вообразимъ себѣ полосу земли шириной 200-300 верстъ, тянущуюся по меридіану отъ Смоленска черезъ Кіевъ до Одессы, т. е. на 900 верстъ.

Мысленно передвинемъ эту полосу по тѣмъ же параллелямъ сѣверной широты на востокъ за Уралъ и черезъ всю Сибирь на 10.000 верстъ и столкнемъ ее съ восточнаго берега азіатскаго материка въ Тихій океанъ. Полученный островъ и будетъ «Сахалинъ», по размѣрамъ равный Италіи.

Отъ береговъ Сибири его отдѣляетъ морская промоина въ 12 верстъ — проливъ Невельскаго, который къ сѣверу и югу рѣзко расширяется (до 100 верстъ), соединяя Охотслое море съ Японскимъ и нося общее названіе — Татарскій проливъ.

«Сахалинъ». **В. Пулевичъ.**

Бѣдна и жалка сахалинская природа на сѣверѣ...

Низкорослыя рѣдкія березы, чахлый ивовый кустарникъ, мхи-лишайники и кочковатыя брусничныя болота...

Тундра!..

Но чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ растительность гуще и величественнѣе...

Громадныя сосны, ели, пихты и лиственницы простираютъ далеко въ высь свои вершины, а внизу вѣковой буреломъ, дѣлаетъ непроходимой и

дикой необъятную сибирскую тайгу, въ глубинѣ которой еще никогда не ступала нога человѣка и только по краю ея охотники-тунгузы и айны, рискуя жизнью, караулятъ съ примитивнымъ ружьемъ богатую «пушнину», главнымъ образомъ, — соболей.

Сахалинъ, — это мѣсто ссылки тяжкихъ преступниковъ, — порочный, каторжный, проклятый островъ!..

Сахалинъ, — это мѣсто печали, слезъ и безнадежнаго отчаянія!..

Съ началомъ Русско-Японской войны всѣ сахалинскіе каторжные арестанты, способные носить оружіе, были раздѣлены на дружины и было приступлено къ обученію ихъ военному дѣлу.

Только тѣ изъ нихъ, которые окончательно потеряли человѣческій обликъ, — люди-звѣри, остались по прежнему въ глубинѣ своихъ тюремныхъ камеръ, прикованными къ своимъ тачкамъ.

Сахалинъ ожидалъ японцевъ и, дѣйствительно, 24 іюня 1905 года, на разсвѣтѣ, на далекомъ горизонтѣ еще не проснувшагося моря, въ виду поста Корсаковскаго, появилась японская эскадра.

Къ вечеру того же дня она высадила на берегъ дессантъ, — бригаду пѣхоты съ артиллеріей.

Дружины при этомъ оказали дессанту упорное сопротивленіе, но, уступая силѣ, принуждены были отойти вглубь острова.

Началась безпощадная и жестокая партизанская война.

VIII

«Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ, «будетъ приступъ».
«Капитанская дочка».
А. Пушкинъ.

«Дружина штабсъ-капитана Грото-Слѣпиковскаго окопалось у озера Тунайчи».
Изъ очерка «Сахалинъ» въ 1904-1905 гг.
В. Пулевичъ.

Засыпаетъ Тунайчинскій редутъ бѣглый огонь японской артиллеріи.

Съ металлическимъ звономъ рвутся безчисленныя шимозы, поднимая черные столбы ѣдкаго дыма, и бѣлыми облачками рвутся въ небѣ шрапнели.

Отъ редута уже ничего не осталось.

Весь онъ заваленъ убитыми и искалѣченными дружинниками.

Немногочисленные защитники, оставшіеся въ живыхъ, жмутся къ брустверу.

Уйти нѣкуда, — всюду царитъ страшная смерть!..

Молодая каторжанка по временамъ поднимаетъ изъ за закрытія свою красивую голову и пристально всматривается вдаль. Ея черные глаза выражаютъ скорѣе любопытство, чѣмъ страхъ, но близкіе разрывы шимозъ заставляютъ ее вздрагивать, и она тогда съ безпокойствомъ смотритъ, какъ ихъ осколки съ отвратительнымъ визгомъ разлетаются во всѣ стороны. Временами ея взоръ принимаетъ какое-то особенное выраженіе радости и мира и видно, что въ эти минуты она мыслями не здѣсь!..

Ея глаза полузакрыты, по лицу скользитъ улыбка и вся она, въ патронташахъ, съ винтовкой въ рукахъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ кровавой обстановкѣ происходящаго боя.

Роза мало измѣнилась.

Каторга не наложила на нее своей безобразной печати.

Также черные волосы обрамляютъ ея матовое лицо. Также красиво очерчены ея губы. Также замѣчательны ея большіе глубокіе глаза!

Что выражаютъ они теперь? Грезятся-ли ей какія нибудь видѣнія? Что таится въ ея мятежной душѣ, — высокіе ли помыслы о неземномъ или грѣшныя мысли страстной женщины о чувственной любви?

Ея мысли въ прошломъ!..

Онѣ такъ овладѣли ею, что она даже не замѣчаетъ, какъ весь редутъ внезапно ожилъ, послышались командныя слова и тучи пуль полетѣли навстрѣчу японскимъ цѣпямъ.

Цѣпь за цѣпью, какъ волны въ морскомъ прибоѣ, приблизились японцы къ редуту и девятымъ валомъ нахлынули на него.

Роза вбѣжала на брустверъ.

Блѣдная, съ горящими глазами, прекрасная въ своемъ экстазѣ, она бросила въ нихъ ручную гранату.

Уже карабкавшіеся, какъ муравьи, на обрушенный эскарпъ, японскіе пѣхотинцы скатились обратно.

Роза съ отчаянной рѣшимостью выбѣжала впередъ.

Японскій офицеръ, торопливо, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера...

Промахнулся...

Пробѣгавшій мимо солдатъ съ обезумѣвшими, широко открытыми глазами, оглушилъ ее ударомъ приклада и побѣжалъ дальше, крича «банзай!»...

IX

Южный Сахалинъ кипѣлъ...

Всѣ его дружины были въ огнѣ...

Послѣ ряда кровопролитныхъ схватокъ и большихъ потерь, дружина полковника Арцишевскаго, была настигнута японцами въ тайгѣ, въ верховьяхъ рѣки Сысуи, за с. Дальнимъ, и захвачена въ плѣнъ.

Безъ вѣсти пропалъ съ частью своей дружины поручикъ Мордвиновъ, пробиравшійся на сѣверъ тайгой съ отрѣзаннаго японцами Крильонскаго маяка.

Послѣ двухмѣсячнаго скитанія по тайгѣ и упорнаго сопротивленія, была уничтожена вмѣстѣ со своимъ командиромъ вся дружина штабсъ-капитана Даирскаго, первоначально находившаяся въ с. Петропавловскомъ, на р. Лютогѣ. Отойдя отъ с. Найбучи къ верховьямъ рѣки Найбы, капитанъ Быковъ дважды нанесъ пораженіе преслѣдовавшимъ его японцамъ и, наконецъ, проскользнулъ тайгой на восточный берегъ Средняго Сахалина. Сотни верстъ плылъ онъ на лодкахъ съ дружиной вдоль восточнаго берега на сѣверъ, питаясь съ рыбой. Противъ устья Амура онъ вывелъ дружину тайгой на западный берегъ, и подобранный нашими транспортами, только въ концѣ августа прибылъ въ крѣпость Николаевскъ на Амурѣ.

Штабсъ-капитанъ Грото-Слѣпиковскій со своей дружиной, съ появленіемъ противника, отошелъ изъ с. Чиписань, находившагося на берегу Анива, на сѣверо-востокъ, къ озеру Тунайчи, гдѣ имъ былъ завлаговременно въ глухой тайгѣ построенъ редутъ и устроенъ складъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ.

Полтора мѣсяца онъ отсюда безпокоилъ японцевъ, нападая на ихъ склады, транспорты и мелкіе отряды и патрули. Наконецъ японцы выслѣдили его.

Рота японцевъ съ пулеметами достигла укрѣпленія и атаковала его. Японцы нѣсколько разъ бросались въ штыки, но были отбиты.

Наконецъ, самъ Грото-Слѣпиковскій въ переломѣ боя перешелъ въ наступленіе и вынудилъ японцевъ отойти.

Задерживаться послѣ этого въ укрѣпленіи было неблагоразумно.

Поэтому Грото-Слѣпиковскій рѣшилъ отойти на сѣверъ къ с. Найбучи на соединеніе съ первоначально находившейся тамъ дружиной капитана Быкова.

Съ цѣлью войти съ нимъ въ связь, Грото-Слѣпиковскій выслалъ развѣдку и сталъ готовиться къ походу. Но черезъ 3 дня японцы уже вновь

неожиданно появились передъ укрѣпленіемъ. На этотъ разъ ихъ было двѣ роты съ горной артиллеріей. Артиллерія стала осыпать укрѣпленіе шрапнелью и гранатами, и пѣхота повела энергичную атаку съ трехъ сторонъ (съ четвертой было озеро).

Кругомъ глухая, безлюдная, дикая тайга... Патроны на исходѣ... Гарнизонъ —горсть истомленныхъ боями людей... Но личнымъ примѣромъ Грото-Слѣпиковскій воодушевляетъ своихъ каторжниковъ. Его высокая, худощавая фигура появляется въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Обросшее русой бородой лицо дышетъ отвагой, голосъ звучитъ то словами одобренія, то команды.

Ряды его дружины рѣдѣютъ. Остается не болѣе половины.

Японцы совсѣмъ близко.

Громовое «банзай» и они бросаются въ штыки.

Въ это мгновеніе артиллерійскій снарядъ поражаетъ на смерть Грото-Слѣпиковскаго и затѣмъ японцы врываются въ редутъ.

Оставшійся въ живыхъ прапорщикъ Горевскій съ остатками дружины захватывается въ плѣнъ.

X

«... Мечты мои бѣжали,
«Мои глаза раскрылись отъ волненія
«И я читалъ на призрачной скрижали
«Мои слова, дѣла и преступленія.

Гумилевъ.

Послѣ ряда скитаній по карантинамъ Хирошимы и разнымъ этапамъ, Роза оказалась въ общежитіи сестеръ милосердія небольшого японскаго городка Ундая, куда японскій транспортъ привезъ въ госпиталя раненыхъ съ Сахалина и гдѣ уже лежали многіе русскіе изъ Портъ-Артура, изъ Мукдена и моряки, послѣ Цусимскаго боя.

Обстановка комнаты, въ которую ее помѣстили была совсѣмъ особенная, — небольшая и низкая, она имѣла стеклянныя рѣшетчатыя стѣны съ наклеенной на нихъ бумагой, вмѣсто дверей — драпри съ изображеніемъ какихъ-то странныхъ птицъ и растеній, вмѣсто стульевъ на полу лежали подушки.

Сестры отнеслись къ Розѣ съ нѣжнымъ вниманіемъ...

Она часами сидѣла въ маленькомъ садикѣ подъ пушистыми мимозами и подъ назойливую трескотню цикадъ прислушивалась къ рокоту морского

прибоя, стараясь найти отвѣтъ на мучившіе ее вопросы: «гдѣ Саша и что съ нимъ?»

Но тихоокеанскія волны были нѣмы и не давали отвѣта!

Она получила его самымъ неожиданнымъ образомъ...

Въ Ундаѣ было нѣсколько раненыхъ сибирскихъ стрѣлковъ.

Одинъ изъ нихъ, худой и блѣдный, съ забинтованной головой, какъ-то подошелъ къ ней, когда она сидѣла у моря и грустно смотрѣла на далекій горизонтъ. Они разговорились...

Онъ ей довѣрчиво разсказалъ о себѣ, родныхъ и о томъ, что въ его родномъ городѣ Барнаулѣ его ожидаетъ невѣста. Онъ восторженно говорилъ о ней.

Дальше выяснилось, что этотъ стрѣлокъ того же полка, что и Саша, и былъ съ нимъ въ одномъ и томъ-же бою у Фулина.

И стрѣлокъ разсказалъ Розѣ о его гибели.

«Такой онъ ужъ былъ правильный офицеръ, плѣна совѣстился», объяснилъ стрѣлокъ Сашинъ поступокъ. «И душевный былъ командиръ, — я его еще со Слюдянки зналъ», добавилъ онъ, не понимая Розиныхъ переживаній.

Роза не повѣрила стрѣлку, — не могла повѣрить! Два другихъ стрѣлка подтвердили его слова...

XI

Наступили ненастные осенніе дни... Море непрестанно бушевало, дулъ тайфунъ и шли дожди.

Роза уже не сидѣла въ саду и поневолѣ проводила время въ сестринскомъ баракѣ, жалобно стонавшемъ при порывахъ вѣтра. Сибирскій стрѣлокъ, какъ выздоровѣвшій, былъ отправленъ въ лагерь военно-плѣнныхъ, вглубь острова, и Роза не могла слушать его много разъ повторявшихся и неприхотливыхъ разсказовъ о Сашиной жизни въ Слюдянкѣ и на войнѣ.

Изъ англійскихъ газетъ она знала, что въ Портсмутѣ подписанъ мирный договоръ и что въ Іокогаму прибыла русская комиссія для эвакуаціи плѣнныхъ.

«Вотъ и снова каторга! А впрочемъ, не все ли это равно?» сама себѣ задала вопросъ Роза и какое то новое ощущеніе полной безнадежности и безразличія къ жизни овладѣло ею.

Какъ то на ея имя пришелъ пакетъ изъ Токіо.

На пакетѣ стоялъ штемпель русскаго консульства.

«Чтобы въ немъ могло быть?» удивилась Роза, «и что мнѣ можетъ писать консулъ? Непонятно...»

Она вскрыла конвертъ и нашла въ его глубинѣ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что на нее, какъ на каторжанку, защищавшую Сахалинъ отъ вторженія непріятеля, съ оружіемъ въ рукахъ, и за оказанныя ею при этомъ мужество и храбрость, распространена (тутъ слѣдовалъ рядъ статей законовъ, положеній и разъясненій Сената), полная амнистія, съ правомъ избрать себѣ въ Имперіи постоянное мѣстожительство».

Роза не сразу поняла значеніе этой консульской бумаги.

Да, — отнынѣ она свободна...

Она можетъ ѣхать въ Россію...

Сахалинъ остался далеко позади, какъ кошмарный сонъ!..

«Для чего мнѣ все это теперь, безъ Саши?» подумала она съ тоской и даже не отвѣтила консулу.

XII

«Не знаете ли вы кого либо изъ нашихъ военно-плѣнныхъ, говорящихъ по англійски?» спросилъ Божа морского прапорщика Горевскаго, взятаго японцами въ плѣнъ на Сахалинѣ и служившаго до войны во Владивостокѣ въ универсальномъ американскомъ магазинѣ «Кунстъ и Альберсъ».

«Была у насъ въ дружинѣ одна каторжанка»...

«А гдѣ она теперь?»

«Не знаю...»

«Посмотрите по спискамъ».

Горевскій досталъ съ полки нѣсколько тяжелыхъ книгъ.

«Она въ Ундаѣ», доложилъ онъ, перелиставъ одну изъ нихъ.

«Выпишите ее».

«Есть!..»

Этотъ короткій разговоръ происходилъ въ морской казармѣ въ Іокогамѣ, гдѣ японцы отвели помѣщеніе для русской комиссіи генерала Данилова, прибывшей изъ дѣйствующей арміи для обмѣна плѣнныхъ.

Прошло нѣсколько дней.

Послѣ душной ночи, которую Божа провелъ въ работѣ, составляя очереди отъѣзжающихъ и разбирая тысячи прошеній стремившихся уѣхать изъ плѣна раньше другихъ, онъ прошелъ въ казарму.

Тамъ никого не было.

Онъ закурилъ свою пѣнковую трубку и, попыхивая ею, промѣрилъ нѣсколько разъ казарму въ длину.

Въ узкія, какъ щели, казарменныя окна виднѣлся Іокогамскій портъ, надъ которымъ живописнымъ амфитеатромъ въ утреннемъ туманѣ раскинулся еще не совсѣмъ проснувшійся городъ. Далекое море казалось гладкимъ и только мелкая зыбь въ гавани, гдѣ стояли пришвартовавшись у мола, среди другихъ иностранныхъ судовъ, русскіе транспорты, рябила зеленую воду и мягко покачивала стоявшія въ сторонѣ отъ пароходовъ на якоряхъ парусныя китайскія джонки.

Отъ продолжительной нервной работы Божа усталъ.

Онъ подсѣлъ къ окну и облокотился на столъ...

И неожиданно въ прозрачной дымкѣ тумана Японскаго моря ему представилась родная Шумадія и картины далекаго дѣтства...

Онъ, — Божа, маленькій мальчикъ...

Съ нѣжнымъ трепетомъ маленькаго сердца онъ вспоминаетъ свою мать и плачетъ на ея могилѣ на холмѣ надъ Моравой горькими, недѣтскими слезами.

Онъ знаетъ, что ее убили турки, потому что она понравилась какому то важному «вали», который ее смертельно обидѣлъ, и она его за это заколола кинжаломъ.

Отецъ Божи былъ партизаномъ въ Боснѣ.

Въ бою у Аовы старый Святославъ Зоричъ былъ раненъ и впослѣдствіи погибъ въ отрядѣ русскаго генерала Черняева въ сраженіи подъ Алексинцемъ.

Старый Зоричъ былъ герой, «юнакъ». Онъ всю свою жизнь воевалъ съ турками за свободу. Всѣ съ гордостью произносятъ его имя! Маленькій Божа гордится имъ и вся его дѣтская фантазія не идетъ дальше того, чтобы быть на него похожимъ! Но въ Шумидіи турокъ больше нѣтъ и Божѣ не съ кѣмъ воевать!..

Только народное преданіе сохраняетъ въ памяти потомства воспоминаніе о ихъ кровавомъ владычествѣ и старая подслѣповатая и глухая тетка, съ которой онъ живетъ въ домикѣ, у ручья, всегда пугаетъ его, когда онъ, не слушаясь, убѣгаетъ далеко, въ лѣсъ, что «его тамъ схватитъ злой турецкій паша и посадитъ на колъ».

Но Божа только смѣется въ отвѣтъ, — турецкіе паши больше не страшны...

Дальше Божины мысли переносятся въ школу.

Онъ вспоминаетъ большое четырехугольное зданіе съ выступами крыши и съ балконами въ восточномъ вкусѣ по двумъ фасадамъ и чудесные разсказы священника, только недавно вернувшагося изъ Россіи.

Пытливый дѣтскій умъ при всемъ своемъ воображеніи не въ состояніи обнять мыслію всего того, что такъ увлекательно разсказываетъ «попа» объ этой огромной странѣ, населенной братскимъ народомъ, въ которомъ од-

нихъ солдатъ больше, чѣмъ всѣхъ людей въ Сербіи, и въ которой, если на одномъ краѣ день, на другомъ — ночь...

Божа этого не можетъ понять, и разсказы священника представляются ему какой-то волшебной и непонятной сказкой!

«Вотъ бы побывать въ Россіи!.. Посмотрѣть!»... мечтаетъ онъ вслухъ, вперивъ восторженный взоръ на священника, стараясь не пропустить ни одного слова изъ его удивительнаго разсказа.

И Божины мечтанія исполнились...

Добрый священникъ написалъ въ Россію письмо и вскорѣ ему въ отвѣтъ пришла бумага «съ русскимъ орломъ и печатями», что Божа опредѣляется въ корпусъ.

Какъ онъ былъ счастливъ!.. И какъ потомъ мучительно сжалось его сердце, когда арба на волахъ, на которой онъ ѣхалъ съ какимъ-то «чичей» въ Бѣлградъ, переѣзжала вбродъ обмелѣвшую Мораву и склоны холмовъ скрыли отъ его взоровъ кладбище съ могилой матери.

Онъ уткнулся головой въ душистое сѣно и отъ горя и отчаянія не могъ даже плакать!..

А скрипучая арба увозила его все дальше и дальше отъ родныхъ мѣстъ.

. . . .

Скрипнула дверь...

Божа очнулся...

Что это?..

Сонъ продолжается?.. Арба скрипитъ?

Нѣтъ!..

Передъ нимъ была Роза...

Когда прапорщикъ Горевскій вошелъ въ канцелярію, онъ отъ удивленія остановился у дверей, — его начальникъ стоялъ у кресла, въ которомъ сидѣла каторжанка Роза, и плакала и смѣялась въ одно и то же время.

«Правда?.. Саша живъ?.. Гдѣ онъ? Онъ не умеръ?..» повторяла она внѣ себя, прерывающимся голосомъ.

«Нѣтъ, нѣтъ... Успокойтесь, ради Бога!..»

И, обернувшись къ Горевскому, начальникъ попросилъ его принести изъ аптеки успокоительныхъ капель.

XIII

... Саша очнулся на ступенькѣ бруствера...

Кругомъ слышались незнакомыя командныя слова...

Бѣжали люди...

Послѣ того, какъ онъ, приложивъ дуло револьвера къ виску и ощутивъ его холодную сталь, выстрѣлилъ въ себя, — все должно было исчезнуть! Но не исчезло!

Что-жъ это значитъ? Онъ живъ?

Вѣдь онъ даже слышалъ у уха рѣзкій звукъ оглушительнаго выстрѣла.

Но онъ тутъ же съ отчаяніемъ вспомнилъ, что въ моментъ спуска курка кто-то, пробѣгая мимо, толкнулъ его.

Онъ понялъ, что выстрѣлъ былъ неудачный и онъ только ранилъ себя.

«Позоръ плѣна!», прорѣзала мозгъ острая мысль, «какой ужасъ!», и онъ впалъ въ забытье.

На китайскихъ джонкахъ, по Хунхэ, японскіе санитары перевезли всѣхъ раненыхъ, и своихъ, и чужихъ, въ Мукденъ, въ походный лазаретъ.

Тамъ Саша началъ медленно выздоравливать...

Его должны были перевезти въ Японію, но все откладывали, чтобы везти его съ послѣдней партіей, пока онъ не наберется силъ.

Но Саша не этого хотѣлъ! Онъ все время симулировалъ слабость, оттягивая отъѣздъ...

Въ одну изъ темныхъ ночей новолунія, воспользовавшись слабымъ надзоромъ, онъ изъ лазарета бѣжалъ.

Это было тѣмъ легче сдѣлать, что къ этому времени, вслѣдъ за японскими передовыми частями и всѣ тыловыя учрежденія перешли въ раіонъ Куанчендзы — Тѣлинъ, и тылъ въ Мукденѣ опустѣлъ. Кромѣ госпиталей въ немъ уже ничего не оставалось.

Въ первую же ночь, двигаясь прямо на западъ, чтобы скорѣе выйти изъ военной зоны, Саша достигъ Ляохэ.

День онъ провелъ въ камышахъ.

Въ ихъ глубинѣ онъ набрелъ на результатъ какой то тутъ бывшей стычки, — на небольшой полянѣ лежало нѣсколько обглоданныхъ шакалами человѣческихъ скелетовъ. По обрывкамъ одежды, Саша въ нихъ легко опредѣлилъ японскихъ пѣхотинцевъ и забайкальскихъ казаковъ.

«Должно быть, нашъ казачій разъѣздъ наткнулся на японскій патруль», подумалъ Саша, снимая съ одного скелета винтовку и патронташъ, набитый патронами, въ то время, когда тяжелая казачья шашка была крѣпко за-

жата въ кисти руки. Въ сторонѣ отъ людей лежалъ конскій скелетъ. Въ его офицерскомъ сѣдлѣ Саша нашелъ небольшую коробку печеній «Эйнемъ» и флягу съ виномъ. Этимъ Саша пополнилъ свой скудный запасъ продовольствія, который онъ такъ настойчиво и незамѣтно копилъ въ лазаретѣ.

Эта «счастливая встрѣча» окрылила Сашу надеждами...

Вторую ночь Саша снова двигался камышами, неоднократно спугивая шакаловъ и мелкихъ прирѣчныхъ волковъ, и только на третью ночь рѣшилъ оторваться отъ рѣки и двинуться краемъ пустыни Гоби, прямо на сѣверъ, по Полярной звѣздѣ.

На пятые сутки Саша увидѣлъ первыя кочевья монголовъ.

Монголы встрѣтили русскаго офицера (хотя въ Сашиномъ обличьи было мало офицерскаго) съ должнымъ почтеніемъ и съ этого времени Саша непрестанно двигался на сѣверо-западъ, отъ кочевья къ кочевью, то пѣшимъ, то коннымъ, къ далекой русской границѣ.

Наконецъ, онъ достигъ верховьевъ Сунгари. Тутъ уже замѣтно чувствовалось русское вліяніе. Попадались русскіе поселки. Шла незамысловатая мѣновая торговля.

Только черезъ три мѣсяца послѣ побѣга, Саша, сдѣлавъ болѣе тысячи верстъ пути, вышелъ на великій сибирскій путь у разъѣзда «Акша», недалеко отъ пограничнаго столба «Россія — Китай», — и черезъ недѣлю былъ уже въ своемъ полку, на Сыпингайской позиціи.

XIV

«Года прошли....
«Но ты, попрежнему, все та же!

Л. Мей.

Послѣ заключенія мира, Саша предполагалъ оставить военную службу.

Онъ мечталъ поселиться въ «Глубокомъ», чтобы тамъ заняться сельскимъ хозяйствомъ и отдохнуть. Но, на пути въ Россіи, его въ Харбинѣ задержала срочная телеграмма изъ Іокогамы: « Have met Rosa, che is pardoned for her heroic conduct of Sakhalin happy to know you safè. Boja »

Саша отправилъ Божѣ отвѣтную телеграмму: «сегодня же выѣзжаю въ Іокогаму», и, дѣйствительно, въ тотъ же день выѣхалъ сибирскимъ экспрессомъ во Владивостокъ, чтобы тамъ сѣсть на одинъ изъ пассажирскихъ пароходовъ, уже совершавшихъ къ этому времени съ Нагасаки правильные рейсы, — какъ до войны.

---

*) Встрѣтилъ Розу, за военные подвиги на Сахалинѣ она амнистирована, счастлива, что ты невредимъ. Божа.

Кто бывалъ въ Іокогамѣ, тотъ долженъ помнить чайный домикъ, на горѣ, подъ названіемъ «Сто и одна добродѣтель», въ которомъ до поздней ночи звучалъ монотонный двуструнный самсинъ и танцовали свои незатѣйливые танцы граціозныя гейши.

Но дальше его мало кто бывалъ...

А, между тѣмъ, отъ этого чайнаго домика тянулась вглубь острова аллея золотистыхъ мимозъ и, если пройти по ней одинъ-два километра, то въ глубинѣ небольшого сада, виднѣлась направо изящная православная церковь-часовня, правда, больше похожая на буддійскую молельню, чѣмъ на часовню, если бы на ней не было восьмиконечнаго креста.

Въ этой церкви-часовнѣ, въ одинъ изъ дней конца ноября, православный японскій священникъ обвѣнчалъ Сашу и Розу.

XV

«И нашедши корабль, идущій въ Финикію, взошли на него и отплыли».

Дѣян. Св. Ап. 21, 2.

Послѣ свадьбы молодые рѣшили ѣхать въ Глубокое не черезъ Сибирь, а морскимъ путемъ.

Для этого нужно было проплыть изъ Іокогамы въ Шанхай или Кіао-Чао, откуда нѣмецкіе пароходы отходили въ Гамбургъ.

«Весь медовый мѣсяцъ проведете въ кругосвѣтномъ путешествіи, въ морѣ», говорилъ Божа, котораго одолѣвали какія-то непонятныя и смутныя предчувствія, «не лучше ли ѣхать по сибирскому пути... И ближе, и скорѣе... Вѣдь иначе вы только къ Новому Году попадете домой!..»

«И отлично, — мы какъ разъ начнемъ нашу новую жизнь съ Новаго Года, въ Глубокомъ!» весело говорилъ Саша, любовно цѣлуя жену.

День отъѣзда выдался сѣрый... Тянулись по небу низкія тучи и море было безъ движенія, гладкое и неподвижное, какъ старое потускнѣвшее зеркало.

Въ гавани съ трудомъ можно было различить высокій корпусъ «Тамбова», уже готоваго къ отходу во Владивостокъ. Дымъ изъ его высокихъ трубъ прижимался и стлался по водѣ. Море было непривѣтливо.

У мола стоялъ, пришвартовавшись, небольшой японскій пароходъ, отходившій въ Шанхай, съ заходомъ въ Портъ-Артуръ и въ Дальній, уже переименованный въ «Дайренъ».

Подъемные краны опускали въ глубокіе пароходные трюмы послѣдніе ящики оружія съ большими заводскими клеймами, когда Саша съ Розой и Божа пріѣхали на пристань. Скрипѣли цѣпи, визжали лебедки и съ парохода неслись на берегъ гортанные выкрики интернаціональныхъ «майна» и «вира».

Саша съ Розой поднялись по трапу на пароходъ. Послѣ третьяго гудка, пароходъ поднялъ якоря, отшвартовался и, плавно развернувшись, вышелъ въ море. Онъ еще долго, то скрывался въ обрывкахъ тумана, то показывался неясными контурами, пока окончательно не скрылся изъ глазъ.

Божа еще долго стоялъ на берегу, — на сердцѣ у него было неспокойно...

На разсвѣтѣ второго дня на горизонтѣ показались горы Ляоташаня. Пароходъ медлено шелъ внѣшнимъ Портъ-Артурскимъ рейдомъ, когда подъ нимъ раздался оглушительный взрывъ.

Все, что произошло потомъ, было такъ стремительно быстро, что зрительные нервы не успѣвали передавать свои впечатлѣнія мозгу и наблюдатели, стоявшіе на береговыхъ постахъ и смотрѣвшіе въ море въ подзорныя трубы, даже много времени спустя, не могли себѣ ясно представить послѣдовательность той страшной картины, которая такъ неожиданно развернулась передъ ихъ глазами на рейдѣ.

Опрокинутыя трубы, пароходные винты надъ водой, коричневое дно и вертикально-темный бортъ, падающія мачты, прозрачныя облака бѣлаго пара и вмѣстѣ черный угольный дымъ и на мгновнеіе показавшійся киль, —и все это въ одну минуту исчезло подъ водой!.. Исчезло, какъ исчезаетъ миражъ въ песчаной пустынѣ, опережая мысль... Парохода, какъ будто никогда въ морѣ и не было! Только расходились кругами отъ мѣста взрыва невысокія волны и безпомощно барахтались въ водѣ, среди плавающихъ· обломковъ, случайно не увлеченные въ морскую пучину отдѣльные люди.

Съ береговой косы ихъ бросились спасать катера и баркасы.

Но Саши съ Розой они не спасли...

Море черезъ день вернуло ихъ мертвыми, — на каменистой отмели, на пустынномъ Портъ-Артурскомъ берегу, они лежали рядомъ.

Роза обвила шею Саши руками. На ея лицѣ застыла та улыбка счастья ,которая дѣлала ее всегда такой красивой.

Послѣ происшедшей катастрофы, Печилійскій заливъ былъ объявленъ неблагополучнымъ для мореплаванія. Нѣсколько русскихъ и японскихъ минъ, сорвавшихся съ якорей, плавали по заливу по волѣ волнъ. Одна изъ такихъ «невольныхъ странницъ» и была причиной гибели японскаго парохода, шедшаго первымъ рейсомъ, послѣ войны, изъ Іокогамы въ Шанхай.

Напрасно одряхлѣвшій, но все еще бодрящійся старикъ Никифоръ, въ полинялομъ кафтанѣ съ позументами, пахнувшемъ нафталиномъ и камфорой, и дворовые люди ожидали своихъ князя и княгиню въ усадьбу Глубокаго, чтобы осыпать ихъ, молодыхъ, при встрѣчѣ, по русскому обычаю, хмелемъ, — они не пріѣхали...

«Пути Господни неисповѣдимы и непостижимы судьбы Его», объяснилъ роковую катастрофу словами Св. Евангелія рыдающій о. Павелъ, на панихидѣ, съ амвона монастырскаго храма.

XVI

1905 годъ...

Политическія событія и неудачи войны оставили послѣ себя въ Россіи тяжелое наслѣдіе.

Оскорбленная народная гордость искала виновныхъ...

Народъ волновался.

На почвѣ народнаго недовольства развилась революціонная пропаганда.

Броженіе вылилось въ рядѣ вооруженныхъ возстаній и въ аграрныхъ безпорядкахъ, заревомъ пожаровъ пронесшихся по всему необъятному пространству Россіи.

Но нашлись сильные люди...

Они рѣшительными мѣрами прекратили безпорядки... Началось медленное выздоровленіе...

Война въ далекой Манчжуріи забывалась...

Вскорѣ послѣ того, какъ Божа, послѣ войны, вернулся въ Вильну, гдѣ его ожидала Машенька съ маленькой дочкой, и жизнь, послѣ минувшей бури, стала постепенно входить въ свое размѣренное русло, Божа неожиданно получилъ изъ мѣстнаго окружного суда повѣстку, приглашавшую его «пожаловать въ нотаріальную часть онаго суда по дѣлу наслѣдства».

«У меня нѣтъ никакихъ американскихъ дядюшекъ и поэтому не можетъ быть наслѣдства», шутилъ Божа, откладывая посѣщеніе нотаріальной части суда со дня на день.

Наконецъ, получилась повторная повѣстка.

Надо было идти...

Каково же было его удивленіе, когда старшій нотаріусъ прочелъ ему Сашино духовное завѣщаніе, составленное въ Иркутскѣ, наканунѣ похода на войну, въ которомъ было сказано словами оффиціальнаго документа, что онъ, Саша, на случай своей смерти, завѣщаетъ всю пахоту и лѣса «Глубо-

каго» крестьянамъ того же села, а помѣщичью усадьбу съ прилегающей къ ней землей и лугами по Днѣпру «своему любезному другу Божидару Зоричу въ полное и безраздѣльное владѣніе».

Когда растроганный Божа разсказалъ объ этомъ Машенькѣ, она въ первую минуту обрадовалась..

«Неужели этотъ домъ, который намъ такъ дорогъ по воспоминаніямъ, и паркъ, будетъ нашимъ? И луга кругомъ?..» Но тутъ же она залилась слезами и между рыданіями слышались отдѣльныя слова: «Саша... милый... родной... зачѣмъ это?.. Почему ты не съ нами?..» и Божѣ стоило большого труда ее успокоить.

Машенька оставила Сашины комнаты въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при немъ.

Въ его бывшемъ кабинетѣ, на большомъ письменномъ столѣ, стоялъ поясной портретъ Розы, въ траурной рамѣ, тотъ самый, который Машенька видѣла въ Слюдянскѣ, наканунѣ войны.

XVII

«И бѣлымъ облакомъ скользя,
«Встаетъ все то въ душѣ тревожной,
«Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что, невозможно.

Н. Агнивцевъ.

Послѣ исключительно жаркаго лѣта 1907 года въ Бѣлоруссіи наступили благодатные признаки наступающей осени.

Съ Днѣпра потянуло прохладой, въ лѣсахъ зашуршали подъ ногами первые опавшіе листья, въ прозрачномъ воздухѣ появились длинныя нити легчайшей пряжи, блестящія слезинки нѣжной росы покрыли луга и озими и вся природа дышала тихимъ и величавымъ спокойствіемъ, умиротворяя людскія страсти.

Былъ августъ...

Въ одинъ изъ его послѣднихъ дней на открытой терассѣ усадьбы, въ Глубокомъ сидѣли за столомъ, послѣ ранняго деревенскаго обѣда Божа и Стась Даровскій.

Машенька помѣстилась въ сторонѣ, въ лонгшезѣ, у перилъ, и наблюдала за маленькой Наташей, игравшей внизу, въ небольшомъ палисадникѣ, въ песчаной горкѣ.

Даровскій восторженно вспоминалъ прежнюю виленскую жизнь.

«Да», сказалъ, между прочимъ, Стась, заговоривъ про Сашу съ Розой, «это большой авантюрный романъ, но мало кто знаетъ, кто была Роза?»

«Насколько извѣстно, она была дочерью какого-то эмигранта-еврея, умершаго въ Америкѣ», началъ Божа.

«И ты въ этомъ увѣренъ?»

«Такъ говорили»...

Стась усмѣхнулся. «Говорили!». Онъ пригладилъ свои пушистые усы и, прищуривъ лѣвый глазъ, внушительно произнесъ: «ничего подобнаго! Ея отцомъ былъ никто иной»... тутъ Стась почтительно понизилъ голосъ до шопота, «какъ самъ графъ Лужаниновъ, тотъ самый, который имѣлъ столько помѣстій по Нѣману, и который безъ памяти влюбился уже не молодымъ, въ красавицу еврейку, дочь своего арендатора... Это я совершенно случайно узналъ минувшимъ лѣтомъ, на маневрахъ, подъ Гродно», объяснилъ Стась.

«Такъ ли это?» недовѣрчиво замѣтила Машенька, внимательно слушавшая разговоръ со своего наблюдательнаго пункта. Стась, молча, раскурилъ сигару. «Послѣ какого то походнаго движенія и маневреннаго обхода», началъ онъ, «нашему полку была назначена дневка въ одномъ изъ графскихъ имѣній. Квартирьеры мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ стараго графскаго управляющаго, который мнѣ со старческой болтливостью, послѣ хорошаго ужина съ виномъ, многое разсказалъ про Розину мать, не подозрѣвая того, что я такъ хорошо зналъ ея дочь... Старикъ мнѣ подробно разсказалъ, какъ графъ собирался жениться на своей возлюбленной, предварительно крестивъ ее, и какъ неожиданно, послѣ этого, на охотѣ, онъ по какой то странной случайности былъ убитъ... Въ свое время, я помню это изъ моего дѣтства, этотъ случай надѣлалъ много шума!..

Разслѣдованіе ничего не дало!..

Въ Вильнѣ нашелся какой-то бѣдный еврей, согласившійся за деньги (онъ собирался ѣхать въ Америку) жениться на Розиной матери и этимъ оформить рожденіе будущаго ребенка.

Такъ графская родня распорядилась Розиной судьбой, чтобы забыть ее и никогда не вспоминать.

Вскорѣ, послѣ смерти графа и рожденія Розы ея мать умерла...»

Даровскій замолчалъ.

Молчали и Божа съ Машенькой.

Каждый былъ занятъ своими мыслями.

И думая о Розѣ, Божѣ вспомнились слова Поля Буржэ: «всѣ людскіе инстинкты сдерживаются соціальными преградами и только одна любовь, подобно смерти, не подчиняется человѣческимъ условностямъ...»

«А вѣдь Роза была по своему счастлива!» дополнилъ его мысли Стась Даровскій.

XVIII

Всю зиму Божа былъ занятъ своимъ новымъ имѣніемъ и выполненіемъ Сашинаго завѣщанія въ отношеніи крестьянъ.

Ихъ земля все еще не была подѣлена...

Они никакъ не могли сговориться и каждый хозяинъ требовалъ себѣ болѣе удобный участокъ, нисколько не заботясь объ общихъ интересахъ.

Божа прилагалъ всѣ усилія, чтобы найти для нихъ общій языкъ и это ему съ трудомъ удалось сдѣлать только къ веснѣ, ко времени обработки земли и посѣва, и только потому, что иначе земля снова осталась бы «подъ паромъ».

Крестьяне, наконецъ, на сельскомъ сходѣ получили свои дарственные акты, долго и любовно разглядывали «гербовую бумагу», прежде, чѣмъ ее сложить и спрятать, и на этотъ разъ разошлись впервые, послѣ дѣлежа, безъ брани и злобной ругани, часто прежде доходившей до драки.

Все это сблизило Божу съ крестьянами и онъ понялъ многое изъ ихъ жизни, чего раньше не понималъ, — это неудержимое стремленіе къ землѣ, доходившее до болѣзненной, необъяснимой жадности.

Наступили хорошіе, теплые, солнечные дни начала іюня.

Пчелы въ ульяхъ «запѣли» (зажужжали), стали вяло тянуть понову, рѣже летать въ поле и лѣниво висѣли подъ сотами.

Все говорило за то, что скоро начнется періодъ отхода роевъ.

Машенька уже съ утра ушла на пасѣку. Сидя на травѣ, она старательно вышивала «воздухъ» для церкви, ожидая «перваковъ», которые, вылетая со своей старой маткой, прививались обыкновенно тутъ же у своего улья на вѣтвяхъ ближайшихъ яблонь и грушъ.

Кругомъ шла пчелиная жизнь...

Съ гудѣніемъ пролетали рабочія пчелы за нектаромъ, на заливные луга, гдѣ уже цвѣли къ этому времени клеверъ, шалфей, душистый горошекъ, горчица и горицвѣтъ.

Весело летали на «проигрѣ» молодыя матки-царицы, окруженные шумной толпой нарядныхъ трутней, охотно платившихъ жизнью за свою любовь.

На нѣкоторыхъ ульяхъ суетились и безпокоились пчелы, подбирая подъ крылышки воздухъ, чтобы летѣть со своей царицей на новый удѣлъ. Подъ ульями задорно и звонко стрекотали кузнечики.

Неожиданно, до слуха Машеньки донеслись сдержанные голоса.

Въ старомъ, заброшенномъ сараѣ, выходившемъ своей бревенчатой стѣной на пасѣку, говорили какіе-то люди.

Ихъ, видимо, было двое.

Одинъ голосъ показался Машенькѣ знакомымъ.

«Что-жъ! Не удалось на этотъ разъ, удастся потомъ!» увѣренно сказалъ этотъ голосъ, продолжая начатый разговоръ.

«Жди!» безнадежно отвѣтилъ другой голосъ.

«И не такъ долго ждать придется!» увѣренно произнесъ первый.

Машенька напрягла всю свою память и въ ея воображеніи воскресли далекіе обрывки неясныхъ воспоминаній, — монастырскій домъ, крокетная площадка, шаръ въ крапивѣ, Макарка-семинаристъ...

Сомнѣній не было, — этотъ голосъ принадлежалъ ему, но только огрубѣлъ и окрѣпъ.

Онъ увѣренно продолжалъ: «теперь все идетъ къ тому, что все взорвется само собой и сами генералы предадутъ Царя... Но на деревенщину надежды нѣтъ. Народъ безъ толчка сверху на революцію не пойдетъ... Намъ нужно дать этотъ толчокъ, и мы его дадимъ!»...

«Откуда? Не изъ Женевы-ли?»

«Не все ли равно откуда, разъ намъ нужно теперь изъ Россіи бѣжать»...

«Да, нужно», и изъ амбара послышался печальный вздохъ. Вотъ я недавно отъ мужиковъ еле живой ушелъ, еще хорошо, что полиціи не передали... А партія требуетъ агитаціи»...

«Придетъ и наше время», со злобой перебилъ говорившаго Турганскій, «и я тогда отъ этой усадьбы камня на камнѣ не оставлю и, кстати, мужиковъ не забуду... Самого помѣщика въ расходъ, а его жену...»

Дальше Машенька не слушала. Оставивъ свою работу въ травѣ и уже не обращая вниманія на то, что вылѣзшія изъ своихъ улей пчелы, повисли гроздями на вѣтвяхъ сосѣднихъ яблонь, она побѣжала домой.

Путаясь и сбиваясь, она разсказала Божѣ все, что слышала.

Немедленные поиски агитаторовъ не дали никакихъ результатовъ, — они безслѣдно исчезли и только много времени спустя стало извѣстно, что они бѣжали въ Швейцарію.

XIX

«Они не знаютъ пути мира».
Посл. къ Римл. Св. Ап. Павла 3, 17

Въ 1909 году въ Европѣ произошло событіе исключительной политической важности, — Австрія дерзко аннексировала славянскія земли Босну и Герцоговину, открывая этимъ Германіи широкій путь на Константинополь

и дальше въ Малую Азію. Россія ослабленная минувшей войной и революціей, не имѣла силъ защитить славянскихъ интересовъ силой оружія и на этотъ разъ сами южные славяне съумѣли объединиться, — на Балканахъ, образовался четверной союзъ изъ Сербіи, Болгаріи, Греціи и Черногоріи.

Австрія отнеслась къ нему съ явнымъ попустительствомъ, твердо увѣренная въ томъ, что ей ничего не угрожаетъ и что Турція, противъ которой онъ оффиціально составлялся, еще достаточно сильна, чтобы удержать за собой еще находящіеся подъ ея вліяніемъ славянскія земли и, если придется, разъ навсегда уничтожить славянскія «фантазіи». Но, вскорѣ, австрійскія надежды разлетѣлись, какъ дымъ, — «фантазіи» оказались явью!..

Сербы героическимъ ударомъ нанесли туркамъ жесточайшее пораженіе у Куманова и, захвативъ Битоль, уничтожили тамъ послѣднія турецкія силы. Болгары заняли Лозенградъ, отбросили турокъ отъ Люле-Бургаса и уперлись въ Чаталджу, Черногорцы удержали Скадаръ и Греки заняли Салоники.

Тогда Австрія, уже въ естественной тревогѣ за себя, перемѣнила фронтъ и со свойственнымъ ей коварствомъ, вліяя на Болгарію, приняла рядъ мѣръ, чтобы разрушить побѣдоносный союзъ.

Напрасно Русскій Императоръ призывалъ Болгарію къ благоразумію — австрійская политика все время нажимала свои пружины. Болгарія предъявляла невыполнимыя требованія. Война между союзницами Сербіей съ Греціей съ одной стороны и Болгаріей съ другой, — становилась неизбѣжной.

Воспоминаніе о легкой побѣдѣ подъ Сливницей кружило болгарамъ голову!.. Австрія давала средства!.. Враги Славянъ торжествовали! 17 іюня 1913 года, когда утренняя заря еще не озолотила вершинъ Градишта и Брегальницы тихо струилась въ темнотѣ ночи, болгары всѣми силами предательски обрушились на сербскія позиціи.

Братскій союзъ былъ потопленъ въ крови и раскиданъ болгарскими штыками.

XX

«Куманово, —
за Косово,
«Брегальница, —
за Сливницу.

Осенью 1912 года уже было ясно, что вскорѣ на Балканахъ загрохочутъ пушки.

Божа взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Сербію.

Участвуя въ рядѣ сраженій съ турками, онъ испыталъ опьяняющее

счастье Кумановской побѣды, какъ отмщеніе за далекое Косово.

Перемиріе съ турками застало его въ Велесѣ.

Божа, руководившій укрѣпленіемъ позицій Дринской дивизіи по склонамъ холмовъ, спускавшихся къ Брегальницѣ, только къ вечеру сѣлъ на коня, чтобы ѣхать «домой», — въ пастушескую сторожку, одиноко стоявшую въ полѣ, у дороги на Велесъ.

За рѣкой еще виднѣлись неясные контуры Штипа, въ синеватой дымкѣ на горизонтѣ зажигались болгарскіе огни и сѣрой лентой уходило вдаль, между горъ, струмицкое шоссе.

На душѣ у Божи было не легко! Хотѣлось вѣрить, что война окончена, что исполняются завѣтныя родныя мечтанія, но тревожныя вѣсти изъ арміи и приказы изъ дивизіи невольно заставляли думать иначе...

«А, можетъ быть, это только тамъ, въ Бѣлградѣ, издали, все рисуется въ такихъ мрачныхъ краскахъ? Вѣдь ничто не даетъ повода думать, что болгары нападутъ на насъ? Вѣдь мы вмѣстѣ съ ними разбили турокъ! Они наши союзники! Да, — они собрали войска, угрожаютъ, требуютъ, но, вѣдь, въ концѣ концовъ, благоразуміе должно взять верхъ!.. Такому вѣроломству не было бы названія!.. Нѣтъ, въ Бѣлградѣ напрасно волнуются!», утѣшилъ себя Божа, когда его конь самъ перешелъ въ рысь, въ виду сторожки, уже въ полной темнотѣ.

Изъ сторожки мигающій красноватый свѣтъ стеариноваго огарка падалъ на коновязь, у которой стояли лошади и, пофыркивая, отжевывали сѣно, и на удалявшіеся въ темноту сѣрыя пятна людей, лежавшихъ подъ козлами винтовокъ, стоявшихъ рядами, какъ копна на сжатомъ полѣ, и на темные силуэты часовыхъ.

Изъ сторожки слышались голоса.

Знакомый голосъ майора Матича громко объяснялъ приказъ верховнаго командованія.

«Въ Штипѣ сейчасъ группируются болгарскія войска», раздавался его пѣвучій баритонъ.

«Если болгары поведутъ наступленіе на Дринскую дивизію, то Моравская дивизія поможетъ ей обороняться своей атакой отъ Св. Николы»... Майоръ Матичъ остановился, видимо оріентируясь по картѣ.

Божа вошелъ въ сторожку.

«Помози Богъ!», произнесъ онъ, переступая порогъ.

«Богъ ти помогао!», раздалось въ отвѣтъ нѣсколько негромкихъ голосовъ.

Майоръ Матичъ обернулся.

«А! Божа, піонеръ!», ласково заговорилъ онъ, давая Божѣ мѣсто рядомъ съ собой на выломанной двери, на которой были разложены карты. «Что новаго? Былъ ли въ штабѣ?».

«Не былъ», отвѣтилъ Божа, усаживаясь.

Майоръ предложилъ ему портсигаръ.

«Былъ ли въ 4-мъ полку?».

Божа закурилъ папиросу. «Былъ»...

«И что-же?».

«Тамъ мнѣ говорили, что болгары, какъ всегда, пытались разговаривать съ нашими часовыми, смѣялись, шутили... И, право, нѣтъ никакихъ признаковъ враждебныхъ отношеній, — какъ будто мы на маневрахъ»... и Божа улыбнулся своей открытой улыбкой.

Майоръ укоризненно покачалъ головой.

«Имъ все еще мерещится далекое прошлое!», злобно произнесъ пожилой капитанъ, поднимаясь съ соломы, на которой онъ, лежа, слушалъ разговоръ.

«А теперь не забудутъ Брегальницу!», весело поддержалъ его резервный поручикъ. «Надо, однако, къ ротѣ идти», добавилъ онъ, направляясь къ выходу.

«И нашъ 6-й полкъ не забудетъ, — не даромъ онъ носитъ славное имя Королевича Александра!.. Будутъ насъ помнить, — мы имъ за Сливницу отомстимъ. Вотъ какъ!», восторженно заволновался юный офицеръ, почти мальчикъ, и, вмѣшавшись въ разговоръ старшихъ, сконфузился и покраснѣлъ.

«Такъ!.. Такъ! Правильно, юначе!», одобрилъ молодого офицера майоръ Матичъ и ласково похлопалъ его по плечу.

Офицеры вышли...

Въ глубинѣ сторожки загнусавилъ полевой телефонъ.

«Что еще тамъ?», спросилъ телефониста майоръ.

«Изъ 4-го полка передаютъ, что противъ нихъ болгары открыли ружейный огонь».

«Ну, — это мы и сами слышимъ», и, дѣйствительно, было слышно, какъ гдѣ-то влѣво, то затихая, то усиливаясь, прорѣзалъ ночную тишину ружейный огонь, «а еще что?».

«И въ горахъ у болгаръ появились какіе то свѣтовые сигналы»...

Божа посмотрѣлъ на часы.

Былъ второй часъ ночи.

Далекіе выстрѣлы противъ 4-го полка понемногу стихали.

Надъ Брегальницей повисла жуткая и зловѣщая тишина...

Божа на соломѣ забылся тяжелымъ сномъ...

XXI

Весна въ 1913 году была поздняя.

Солнце быстро растопило бѣлорусскіе снѣга и, животворяя землю, пылко пробудило къ жизни спавшую природу.

Машенька съ Наташей жила у родителей въ Оршѣ, грустно переживая тревожное одиночество и вѣчный страхъ за Божину судьбу, какъ это уже было семь лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ въ Манчжуріи. Но на этотъ разъ какое то особенное смутное и тяжелое предчувствіе все время камнемъ ложилось на ея душу и, несмотря на всю свою любовь къ дочери, мысль о томъ, чтобы оставить ее у родителей, а самой ѣхать «туда» къ мужу ,все чаще и чаще стала ей приходить въ голову.

Она никому не рѣшалась говорить объ этомъ желаніи своего сердца, увѣренная въ противодѣйствіи, и ошиблась.

Былъ одинъ изъ тѣхъ тихихъ іюньскихъ дней, когда воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ липъ, не колыхался и только знойная тишина струилась въ его прозрачной лазури золотой пылью.

Машенька задумчиво сидѣла въ садовой бесѣдкѣ.

Она разсѣянно наблюдала за Наташей, возившей по дорожкѣ въ тележкѣ своихъ куколъ.

Куклы безпрестанно вываливались изъ тѣснаго экипажа и дѣвочка съ досадой усаживала ихъ снова, сердито грозя имъ пальчикомъ.

Когда она скрылась съ телѣжкой за поворотомъ дорожки, Машенька всецѣло отдалась ощущеніямъ, не вызывающимъ мыслей.

Ея глаза были заплаканы. Она даже не замѣтила, какъ къ ней приблизилась матушка Піама.

«Что это ты,- Машенька, изводишься какъ?»... начала она, присаживаясь къ ней и любовно заглядывая ей въ глаза.

«Грустно»...

«Это сердце груститъ»...

«Сама не понимаю... За Божу страшно, — мѣста себѣ не нахожу!».

«А ты бы поѣхала къ нему, Машенька. Отецъ говоритъ, что Сербія не дальше Сибири... Не наша Камчатка... Поѣзжай»...

Машенька не вѣрила своимъ ушамъ.

«За внучкой мы присмотримъ. А тамъ и ты съ Божей вернешься, — вѣдь война, какъ пишутъ, окончена»...

Машенька бросилась матери на грудь.

«Да... Но болгары что-то еще требуютъ, — неспокойно тамъ»... робко возразила она.

«А что имъ еще надо?»

«Изъ за новыхъ границъ спорятъ»...

«И до чего это люди озвѣрѣли, право... И остановиться не могутъ! Побили нехристей, повоевали и, кажись, довольно... Чего еще надо?», философски заключила матушка свои слова, обнимая дочь.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Машенька уже ѣхала въ Сербiю къ Божѣ.

XXII

> «Побѣда на Брегальницѣ, какъ продолженiе сербскихъ побѣдъ надъ турками въ 1912 году у Куманова и подъ Битолемъ, блескомъ молнiи озарила ту высокую духовную мощь сербской армiи и народа, которую болгары, упоенные легкимъ успѣхомъ подъ Сливницей въ 1885 году, такъ фатально на себѣ испытали. На Брегальницѣ сербское оружiе вернуло свой прежнiй боевой блескъ».
>
> «Битва на Брегальницѣ».
>
> **В. Максимовичъ.**

з

На востокѣ еле брезжилъ разсвѣтъ, когда вся болгарская армiя, перейдя Брегальницу, обрушилась по всему фронту на сербское расположенiе.

Противъ 6-го полка наступала бригада тунджанскихъ болгаръ.

Ихъ первый ударъ приняло сторожевое охраненiе. Заставы, ведя мѣстами рукопашный бой, начали медленно отходить назадъ. Начальникъ сторожевого резерва майоръ Васичъ ихъ поддержалъ своей рѣшительной контръ-атакой.

Болгары прiостановились.

Начинало свѣтать. Обстановка выяснялась. Сербскiя роты оказались окруженными.

Пробиваясь штыками изъ болгарскаго огневого кольца, онѣ были отброшены къ югу.

На замѣну имъ былъ посланъ баталiонъ майора Матича.

Онъ развернулся у сторожки и Божа видѣлъ въ бинокль, какъ его цѣпи спустились съ холма, потомъ скрылись отъ взоровъ въ лощинѣ и, перебѣжавъ ее, стали быстро взбираться на гребень подъ бѣлыми разрывами шрапнелей, которыми ихъ осыпала болгарская артиллерiя. Хотя прорывъ

былъ ликвидированъ, но дорогой цѣной, — раненые длинной вереницей тянулись съ позиціи къ перевязочнымъ пунктамъ...

Убитыхъ сносили въ лощину. Среди нихъ былъ и тотъ юный офицеръ, который ночью въ сторожкѣ, призывалъ къ мщенью за Сливницу. На его лицѣ, на которое смерть еще не успѣла наложить своей печати, застыла восторженная улыбка, какая бываетъ у дѣтей, когда имъ хорошо удается ихъ забавная и интересная игра.

Настойчивыя атаки болгаръ продолжались. 6-й полкъ уже съ трудомъ отбивался отъ нихъ... Громыхала артиллеріи... Косили пулеметы... Командиръ полка*) былъ раненъ и много офицеровъ было убито**)... Контръатака не удалась... Полкъ истекалъ кровью...

Послѣ полудня, со стороны Богословца, показались густыя цѣпи поддержки.

Онѣ все ближе и ближе...

Уже видны отдѣльные люди...

«Какой полкъ?», спросилъ Божа проходящихъ мимо солдатъ, покрытыхъ пылью и обливавшихся потомъ.

«Императора Николая II», не поднимая головы, отвѣтилъ ближайшій солдатъ съ «капой», сбитой на затылокъ.

«Шестнадцатый», дѣловито дополнилъ шедшій рядомъ съ нимъ бородатый капралъ.

Божа присоединился къ одной изъ ротъ. Все чаще рвались надъ головами шрапнели и осколки металла со стономъ бороздили каменистую почву.

Тучи невидимыхъ пуль носились кругомъ. Рядомъ съ Божей упалъ, схватившись за сердце, рослый солдатъ. Другой, пробѣжавъ неувѣренно нѣсколько шаговъ, уткнулся головой въ песокъ, судорожно царапая пальцами раскаленные камни.

«Напредъ! Напредъ!»... не узнавая своего голоса, повторялъ Божа, увлекая ближайшихъ людей въ тотъ стремительный и страшный потокъ, который носитъ названіе атаки.

Что-то неожиданно больно кольнуло его въ грудь...

Онъ мягко опустился на землю...

Онъ хотѣлъ приподняться, но вмѣсто этого со стономъ опрокинулся на спину.

Прямо надъ нимъ висѣлъ прозрачный куполъ неба и высоко, высоко въ небесномъ сводѣ парилъ, широко расправивъ свои могучія крылья, большой южно-сербскій орелъ.

Болгары бѣжали...

---

*) Полковникъ Докичъ.

**) Во главѣ своихъ баталіоновъ были убиты ихъ командиры, майоры: Васичъ, Матичъ, Томичъ и Стойковичъ, и больше 50% офицерскаго состава выбыло изъ строя.

XXIII

Русскій госпиталь Краснаго Креста, находившійся въ Бѣлградѣ и помѣщавшійся въ обширномъ зданіи мужской гимназіи, былъ переполненъ.

Несмотря на открытыя окна и жалюзи, всюду чувствовался острый запахъ іода, эфира, хлороформа и различныхъ лѣкарствъ и противно пахло кислотой человѣческой крови.

Божу помѣстили въ небольшой отдѣльной комнатѣ верхняго этажа.

У него была прострѣлена грудь.

Потерявъ много крови, онъ былъ очень слабъ и, когда въ первый разъ его осматривалъ докторъ, то находившаяся при этомъ юная сестра милосердія изъ московскихъ медичекъ, сразу поняла по скептическому выраженію докторскаго лица, что надежды на его выздоровленіе мало.

Поэтому его и помѣстили отдѣльно.

Первую ночь Божа провелъ тревожно, — сердце временами переставало биться и пульсъ былъ такъ слабъ, что палатный фельдшеръ нѣсколько разъ впрыскивалъ камфору.

Черезъ три дня на сосѣднюю съ Божей постель принесли раненаго.

Это былъ болгаринъ. Онъ былъ раненъ въ животъ. Его темное лицо было искажено страданіемъ, но въ глазахъ, которыми онъ осмотрѣлся кругомъ, не было ничего, кромѣ ненависти и злобы.

Ему былъ предписанъ абсолютный покой.

Наступила ночь...

Дежурная сестра, осмотрѣвъ раненыхъ, прошла въ сосѣднюю палату.

Было послѣ полуночи...

Тускло свѣтила притушенная электрическая лампочка подъ темнозеленымъ абажуромъ.

Неясно доносились въ открытыя окна далекіе шумы большого города.

Божа лежалъ на спинѣ и, безсильный шевелиться, только могъ съ трудомъ поворачивать голову.

Неожиданно онъ увидѣлъ, что его сосѣдъ-болгаринъ неуклюже и тяжело сползаетъ съ постели...

«Что это онъ дѣлаетъ? Вѣдь ему докторъ даже запретилъ шевелиться!», удивленно подумалъ Божа, когда болгаринъ съ глухимъ рычаніемъ поползъ къ нему по паркету.

У него въ зубахъ былъ ножъ...

«Это кошмаръ!», думаетъ Божа, «фантазія разстроеннаго воображе-

нія», но въ это время ясно ощущаетъ, что болгаринъ цѣпляется за край его постели, тянетъ одѣяло. Что то тяжелымъ камнемъ наваливается на него и душитъ.

Онъ пытается крикнуть, позвать на помощь, но вмѣстѣ этого изъ его простреленной груди вырываются каіе-то слабые болѣзненные хрипы

«Онъ хочетъ убить меня? Теперь? За что?»... вихремъ несутся мысли въ Божиной головѣ, когда два горящихъ глаза, какъ раскаленные угли, устремляются на него и надъ нимъ, дрожа, блеститъ стальное лезвіе занесеннаго ножа.

Божа дѣлаетъ послѣднее усиліе освободиться...

Напрасно...

Изъ его груди вырывается придушенный стонъ... Какъ во снѣ, онъ гдѣ то близко слышитъ счастливый Машенькинъ голосъ: «Божа!.. Милый!..» и впадаетъ въ забытье.

Маша пріѣхала въ Бѣлградъ съ вечернимъ поѣздомъ.

Въ русскомъ посольствѣ она узнала, что Божа раненъ, но ей не сказали, что тяжело, и объяснили, что онъ лежитъ въ русскомъ госпиталѣ Краснаго Креста...

Она, не задерживаясь, поѣхала въ госпиталь...

На полу, у Божиной постели, лежалъ распростертый болгаринъ.

Болгаринъ былъ мертвъ.

Его убила слѣпая ненависть, -« made in Austria ». поставилъ свой діагнозъ палатный ординаторъ.

XXIV

Когда Божа вышелъ изъ госпиталя, была осень.

Бѣлградъ потускнѣлъ...

Пестрые сады Калемегдана завяли и аллеи потеряли листву. Ежедневно моросилъ мелкій дождь и надъ Дунаемъ и Савой стояли густые туманы.

Эти туманы тяжело отзывались на Божиномъ здоровьи и доктора совѣтовали Машенькѣ избрать для него болѣе теплый и благодатный климатъ.

Машенька уговорила Божу переѣхать въ Батумъ, на Кавказъ.

Батумъ — это сказка! Волшебная сказка!

Тамъ, — Гомеровскій Одиссей съ аргонавтами искалъ въ устьѣ Чороха золотое руно...

Тамъ, — къ высокой отвѣсной скалѣ Понтійскаго Тавра былъ прикованъ Зевесомъ миѳологическій Прометей...

Тамъ, — въ теченіи бѣгущихъ столѣтій, одинъ за другимъ, смѣнялись народы и только сѣдая исторія хранитъ память о нихъ...

Тамъ, — въ 1878 году, послѣ громкихъ побѣдъ надъ турками, русская армія захлебнулась въ крови своихъ безконечныхъ атакъ...

Тамъ, въ 1916 году, генералъ Ляховъ, побѣдоносно пройдя Лазистанъ, взялъ легендарный Трапезундъ, столицу многихъ царствъ...

Тамъ, — нѣжно ласкаетъ вѣчно-зеленый берегъ бирюзовая морская волна...

XXV

«И продолжало совершаться то страшное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ Того, Кто руководитъ людьми и мірами».

«Война и миръ»
Гр. Л. Толстой.

«Война лежитъ въ природѣ человѣчества и искоренить ее не въ силахъ даже человѣческій геній».

Проф. **Н. Краинскій.**

Невозможно себѣ представить «гуманное» лицо современной культуры, о которой такъ много пишутъ и говорятъ, видя груды, обезображенныхъ человѣческихъ тѣлъ!

Къ чему всѣ высокопарныя слова новыхъ теченій человѣческой мысли, если онѣ не въ состояніи остановить войны, какъ рѣшающаго средства человѣческихъ споровъ? Къ чему грубый обманъ?

Въ 1914 году въ Европѣ загремѣли пушки и началась Міровая война.

Уже двѣ русскихъ арміи, спасая союзницу Францію побѣдоносно ворвались въ Восточную Пруссію и одна изъ нихъ уже погибла на берегахъ Алле; уже пять русскихъ армій, въ составѣ милліона солдатъ, послѣ тяжелыхъ и кровопролитныхъ боевъ, разбили австрійцевъ въ Галиціи и, преслѣдуя ихъ, брали тысячи плѣнныхъ; уже сербы одержали надъ врагомъ рядъ блестящихъ побѣдъ въ Подриньѣ и Бѣлградъ испыталъ на себѣ всю тяжесть непріятельской артиллеріи изъ за Дуная и Савы; уже во Франціи произошло «чудо на Марнѣ»...

А на русско-турецкой границѣ все еще было спокойно!

Турція, колеблясь, еще не бралась за оружіе...

Только въ октябрѣ, когда нѣмецкій крейсеръ «Гебенъ», прорвавъ англійскую блокаду, появился въ Черномъ морѣ и подъ турецкимъ флагомъ обстрѣлялъ рядъ русскихъ портовъ, начались военныя дѣйствія. Далеко разнеслась по Востоку вѣсть объ успѣхахъ русскаго оружія у Сарыкамыша, Ардагана, Баязета и Вана и у «неприступныхъ» твердынь Эрзерума...

У береговъ Чернаго моря шли тяжелые и упорные Офскіе бои...
До Кара-дере и Трапезунда было уже близко!

Божа находился въ отрядѣ генерала Ляхова.

XXVI

«Се оставляется домъ вашъ пустъ».
Ев. отъ Матѳея 23, 38.

«Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный».

А. Пушкинъ.

Еще никогда и нигдѣ такъ своеобразно не заканчивалась война, какъ между Россіей и Турціей въ 1918 году.

Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ надъ турками, завершившихся взятіемъ Эрзерума и Трапезунда и занятіемъ многихъ малоазіатскихъ областей, русскія войска, весной, очистили свои грозныя позиціи и, совершенно не заботясь объ ихъ участи, — ушли.

Ушли, — чтобы не вернуться, оставивъ свои окопы, полные патроновъ, пулеметы съ заложенными лентами, готовые стрѣлять, и заряженныя пушки, наведенныя на непріятеля, около которыхъ мирно паслись уже ненужныя имъ артиллерійскія лошади.

У брошенныхъ походныхъ кухонь сновали голодныя собаки.

Онѣ выли по ночамъ и имъ вторили въ горахъ своимъ противнымъ смѣхомъ шакалы.

Прошло много времени, пока турки рѣшились двинуться впередъ...

Имъ все случившееся казалось какимъ-то непонятнымъ сномъ, и они заняли дотолѣ грозныя позиціи только тогда, когда поняли, что русская армія съ началомъ революціи окончательно разложилась и уже безпорядочной толпой, въ безумномъ порывѣ, ринулась «по домамъ», наводя ужасъ на попутные города и села и все сметая на своемъ пути, какъ средневѣковые гунны.

Послѣ окончательнаго развала русско-турецкаго фронта, Божа рѣшилъ черезъ Персію пробраться въ Саллоники, гдѣ сербская армія, возродившись послѣ Корфу, занимала позиціи.

Машенька съ Наташей остались въ «Глубокомъ» и должны были пріѣхать въ Бѣлградъ, когда «Богъ дастъ сербамъ побѣду и желанный миръ».

XXVII

> Въ тотъ день, когда презрѣвъ былую славу,
> Топтали въ грязь эмблемы прежнихъ силъ,
> Сраженный въ грудь, онъ скипетръ и державу
> Изъ лапъ могучихъ уронилъ...
>
> «Орелъ». **Кн. Косаткинъ-Ростовскій.**

Послѣ отреченія Государя отъ Престола и начала революціи, Россія быстро пошла по пути анархіи.

Новое правительство, при наглости и самомнѣніи, оказалось бездарнымъ и слабымъ.

Начались грабежи и разбои...

Амнистированные арестанты, многочисленные дезертиры съ фронта, и весь тотъ безпринципный мусоръ, который, обычно, всѣ революціи выносятъ на гребень своихъ волнъ, образовали различныя преступныя сообщества. Однѣ изъ нихъ засѣдали въ дворцахъ и министерствахъ Москвы и Петрограда, другіе — образовали разбойничьи шайки.

Одна изъ такихъ шаекъ, подъ общимъ девизомъ, «грабь награбленное» оперировала въ раіонѣ Витебска и Орши.

Поля очистились отъ снѣга и вешними водами прошелъ ледоходъ, когда по берегамъ Днѣпра запылали помѣщичьи усадьбы и крестьянскіе отруба.

Въ это время, въ «Глубокомъ» находились матушка Піама и Машенька съ дочкой, — представительницы всѣхъ трехъ поколѣній, и съ тревогой и страхомъ переживали доходившіе до нихъ слухи, краснорѣчиво подтверждаемые зловѣщими заревами далекихъ пожаровъ.

Изъ мужчинъ въ усадьбѣ никого не было. Только внукъ стараго Никифора, умершаго вскорѣ, послѣ трагической Сашиной гибели, подростокъ Федя, остался жить въ его бывшихъ «аппартаментахъ», состоявшихъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ на антресоляхъ, какъ это еще было при бабушкѣ.

Крестьяне изъ села «Глубокаго» и сами, и черезъ Федю не разъ совѣтовали Машенькѣ уѣхать изъ деревни, философски объясняя ей, что «безъ Царя все дозволено и что потому свободный народъ можетъ жить безъ закона и грабить», — но Машенька все время откладывала свой отъѣздъ ,потому что матушка Піама не рѣшалась оставить мужа, одного, въ монастырѣ, а Машенька, хотя и сознавала опасность, тоже не рѣшалась оставить родителей.

Такъ прошли прозрачно-лазурные дни апрѣля. Наступилъ май.

Въ одну изъ его ночей, ложившійся на землю густой туманъ, напоенный нѣжнымъ ароматомъ цвѣтущихъ луговъ, внезапно наполнился глухими уда-

рами набата и вслѣдъ за этимъ темная полоса монастырскаго бора ярко освѣтилась зловѣщими переливами пожара.

Въ оградѣ монастыря горѣли церковные дома.

Снопы яркихъ искръ густо падали на гонтовые купола церкви, уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ занимавшіеся огнемъ.

Отчетливо, на фонѣ зарева рисовались въ темномъ небѣ, какъ на кружевномъ узорѣ, вершины отдѣльныхъ великановъ, — сосенъ и липъ.

Тревожно гудѣлъ монастырскій колоколъ. Но никто не спѣшилъ къ нему на помощь и крестьяне сосѣднихъ селъ и деревень только испуганно смотрѣли на пожаръ изъ оконъ своихъ избъ, не рѣшаясь вступить въ борьбу съ огнемъ и съ вооруженными грабителями, называвшихъ себя «коммунистами».

XXVIII

Федя бѣжалъ лѣсомъ изъ усадьбы въ монастырь.

Онъ несъ записку, написанную дрожащей рукой матушки Іiамы, умолявшей о. Павла не задерживаться дома и, «не помышляя о мірскомъ», торопиться со Св. Дарами въ усадьбу.

Пробѣгая по гребню оврага, выводившаго лѣсную тропу на оршанское шоссе, Федю остановилъ изъ его темной и казавшейся бездонной глубины неожиданный грубый окрикъ «кто идетъ!».

Федя остановился въ нерѣшительности.

«Это ты, товарищъ дезертиръ?», спросилъ тотъ же голосъ.

«Да», отвѣтилъ Федя машинально.

«Чего тебя тутъ черти носятъ?», и съ этими словами на тропу вышелъ, пошатываясь, какой-то человѣкъ.

Въ полосѣ луннаго свѣта Федя разглядѣлъ, что этотъ человѣкъ былъ въ рваномъ солдатскомъ мундирѣ безъ погонъ и въ смятой фуражкѣ на затылкѣ, и былъ совершенно пьянъ.

«Заблудился я», отвѣтилъ Федя, скрываясь отъ него въ тѣни, за елью.

«Заблудился», засмѣялся пьянымъ смѣхомъ бѣглый солдатъ, «а, небось, монашекъ грабить не заблудился... А развѣ ты не знаешь», тутъ солдатъ принялъ начальническій тонъ, «что товарищъ Турганскій приказалъ на утро все тутошнее помѣщичье логово до тла изничтожить... чтобы и духу его не было, молодыхъ бабъ разобрать себѣ для плезиру, а которыя старыя — на осину... туда имъ и дорога», просто рѣшилъ пьяный солдатъ.

Что онъ дальше говорилъ, Федя не слышалъ, — онъ, испуганный, бросился обратно въ усадьбу, со всей быстротой своихъ юношескихъ ногъ, не обращая вниманія на хлеставшія по лицу вѣтви густыхъ зарослей, въ чащѣ которыхъ ему приходилось бѣжать.

Оршанскій монастырь былъ разграбленъ.

О. Павелъ Виѳанскій находился въ храмѣ, когда храмъ загорѣлся.

Высоко поднявъ запрестольный крестъ, онъ съ пылающаго амвона благословлялъ далекое село «Глубокое» и окружныя деревни, — всю свою паству, когда въ пламени и искрахъ на него обрушился сгорѣвшій куполъ.

XXIX

Однимъ изъ главныхъ вдохновителей оршанскихъ звѣрствъ и насилій былъ присланный изъ Москвы партійный коммунистъ **Макарій Турганскій.**

«Вотъ, когда подойдемъ къ смоленщинѣ, тамъ раззоримъ много бѣлогвардейскихъ гнѣздъ. Тамъ есть одно княжеское!», со злорадствомъ добавлялъ Турганскій, приближаясь со своей бандой къ Оршѣ съ верховьевъ Днѣпра, и въ его отравленной душѣ даже не шевелилась совѣсть.

Ему мерещилась Машенька, — испуганная, а потому безвольная и покорная...

Прибѣжавшій Федя рѣшилъ всѣ сомнѣнія, — послѣ его словъ оставаться въ усадьбѣ было безуміемъ, надѣяться на что нибудь безполезно и нужно было какъ можно скорѣе скрываться.

Матушка, закутавъ Наташу въ свой лисій салопъ, сбѣжала съ нею къ Днѣпру, гдѣ Федя спѣшно снаряжалъ старую лодку, служившую когда-то для увеселительныхъ катаній по рѣкѣ, на острова, и долженствующую теперь сослужить свою послѣднюю службу, а Машенька осталась въ домѣ, что бы собрать все то, что оставить на произволъ судьбы, ей казалось невозможнымъ, портреты, фотографіи, бездѣлушки, т. е. все, что ей было дорого по воспоминаніямъ.

Все это она собрала въ свой небольшой ручной саквояжъ, когда увидѣла на Божиномъ столѣ его финскій ножъ въ карельской оправѣ, въ кожаномъ футлярномъ чехлѣ. Она машинально взяла этотъ ножъ и вышла на крыльцо.

Все было безмолвно въ ночной тишинѣ. Далекое зарево за лѣсомъ погасло.

Міръ замеръ въ ожиданіи зари, готовясь къ рожденію дня.

«Неужели я больше сюда никогда не вернусь?», подумала Машенька, остановившись на крыльцѣ въ нерѣшительности, и мысли, одна тяжелѣе другой, обладѣли ею.

За Днѣпромъ, на горизонтѣ, показалась полоска зари. Звѣзды постепенно меркли.

Всплывалъ огненный дискъ и ночь стала днемъ.

Перекрестившись короткимъ крестомъ, не оглядываясь, съ глазами, полными слезъ, Машенька, задумавшись, сошла въ садъ и повернула на тропинку, ведущую къ рѣкѣ.

«Вотъ гдѣ мы!» услышала она за собой ироническій голосъ и неожиданно изъ чащи кустовъ ей преградилъ путь какой-то человѣкъ.

Машенька сразу узнала его. «Турганскій»!

«Я давно хотѣлъ васъ видѣть!», сказалъ онъ, приближаясь къ ней. «Возвращайтесь домой и принимайте гостя, хотя и незванаго!», улыбнулся онъ своей улыбкой, больше похожей на гримасу.

«Что вамъ угодно?», растерянно спросила его Машенька.

Въ безцвѣтныхъ глазахъ Турганскаго загорѣлся недобрый огонь.

«Васъ»!

Онъ сдѣлалъ къ Машенькѣ нѣсколько шаговъ.

«Не подходите»!

Турганскій усмѣхнулся углами губъ.

«Кругомъ никого нѣтъ... На помощь къ вамъ никто не придетъ... Надо примириться съ неизбѣжнымъ... Я такъ хочу!», и онъ рѣшительно направился къ ней.

Машеньку охватило чувство жуткаго ужаса, — спасенья не было, все, казалось, было потеряно!.. Душа наполнилась ледянымъ сознаніемъ безнадежности.

Неожиданно острая мысль о финскомъ ножѣ прорѣзала ея мозгъ.

Она быстро открыла саквояжъ, сбросила съ ножа кожаный чехолъ и, въ то время, когда Турганскій приблизился къ ней вплотную, сжимая ножъ, съ нечеловѣческой силой ударила Турганскаго въ грудь.

Въ то мгновеніе, когда Машенька ощутила на своей рукѣ теплую влажность брызнувшей крови и Турганскій тяжело рухнулъ на землю, Машенька, еще не понимая того, что случилось, бросилась въ чащу кустовъ.

Тѣло Турганскаго на тропинкѣ осталось лежать неподвижно.

Старая княжеская лодка честно выполнила свою послѣднюю службу.

Скрываясь днемъ въ зарослях прибрежныхъ ивъ, въ камышахъ или въ глухихъ затонахъ Днѣпра и безшумно скользя по ночамъ у темнаго берега, не освѣщеннаго луннымъ свѣтомъ, она доставила бабушку, дочь и внучку съ Федей въ Кіевъ.

Но только черезъ годъ, послѣ многихъ мытарствъ и приключеній, онѣ прибыли въ Бѣлградъ, гдѣ, наконецъ, соединились съ Божей.

XXX

> «Несомнѣнно, что прорывомъ Салоникскаго фронта и уничтоженіемъ здѣсь непріятеля, Сербская армія сыграла роль мины, нанесшей смертельную пробоину непріятельскому кораблю и тѣмъ давшей возможность своимъ союзникамъ окончательно потопить его».
>
> **Н. Сычевъ.**
>
> «Сербская армія въ Европейской войнѣ».

1 сентября 1918 года, на разсвѣтѣ, на протяженіи тридцати верстъ Салоникскаго фронта, занятыхъ сербской арміей, одновременно заговорили

сотни орудій разныхъ калибровъ, громя ураганнымъ огнемъ болгарское расположеніе.

Послѣ суточной артиллерійской подготовки, сербскія дивизіи, поддержанныя двумя французскими, бросились въ атаку на казавшуюся неприступной непріятельскую позицію и, мѣстами взбираясь по отвѣснымъ скаламъ, къ вечеру заняли непріятельскую укрѣпленную линію.

Болгары, послѣ отчаянныхъ контръ-атакъ, всюду въ безпорядкѣ отступали.

Непріятельскій фронтъ былъ прорванъ...

Воодушевленію сербовъ, несмотря на громадныя потери, не было границъ. Они безостановочно развивали свой успѣхъ, продвигаясь впередъ, и быстро шли по пути паническаго бѣгства болгарской арміи, — всюду на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ стояли остовы сгорѣвшихъ вагоновъ и дымились кругомъ склады боевыхъ припасовъ и продовольствія.

17 сентября болгары сложили оружіе и вмѣстѣ съ ними капитулировали турки. Только у Ниша, въ дальнѣйшемъ, сербы встрѣтили сопротивленіе.

Тамъ оказались нѣмцы.

И ихъ, послѣ ожесточенныхъ боевъ, сербы принудили къ отступленію и ,нанося имъ пораженіе за пораженіемъ, стали быстро приближаться къ роднымъ берегамъ Дуная и Савы.

19 октября сербская армія, съ Королемъ Петромъ I во главѣ, уже входила въ Бѣлградъ!

Народъ ликовалъ, — на сербской территоріи уже не оставалось ни одного непріятельскаго солдата!

Пополнивъ свою армію массой братскихъ славянъ, сербская армія продолжала наступленіе.

Австрійская армія разлагалась сама собой.

Венгрія прислала въ Бѣлградъ своихъ делегатовъ.

Нѣмцы, разбитые французами у Вердена, уже не могли одни продолжать борьбу и просили мира.

Южные славяне образовали новое сильное Королевство Югославію и заняли прочное и почетное мѣсто среди народовъ Европы!

Конецъ.

Imprimerie « PASCAL »
13, Rue Pascal, PARIS-5